12+

ВЕСТНИК

ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2/2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 / 2017

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2017

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-7196 (Online)
ISSN 2308-7226 (Print)
ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2013 г.
Выходит 2 раза в год

Серия № 3. **ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

ВЫПУСК 2 / 20117

Учредитель– ФГБОУ ВО«Пермскийгосударственныйгуманитарно-педагогический университет»
Издатель – ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2 / 2017: электронный научный журнал [Электронный ресурс] / ред. кол.: А.А. Краузе, В.К. Довгяло, В.А. Порозов; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – 188 с. – 2,4 Mb.

В выпуске представлены статьи по проблемам философии, истории, социологии, права, посвященные актуальным вопросам теории и методологии социально-гуманитарного знания, исследованиям исторических и правовых процессов, изучению правовых и социальных коммуникаций, а также их возможному использованию в практической деятельности.

Публикация представляет интерес для широкого круга профессиональных сообществ.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА: А.М. Белавин, д-р ист. наук, проф., проректор по НР и ВС ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:
М.П. АБАШЕВА – д-р филол. наук, проф. ПГГПУ
А.В. ВЕРТИНСКИЙ – канд. ист. наук, доц., декан исторического факультета ПГГПУ
В.А. ДЕРЖАВИН – канд. ист. наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Пермского филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
В.Н. ЖЕЛЕЗНЯК – д-р филос. наук, проф. ПГНИУ
О.А. ЗАПЕКА – канд. филос. наук, проф., проректор по НР Гос. академии славянской культуры (Москва)
О.В. ИГНАТЬЕВА – канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой культурологии ПГГПУ
Е.М. КАЛАШНИКОВА – д-р филос. наук, проф. кафедры философии и общественных наук ПГГПУ (отв. редактор)
А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и общественных наук ПГГПУ
Н.Б. КРЫЛАСОВА – д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр. Перм. филиала ин-та ист. и археологии УРО РАН
В.Н. КУКЬЯН – д-р филос. наук, проф. ПГСХА
О.В. ЛЫСЕНКО – канд. соц. наук, доц. кафедры культурологии ПГГПУ
И.А. ПОДЮКОВ – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой общего языкознания ПГГПУ
В.А. ПОРОЗОВ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и общественных наук ПГГПУ (отв. секретарь)
А.Б. СУСЛОВ – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории ПГГПУ
М.Г. СУСЛОВ – д-р ист. наук, проф. ПГНИУ
А.В. ЧЕРНЫХ – д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр. Перм. филиала института истории и археологии УРО РАН
О.А. ЯНОВСКИЙ – кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России БГУ (Беларусь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:
А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)
В.К. ДОВГЯЛО – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой правовых дисциплин и методики преподавания права ПГГПУ.
В.А. ПОРОЗОВ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и общественных наук ПГГПУ (отв. секретарь)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-54761 от 17.07.2013
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014
Журнал зарегистрирован как сериальное издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)
Сайт журнала «Вестник ПГГПУ». Серия № 3 «Гуманитарные и общественные науки»: URL: http: // www.vestnik3.pspu.ru
Электронная почта журнала для отправки статей: krauze@pspu.ru – для Порозова Владимира Александровича
Издается по решению редакционно-издательского совета ПГГПУ

© Коллектив авторов, 2017
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2017

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ 7

БУШМАКИНА Ю.В. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ 7
РЯЗАНОВ И.В. КОНЦЕПЦИЯ «ЖИЗНЕННОГО МИРА» Э. ГУССЕРЛЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 21
ИВАНОВ А.С., ВЕРТИНСКИЙ А.В. ИСЛАМОФОБИЯ КАК КОНЦЕПТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ 34
ВИХМАН Г.Ю. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ ЛОЖНОГО И ИСТИННОГО Я 40
ГАЛЫНКИН Е.В. СПЕЦИФИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 47
ВАСИЛЬЕВ Н.Н. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ФОРМА РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ 54

РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 63

ПОРОЗОВ В.А. ПЕРМСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ А.И. ГЕРЦЕНА В МЕСТНОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 63
ТОКАРЕВ А.Е. ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕЛЯБИНСКА) 80
ЕРШОВА Э.Б. ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ 1930-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ. 87
БУДНИК Г.А. ОПЫТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – 1970-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ 95
ДЕРЯБИНА Е.С. ИСТОРИОГРФФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ 105
ШИШИГИН А.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРМИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ 119

РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 128

КАРЗЕНКОВА А.В. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ 128

ДОВГЯЛО В.К., КОЛЫШКИНА В.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ) 146

БИСЕНГУЛОВА А.Р., НОСОВА Д.Н. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ 159

БРЮХИНА Е.Р., ТРЯСЦЫНА О.С. СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: «ЗА» И «ПРОТИВ». ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 164

ШАБАЛИН О.М. О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА НА ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 175

МАРИНКИН Д.Н. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЮРИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИ ЗАНЯТИЯ ПО ТЕМЕ «СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ПО ДИСЦИПЛИНЕ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС» ИЛИ «КРИМИНАЛИСТИКА» 181

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск научного журнала «Вестник ПГГПУ» (серия № 3 «Гуманитарные и общественные науки») охватывает классические и современные социально-философские социологические, правовые теории гражданского сознания и общества, прикладные исследования социальных процессов, связанные с историческим дискурсом, правовой коммуникацией, нравственным самосознанием, мобильностью современного общества. Поставленные авторами проблемы в последние два десятка лет довольно широко изучаемы, однако смысловое поле социальных процессов в исследовательских практиках постоянно развивается.

В современных реалиях мировоззренческая, историческая, правовая, культурная практика субъекта не просто поверхностно сканируется, а рассматривается по разным основаниям, с позиции встроенности субъекта в социальный дискурс. Ежедневная социальная практика субъектов выступает для исследователя как поле самостоятельных значений, требующих постоянного анализа и прогнозирования последствий.

Цель этого сборника – знакомство с широкой областью современного социального дискурса. В нем рассматриваются религиозный, правовой, культурный, философский, исторический аспекты современной коммуникации субъектов в связи с различными научными подходами, анализируются предпосылки существования специфики различных социальных практик.

Авторами представленных статей ставятся и решаются задачи определения базовых понятий, отражающих сущность изучаемой проблемы, выделения теоретической базы при характеристике той или иной социальной практики. С помощью эмпирических примеров проясняются теоретические и методологические отличия в их характеристике. Следует отметить, что при построении исследований проявлена достаточная гибкость как в использовании общенаучных, философских, социологических и исторических методов, так и в установлении взаимосвязи между фактами и эмпирическими закономерностями. Представленные исследования весомы не только культурой обобщения, но и тем, что авторами создано широкое междисциплинарное поле, позволяющее достичь наибольших научных результатов.

Поставленные цель и задачи определили структуру сборника. Первый раздел посвящен теоретическим и методологическим вопросам социально-гуманитарного знания, в частности, методологическим аспектам построения исследовательских программ в области истории, психологии, теоретическим основам исследования общественного сознания, субъектности, определению философских предпосылок, принятых для всего социально-гуманитарного знания.

Второй раздел объединяет прикладные исследования социальных процессов, где рассматриваются исторические и культурные предпосылки, а также современное состояние общностного сознания через пересечение культурной, этнической, социальной истории. Авторы проясняют специфические особенности исторического дискурса XX века с помощью эмпирических примеров из региональной истории и определяют их влияние на общую культурно-историческую модель.

Третий раздел посвящен актуальным вопросам правоприменения и современным тенденциям развития права. Авторами анализируется правовая практика в различных аспектах жизни современного социума: в системе образования, природопользования, в области социальных гарантий граждан, реализации профессиональных компетенций. Прояснение авторами правового регулирования данных сфер жизнедеятельности общества рассматривается как предпосылка для развития содержания и структуры самого права. Рассматриваемые проблемы актуальны, они требуют особого общественного внимания.

В своем подходе к исследованию общественных явлений авторы последовательны, научные результаты сборника можно считать состоявшимися.

Хочется надеяться, что публикуемые материалы будут востребованы специалистами и всеми, кто интересуется теорией и практикой общественного развития.

А.А. Краузе,
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой
философии и общественных наук ПГГПУ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

УДК 93

Бушмакина Юлия Владимировна
аспирант кафедры древней и средневековой истории России

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: yuliyabushmakina@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Yuliya V. Bushmakina
Postgraduate of the Department of Ancient and Medieval History of Russia

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: yuliyabushmakina@gmail.com

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH AND CONTEMPORARY HISTORICAL KNOWLEDGE

Аннотация. *Современное историческое знание – сфера междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения гуманитарных, социальных, точных и даже естественных наук. История ввиду специфики объекта своего исследования всегда взаимодействует со смежными дисциплинами, выступает как интегральная наука, но междисциплинарный* подход становится парадигмой исторического исследования лишь с 1960-х гг. На протяжении второй половины XX – начала XXI в. менялась не только форма междисциплинарного взаимодействия, но и степень *интеграции дисциплин. Анализ существующих форм междисциплинарной кооперации применительно к историческим исследованиям позволил выявить потенциал и ограничения взаимодействия истории с социогуманитарными и естественнонаучными дисциплинами.*

© Бушмакина Ю.В., 2017

***Ключевые слова*:** междисциплинарность, междисциплинарный подход, современное историческое знание, историческая антропология, социальная история, синергетика.

Abstract. Contemporary historical knowledge is the sphere of interdisciplinary research that uses theoretical and practical achievements of the humanitarian, social, natural and mathematics science. The history given the specificity of the object of their research always interacts with related disciplines, is an integrated science, but an interdisciplinary approach becomes a paradigm of historical research only in the 1960s, during the second half of XX – beginning of XXI century has changed not only interdisciplinary interaction, but also the degree of integration of disciplines. The analysis of the existing forms of interdisciplinary cooperation in relation to historical research allowed to identify the potential and limitations of the interaction of history with the Humanities and the natural Sciences.

***Keywords*:** interdisciplinary, an interdisciplinary approach, contemporary historical knowledge, historical anthropology, social history, synergetic.

Развитие любой науки (история здесь не исключение) обусловлено как ее внутренней логикой, так и внешними вызовами, требующими выработки новых подходов. По мнению известного историка-медиевиста и специалиста в области методологии истории Л.П. Репиной, междисциплинарный подход является важнейшим признаком современного исторического знания [27, с. 25]. Анализ междисциплинарных исследовательских практик может способствовать раскрытию смысла происходящих изменений в интеллектуальной сфере и развитии истории как науки.

Однако, прежде чем говорить о междисциплинарности в историческом знании, необходимо определить содержательное наполнение таких понятий как «научная дисциплина», «дисциплинарность» и «междисциплинарность». Под научной дисциплиной мы будем понимать форму организации знания, имеющую объект исследования, собственный научный инструментарий, концепции и подходы [17]. Ее важнейшими детерминантами являются история и организационная структура, а также «дисциплинарность» как совокупность предметного поля, методов научной работы, исследовательских процедур, собственной институциональной структуры, сообщества практикующих ученых, норм и правил профессиональной деятельности [27, с. 26].

«Междисциплинарность» как подход к научному познанию в эпистемологии трактуется по-разному. Например, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» междисциплинарность характеризуется как «термин, выражающий интегративный характер современного этапа

научного познания» [см. 17], а Э.М. Мирский интерпретирует междисциплинарное взаимодействие как отношение между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук и коллективные формы работы ученых в разных областях знания по исследованию одного и того же объекта [см. 18, с. 9]. В настоящей работе мы будем исходить из определения А.С. Уйбо, согласно которому «междисциплинарность» следует понимать как «методологическое оформление реального синтеза научных достижений различных дисциплин в крупных научных проектах и исследованиях» [34].

Однако междисциплинарный подход в научном познании не сводится лишь к тому, чтобы совместно рассматривать проблемы из разных областей науки. Само понятие «междисциплинарность» (interdisciplinarity) имеет разные содержательные наполнения. В статье «Эпистемиология междисциплинарных отношений» Ж. Пиаже различает несколько форм взаимодействия дисциплин: мультидисциплинарность он рассматривает как дополнение одной дисциплины другой, интердисциплинарность – как взаимодействие дисциплин, а трансдисциплинарность – как построение интегральных структур [41, p. 139]. Л.П. Репина предлагает схожую типологию междисциплинарных (или кросс-дисциплинарных) исследований, которые по степени интеграции варьируются на мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. В мультидисциплинарных участники работают независимо друг от друга, решают общую задачу, опираясь на собственную дисциплинарную базу; для интердисциплинарного исследования создается смешанная команда, но ее участники по-прежнему работают в рамках своих дисциплинарных баз; в трансдисциплинарных исследованиях участники группы работают совместно, объединяя концепции отдельных дисциплин для решения проблемы [27, с. 27–28].

М.Ф. Румянцева выстраивает несколько иную степень интеграции гуманитарного научного знания: дисциплинарность – междисциплинарность – полидисциплинарность – синтез [28, с. 42]. Другую типологию междисциплинарных исследований предлагает Е.Ю. Шаповал. Так, междисциплинарные исследования с наименьшей интеграцией научных дисциплин он называет предварительной, или элементарной, формой применения междисциплинарного подхода, которая позволяет лишь детализировать каноническую классификацию наук, пополняя пробелы на их стыках. Междисциплинарный подход, по существу, направлен на синтез научных проблем и позволяет выработать классификацию комплексных наук. Формирование таких комплексных наук, по его мнению, есть высшая форма интеграции в науке [37].

Поскольку категория «подход» характеризуется как комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и/или практике, стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей [22], понятие «междисциплинарный подход» шире понятия «междисциплинарный метод» и включает в себя не только нормы (правила) исследования, процедуры, техники исследовательской работы с источниками, но и теоретические идеи и принципы, определяющие пути исследования объекта.

Появление междисциплинарной кооперации в исторических исследованиях

Контакты истории с другими научными дисциплинами существовали изначально. Взаимопроникновение в историю методов таких смежных наук, как палеография, генеалогия, антропология, география, отражают стабильные междисциплинарные связи истории. Однако такое взаимодействие не осмысливалось как междисциплинарность вплоть до последних десятилетий XIX – начала XX в., поскольку до того времени не существовало четких границ многих научных дисциплин, маркированных кафедрами, факультетами, профессиональными ассоциациями и т. п. [30, с. 65]. Междисциплинарная кооперация как широкая практика взаимодействия смежных социальных и гуманитарных наук возникла на рубеже XIX–XX вв., но тогда она характеризовалось лишь заимствованием «чужих» эмпирических данных [24].

Вплоть до середины XX в. полидисциплинарный подход в исторических исследованиях реализовывали лишь отдельные выдающиеся историки. Среди них в первую очередь необходимо отметить основателей «школы Анналов» – французских историков М. Блока и Л. Февра, которые в 1920–1930-х гг. призывали использовать в исторических исследованиях опыт смежных дисциплин, особенно при работе с источниками [26, с. 85]. Как отмечал М. Блок, источник – это «всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготовляет, всё, к чему он прикасается» [1, с. 39], следовательно, для верной интерпретации источника необходимо изучать и образ мысли человека соответствующей эпохи. Л. Февр писал в связи с этим: «История использует тексты – это ясно как день. Но не только тексты. А и все источники, какова бы ни была их природа. Те, что находятся в обращении издавна, и те в особенности, что порождены бурным расцветом новых дисциплин: статистики; демографии… лингвистики… психологии… – всего не перечесть» [36, с. 20], при этом он призывал заимствовать не только понятия и методы, но и дух исследования. Представитель второго поколения «школы Анналов»

Фернан Бродель выступал за «братский союз» истории с другими смежными (прежде всего социальными) науками. Его главный труд – «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» был основан на убеждении, что «лишь история способна объединить все науки о человеке, помочь им связать воедино их объяснения, наметить некую междисциплинарную общественную науку» [4, с. 30]. В 1958 г. в журнале «Анналы экономической и социальной истории» в связи с кризисом «наук о человеке» (парадоксально связанном с их развитием) он призвал представителей всех социальных наук «работать сообща» [см. 30, с. 67], искать теоретические ориентиры, позволяющие сблизить науки и направить их к совместным исследованиям [3, с. 141].

Бурное развитие междисциплинарного взаимодействия началось в 1960-х гг., когда изменилось представление об отношениях между смежными дисциплинами, постепенно такой подход становился парадигмой исторического исследования. Феномен междисциплинарности не мог проявиться ранее, поскольку до отчетливого обособления дисциплин не возникала потребность в диалоге между ними. В этот период возродился интерес к исторической и сравнительной социологии; сперва влияние социологии на историю ограничивалось лишь заимствованием терминологии и методик, но в результате широкого распространения структурализма и марксизма в 1960–1970-е гг. в мировой историографии произошло утверждение представлений об истории как социальной дисциплине, изучающей закономерности и механизмы общественного развития. Исследования, написанные в рамках такой парадигмы, отличались ярко выраженным аналитическим, а не нарративным подходом, с использованием математических методов обработки массовых источников, статистических данных [25, с. 8]. Под влиянием системно-структурного видения общественно-исторических отношений в СССР сформировалась школа академика И.Д. Ковальченко, занимавшаяся разработкой методологических проблем применения количественных методов в исторических исследованиях [11; 12]. В этом же русле работали представители московско-тартуской семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.), применявшие структурно-семиотический подход к исследованию текстов, в том числе и исторических источников [15; 16; 37].

В 1970–1980-е гг. происходило зарождение и бурное развитие новой исторической науки и новой социальной истории, а также их субдисциплин, но такое развитие происходило на эклектичной методологической основе [27, с. 41]. Увлечение междисциплинарными методами не сопровождалось

проработкой эпистемиологических проблем. Историки использовали «стратегию присвоения», не особенно задумываясь об адекватности использования заимствованных методов других дисциплин в исторических исследованиях [32, с. 73–101]. Существовали и расхождения в понимании междисциплинарного взаимодействия как такового: одни стремились к переосмыслению исторического материала в концепциях социальных наук, другие – лишь к применению заимствованного социологического инструментария [19, с. 163].

Знаковым событием в развитии социальной истории является создание в 1974 г. в США ассоциации, которая объединила группу исследователей, разделявших интерес к изучению социальной жизни, теории, методологии истории и социальных наук. Основатели ассоциации пытались решить проблемы исторического прошлого, соединяя теории и методы социальных наук с привлечением новых типов исторических источников и использованием количественных и формализованных методов для их обработки [25, с. 10].

В связи с тем что историческая наука обращала внимание не только на методики других дисциплин (социологии, лингвистики, индивидуальной и социальной психологии, антропологии, географии, количественных методов и т. д.), но и на объекты их интересов (сам объект исследования, по определению Л.П. Репиной стал полидисциплинарным), изменилась и классификация исторических субдисциплин. В это время выделяются такие направления, как политическая история, экономическая история, история культуры, историческая география, историческая экология, этноистория, историческая антропология и др. Появление исторической антропологии обозначило окончательный сдвиг от социально-структурной к социокультурной истории. История стала рассматриваться как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и изменяющего пространство своими действиями [27, с. 42–44]. В сферу ее интересов сегодня входят этнография (в западной традиции ее называют антропологией), история ментальностей, история повседневности, микроистория, историческая психология и др. [8, с. 134].

Связи истории с антропологией прекрасно иллюстрирует исследовательская программа Ж. Ле Гоффа. Главное преимущество «этнологического взгляда» на историю известный историк видел в ее «освобождении» от событий и освещении «несобытийной» истории [см. 3, с. 44]. Историко-антропологический подход к изучению прошлого можно охарактеризовать через следующие его признаки: внимание к межличностному

и межгрупповому взаимодействию; взгляд на происходящие процессы с позиции их участников; изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях [8, с. 134]. При этом в рамках такого подхода предполагалось не объединить науки о человеке вокруг избранной методологии, а создать уникальную междисциплинарную ситуацию, предложив общее поле исследования разным дисциплинам. Однако вместо исторического синтеза фрагментация исторической науки, напротив, нарастала. При этом междисциплинарное взаимодействие охватывало все более широкие поля, формируя предметные области, такие как gender studies, cultural studies, women's studies, memory studies и мн. др. [27, с. 45–47]. Высказывались опасения, что из-за такого дробления история потеряла былую целостность и целеустремленность [7, с. 21–35].

Новый этап в развитии исторической науки начался на рубеже 1980–1990-х гг., он характеризуется бурным количественным ростом междисциплинарных исследований. Одновременно центрами притяжения сторонников синтезирующей истории стали области науки, обладающие интегративным потенциалом (прежде всего социальная и демографическая истории, сумевшие охватить предметные поля ряда возникших ранее исторических субдисциплин) [27, с. 48].

В конце 1980-х гг. в связи с развитием информационных технологий на стыке гуманитарных и компьютерных наук возникает новое междисциплинарное направление – историческая информатика (и ее прикладная область – Digital History). Цифровая история затрагивает широкий спектр междисциплинарного сотрудничества: от источниковедения и археографии до алгоритмизации и архитектуры информационных систем [6, с. 142–143]. Пол Артур, руководитель австралийско-азиатской ассоциации «Digital Humanities», выделяет четыре направления, характеризующие содержание Digital History. Первое связано с виртуальной реконструкцией и визуализацией культурного наследия, пространственной репрезентацией и ГИС-приложениями в исторических и археологических исследованиях; второе – с разработкой крупномасштабных информационных интернет-ресурсов (онлайн-энциклопедии, атласы и словари); третье – с применением интерактивных медиатехнологий, экспериментальных форматов (Interactive narrative formats); четвертое – с «социальными медиа», коллективным авторством ресурсов и веб-приложениями [40]. На наш взгляд, именно это направление иллюстрирует наибольшую интеграцию научных дисциплин для решения общих исследовательских проблем, поскольку оцифровка

исторических источников и разработка историко-ориентированных информационных систем предполагает тесное сотрудничество не только историков, но и специалистов по информационным технологиям (computer science), архивистов, библиотекарей, музейных работников [6, с. 142–143].

На рубеже XX–XXI вв. возникла проблема пересмотра самой концепции междисциплинарности в области социально-гуманитарного знания. Поскольку многие исследуемые сегодня проблемы невозможно решить в строгих дисциплинарных границах, необходим поиск новых оснований для междисциплинарных исследований. В большинстве случаев междисциплинарное взаимодействие по-прежнему ограничивается лишь отдельными исследовательскими проектами, а активность новых проектов – площадками научных журналов и симпозиумов/конференций, которые обеспечивают научную коммуникацию. Так, в России на базе РГГУ с 2012 г. ежегодно проводится конференция «Стены и мосты», посвященная теоретическим и практическим вопросам взаимодействия истории с другими научными дисциплинами.

История и социально-гуманитарные дисциплины

Методологической основой междисциплинарных исследований является наличие общего объекта гуманитарных, социальных наук, которым является человек как продукт культуры во всех проявлениях его жизнедеятельности. Подход, согласно которому в центре изучения находится человек, невозможен без междисциплинарного синтеза и использования опыта смежных социально-гуманитарных дисциплин – социальной психологии, социологии, культурной и социальной антропологии, лингвистики и мн. др.

Научные интересы историков и социологов пересекаются в следующих областях: структурная стабильность институтов на протяжении исторических периодов, проблемы социальной мобильности, статусные роли и статусные отношения в обществе [23, с. 32–33]. Подобные пересечения позволяют использовать социологический инструментарий в исторических исследованиях, во-первых, как средство для переосмысления исторических событий в концепциях социологии, во-вторых, как инструмент для интерпретации исторических источников [19, с. 163–164]. В качестве примера первого способа можно привести исследование Б.Н. Миронова, который использует социологические (и не только социологические) теории и концепции для объяснения предпосылок и причин Русской революции 1917 г. [20, с. 46–63], в качестве второго – использование количественных и формализованных методов.

Однако при кооперации истории и социологии неизбежно встает проблема научного языка. Как отмечал П. Бурдье, «встреча двух дисциплин – это встреча двух личных историй, а следовательно, двух разных культур; каждая расшифровывает то, что говорит другая, исходя из собственного кода, из собственной культуры» [5, с. 156]. В данном случае дополнительной сложностью является то, что историки плохо владеют понятиями современной социологии (социологии «третьей волны»), этот феномен связан не с неосведомленностью исследователей, но со сложностью теорий, оперирующих этой терминологией [29, с. 126]. Кроме того, применяя концепции социологии к объяснению событий и процессов, мы заменяем «живого человека» «человеком массовым».

Концепции и методы культурной и социальной антропологии могут быть применены к историческим исследованиям ввиду того, что антрополог работает с теми же категориями социальной реальности (собственность, власть, вера и др.), что и историк, изучающий процессы социальных изменений и механизмы сохранения традиций. Исследования на стыке истории и антропологии позволяют проникать «во внутреннюю логику других людей» и улавливать значения, «которые они вкладывают в слова» и смыслы, «которыми они оперируют» [24, с. 78–79], позволяя таким образом реконструировать мотивы их поведения. Так, на стыке интерпретативной (или семиотической) антропологии, родоначальником которой является К. Гирц, истории и психологии произошло становление такой субдисциплины, как «история эмоций» [см. 10, с. 15]. Использование идей К. Гирца, с одной стороны, способствовало развитию таких направлений исторической науки, как новая культурная история, микроистория, история повседневности, с другой стороны, продемонстрировало, что историки утратили интерес к поиску причинно-следственных связей, сосредоточив внимание на поведении индивидов [14, с. 43].

Влияние психологии (особенно психоанализа) на историческую науку сказалось в сфере исследования исторических личностей и культурных традиций. Первым исследованием в этой области (получившей в середине прошлого столетия название «психоистория») стала работа Э. Эриксона, посвященная М. Лютеру [39]. Исследования в этой области вносят в исторические (прежде всего, биографические) труды ценный элемент психологического реализма, выявляя внутренние побуждения исторических личностей, описывая поведение человека с учетом его социальных ролей. Однако синтез истории и психологии затруднен по нескольким причинам.

Первая из них – разнообразие конкурирующих подходов, вторая – трудность использования методов психологии по отношению к умершим (необходимо анализировать документы, а не людей) [31, с. 122]. Наконец, иногда исследователи склонны приписывать прошлым эпохам психологию, основывающуюся на современных формах чувственности [21, с. 272].

Применение междисциплинарных подходов в современных исторических исследованиях не в состоянии полностью решить проблему интеграции социальных дисциплин, поскольку синтез зачастую осуществляется с позиций одной дисциплины [9, с. 11]. Однако научные дисциплины могут не только заимствовать методы, но и видоизменять и развивать их в соответствии с особенностями объекта и предмета исследования. Так, И.М. Савельева отмечает, что, хотя заимствования «чужеродных» теоретических схем приводили к позитивным результатам, «применение методов семиотики, лингвистики, визуальных исследований позволило осуществить интересные исследования в области символических репрезентаций власти, проблематики империй, истории ритуалов, повседневности, отдельных событий и т. д.» [30, с. 72]. Самыми распространенными трудностями, определяющими ограничения в использовании теорий смежных наук, являются проблемы ориентации в чужой дисциплине; угрозы анахронизмов, т. е. применения теорий, ориентированных на функционирование общества одного времени, к обществу другого времени; механическое перенесение терминов и понятий социальных и гуманитарных наук при изучении социальной реальности прошлого. Большинство исторических понятий (в отличие от понятий социальных наук) носит описательный характер; они связаны с конкретным историческим контекстом и не могут применяться вне его [26, с. 89].

История и естественнонаучные дисциплины

Наиболее ярким воплощением междисциплинарного взаимодействия истории и естественных наук является теория синергетики, возникшая в рамках физики и ставшая методологическим основанием междисциплинарных исследований.

Термин «синергетика» (с греческого συν- – приставка со значением совместности и ἔργον – «деятельность», теория совместного действия) ввел один из создателей этого подхода немецкий физик-теоретик Герман Хакен, занимающийся физикой лазеров. Синергетика способна предложить язык математических моделей, на котором удобно говорить о сложных системах и естественникам, и гуманитариям. Этот подход сегодня широко используется в стратегическом планировании, анализе альтернатив развития [38, с. 79].

Теория синергетики позволяет выявить характер развития неустойчивых систем (ситуаций) в историческом процессе, влияние случайностей, развитие ситуации в точке бифуркации.

Такой междисциплинарный методологический подход связывает выбор альтернатив развития в истории с ролью субъектов, элит или конкретных людей, которые оказались в центре событий [2, с. 23]. Тем не менее, используя такой подход, на наш взгляд, слишком большое внимание уделяется случайностям. Роль закономерностей, причинно-следственных связей остается не полностью осмысленной. Кроме того, концепция не приносит в историческую науку новых методов, позволяет лишь описать события в терминологиях самой себя.

Безусловно, в исторических исследованиях (особенно археологии) используются достижения других естественных наук, однако кооперация зачастую ограничивается лишь заимствованием конкретных методов (например, радиоуглеродного анализа, карпологического, палинологического, трасологического и др.) и не подпадает под определение междисциплинарного подхода.

***

Сравнение ситуаций, сложившихся в конце 1960-х – начале 1970-х, второй половине 1970-х – начале 1980-х, конце 1980-х – начале 1990-х гг. и на рубеже XX–XXI вв., показывает расхождения в самом понимании междисциплинарности и отношений между отдельными дисциплинами. Если на начальных этапах развития междисциплинарности история лишь заимствовала методы других наук, то сегодня историческое знание является сферой междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения гуманитарных, социальных, точных и даже естественных наук. Междисциплинарный подход позволяет исследовать объект в его целостности, объединять данные, полученные специалистами различных дисциплин, привести к возникновению новых, плодотворных концепций, расширяющих и углубляющих существующий корпус научного знания.

С другой стороны, применение междисциплинарного подхода имеет свои ограничения. Они связаны, прежде всего, с проблемой ориентации в чужой дисциплине; возможностью применения теорий, ориентированных на функционирование общества одного времени к обществу другого времени; перенесением терминов и понятий, связанных с конкретным историческим контекстом на другое проблемное поле. При этом, как справедливо отметил П. Тагард, междисциплинарное исследование будет успешным только в случае, если оно опирается на идеи, действительно пересекающие дисциплинарные границы [33, с. 48].

Список литературы

1. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / пер. Е.М. Лысенко; примеч. и ст. А.Я. Гуревича. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

2. *Бородкин Л.И.* Историческая синергетика: антропологический аспект // Ежегодник историко-антропологических исследований. – 2001/2002. – М.: Экон-Информ, 2002. – С. 22–30.

3. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. ст. – М.: Прогресс, 1977. – С. 115–142.

4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIIIвв.: Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное /пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 592 с.

5. *Бурдье П.* Начала. Choses dites /пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

6. *Володин А.Ю.* Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» – II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. – М.: Академ. Проект, 2014. – С. 140–147.

7. *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–35.

8. *Далгат Ф.М.* Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 133–140.

9. *Ершова Г.Г., Долгова Е.А.* Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. – М.: Совпадение, 2012. – С. 6–14.

10. *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. – М.: НЛО, 2016. – 568 с.

11. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.

12. *Ковальченко И.Д., Сивачёв Н.В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. – 1976. – № 5. – С. 2–12.

13. *Кром М.М.* Междисциплинарность и возникновение новых направлений в исторической науке (на примере исторической антропологии) // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. – М.: Совпадение, 2012. – С. 40–49.

14. *Кром М.М.* Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. – М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2015. – С. 41–53.

15. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 558 с.

16. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академ. проект, 2002. – 544 с.

17. *Лысак И.В.* Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 5. – URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 14.10.2017).

18. Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФ РАН, 2005. – 202 с.

19. *Миронов Б.Н.* Историк и социология. – Л.: Наука, 1984. – 176 с.

20. *Миронов Б.Н.* Междисциплинарный подход в изучении Русской революции 1917 г. // «Стены и мосты» – II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. – М.: Академ. проект, 2014. – С. 46–63.

21. *Мэнюел Ф.Е.* О пользе и вреде психологии для истории // Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. – С. 262–288.

22. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск, Изд. В.М. Скакун, 1999. – 896 с.

23. *Поршнева О.С.* Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2006. – № 2 (6). – С. 31–39.

24. *Поршнева О.С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 136 с..

25. *Поршнева О.С.* Роль междисциплинарности в интеграции истории и социальных наук: феномен социально-научной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2013. – № 3. – С. 5–20.

26. *Поршнева О.С.* Становление междисциплинарной парадигмы исторического знания, ее возможности и ограничения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2013. – Т. 12. – № 1. – С. 84–91.

27. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

28. *Румянцева М.Ф.* Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез. – М.: РГГУ, 2007. – С. 41–49.

29. *Савельева И.М.* Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // «Стены и мосты» : Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. – М.: Совпадение, 2012. – С. 118–126.

30. *Савельева И.М.* Культурная история: суверенность дисциплины в век междисциплинарности // «Стены и мосты» – II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. – М.: Академ. Проект, 2014. – С. 64–80.

31. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

32. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Там за поворотом. О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 73–101.

33. *Тагард П.* Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 35–60.

34. *Уйбо А.С.* Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Смысловые концепты историко-философского знания: Учен. зап. Тартус. ун-та : Труды по философии. XXXV. – 1990. – С. 76–92.

35. *Успенский Б.А.* Избранные труды.: в 3 т. – М. Языки рус. культуры, 1996–1997. – 608; 831; 805 с.

36. *Февр Л.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 635 с.

37. *Шаповал Е.Ю.* Междисциплинарный подход в исторической науке: некоторые аспекты формирования современной методологии истории // Исследовано в России : Электронный научный журнал. – 2008. URL: http://zhurnal.ape.relarn.ru (дата обращения: 08.10.2016).

38. *Шилова Г.Ф., Ляпунова Л.В., Старостенков Н.В.* Проблемы междисциплинарного подхода в современной истории // Вестник современной науки. – 2015. – № 7. – С. 77–81.

39. *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. / пер. с англ. А.М. Каримского. – М.: Медиум, 1996. – 560 с.

40. *Arthur P.* Exhibiting history: the digital future // Journal of the National Museum of Australia. – 2008. – Vol. 3. – №. 1. – URL: http://recollections.nma.gov.au/issues/vol_3_no_1/papers/exhibiting_history (дата обращения: 05.11.2017).

41. *Piaget J.* The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. – Paris: OECD, 1972. – P. 127–139.

УДК 130.2

Рязанов Иван Владимирович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии

ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрный университет имени Д.Н. Прянишникова». г. Пермь, Россия
614990, Пермь, Петропавловская, 23, e-mail: iwan. riazanow@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИЗНЕННОГО МИРА» Э. ГУССЕРЛЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ivan V. Ryazanov
Candidate of Philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of philosophy

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
Perm state agrarian University named after D.N. Pryanishnikov
614990, Perm, Russia, 23, Petropavlovskaya, e-mail: iwan. riazanow@yandex.ru

THE CONCEPT OF «LIFE-WORLD» HUSSERL AS HERMENEUTICAL PROBLEM

Аннотация. Исследуется концепция «жизненного мира» в творчестве Эдмунда Гуссерля; выделяется историческая и онтологическая проекция указанного концепта, повлиявшая на экзистенциальную мотивацию стратегии интерпретации Х.Г. Гадамера; определяются точка пересечения и различия маргинальной антропологии М. Фуко и ранней герменевтики Х.Г. Гадамера; рассматривается структурное единство концепции «жизненного мира» как иерархии различий, основанных на тождестве исторического и онтологического.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтический круг, деонтологизация, жизненный мир, метафизика, историческое, интерпретация, различие, онтологическое, трансцендентальная феноменология.

Abstract. Examines the concept «life world» in Husserl's work; it is the historical and ontological projection of the specified concept that influenced the existential motivation strategies interpretation of H.G. Gadamer; determined point of intersection and difference of marginal anthropology, Michel Foucault and the

© Рязанов И.В., 2017

early hermeneutics of H.G. Gadamer; discusses the structural unity of the concept «life world» as a hierarchy of distinction based on the identity of historical and ontological.

Keywords: hermeneutics, hermeneutic circle, deontological, life-world, metaphysics, historical, interpretation, difference, ontological, transcendental phenomenology.

В истории европейской философии XX века концепция «жизненного мира» рассматривается, как правило, в контексте эволюции идей Эдмунда Гуссерля [5; 7]. Небезынтересно рассмотреть данную концепцию как герменевтическую проблему, повлиявшую на взгляды западных философов, в частности Х.Г. Гадамара и М. Фуко, обращенные, подобно взглядам Э. Гуссерля, к фундаментальным проблемам способа бытия человека в истории [2; 8] .

Обращение к концепции «Lebenswelt» в работе Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [3] указывает на проекцию, которую автор рассматривает, начиная с эпохи Ренессанса. Смысл данной проекции будет во многом определен вопросом «В чем заключаются исторические причины позитивного ограничения идеи науки?». Начиная с эпохи Ренессанса, обесценившей, по словам Э. Гуссерля, средневековый образ жизни и нашедшей для себя в качестве примера «античный образ» человека, мы встречаемся с феноменологической установкой, которая повлияет и на место концепта «использования удовольствий» в маргинальной антропологии М. Фуко [8].

Одной из точек пересечения позиций авторов можно считать вопрос наиболее «существенного» в человеке античности, который точно сформулирован Э. Гуссерлем: «Что схватывается в античном человеке как существенное?» [3, с. 25]. Данный вопрос, с одной стороны, указывает на единство точки пересечения археологических изысканий М. Фуко в области маргинальной антропологии и ранней герменевтики Х.Г. Гадамера, наследующего экзистенциальные мотивы концепта «Lebenswelt» в своих феноменологических интерпретациях, а с другой стороны, говорит о принципиальном различии во взглядах данных мыслителей [2; 8].

Трансцендентальным фундаментом «жизненного мира» становится чистый разум, исключительно присущий миру в качестве имманентной причины и телеологии, находящей у Э. Гуссерля принципиальное завершение в универсальном познании. «Жизненный мир» как историческая форма существования античного человека – это всегда «философская форма его

бытия, состоящая в том, чтобы из чистого разума, из философии свободно устанавливать правила для себя самого, для всей своей жизни» [3, с. 25]. В антропологической перспективе такой человек станет выражением универсальной автономности, единства теоретического и практического разума, свободно формирующего этические, социальные и политические условия своего существования на фундаменте универсальной философии. В исторической перспективе так называемое позитивное понимание науки указывает, по мнению Э. Гуссерля, не только на причины, по которым «высшие и предельные вопросы» оказываются вне границ универсального познания, но и на то, что все эти вопросы едины, поскольку «обнаруживают свое нерасторжимое единство в том, что явно или имплицитно, в своем смысле, содержит в себе проблемы разума – разума во всех его особых формах» [3, с. 27].

Концепт «Lebenswelt», изначально выстраиваемый Э. Гуссерлем на трансцендентальном фундаменте, теперь приобретает трансцендентные черты, поскольку разум выступает как титульное обозначение «абсолютных», «вечных», «надвременных», «безусловно значимых идей и идеалов». Несмотря на выделенную Э. Гуссерлем специфическую морфологию разума, она отталкивается от «античного образа человека», так как человек, поднимая «метафизические», собственно философские проблемы, и сам, становясь философской проблемой, вопрошает о себе как о «разумном существе, а если встает вопрос о его истории, то дело идет о «смысле разума в истории». Трансцендентность «жизненного мира» заключена в том, что все эти метафизические вопросы выходят за пределы мира, отождествляемого с универсумом простых фактов, а также в том, что они «претендуют на более высокое достоинство по сравнению с вопросами о фактах, которые в порядке вопрошания располагаются уровнем ниже» [3, с. 27].

По метафорическому определению Э. Гуссерля, позитивное понимание науки «обезглавливает философию», что, несомненно, нарушает принцип автономности европейского человечества, который начиная с эпохи Ренессанса наследует «античный образ человека», а также позволяет говорить о том, что в историческом смысле так называемое позитивное понимание науки – это не более чем «пережиток» эпохи забвения метафизики и кризиса самой науки.

Эпоха Нового времени, наследующая в полной мере идеал универсальной философии и воодушевленная «высокими идеалами духовности», по оценке Э. Гуссерля, оказалась несостоятельной, что имеет свои исторические и онтологические причины, во многом объясняющие процесс позитивного ограничения науки. Метафорические формы, указывающие на данную оценку, такие как «пропасть между постоянными неудачами метафизики

и непрерывным, все более мощным ростом теоретических и практических результатов позитивных наук», «разложение идеала универсальной философии», «переворот всего мышления» – имеют свои внутренние и внешние причины. И именно они помогают понять критическую логику работы Э. Гуссерля [3].

Идущая от «Критики чистого разума» И. Канта модальность вопроса о возможностях метафизики будет тесно связана с возможностями познающего разума. Поэтому в аспекте названных выше причин данная модальность указывает на то, что «проблема возможной метафизики eoipso включала в себя и проблему возможности наук о фактах, ведь именно в неразрывном единстве философии последние обретали свой соотносительный смысл, свой смысл в качестве истин для отдельных областей сущего». Модальность вопроса о возможности метафизики трансформирована таким образом, что отношения между философией и наукой деонтологизированы в своих исходных основаниях. У Э. Гуссерля понятие исторического становится тождественным, понятию онтологического, поэтому любая деонтологизация отношений между философией и наукой указывает на проблему подлинности самого «идеала универсальной философии». В результате науки о фактах также теряют свое подлинное значение, поэтому если не будут изначально определены их онтологические границы, то возникает вопрос: «Можно ли разделить разум и сущее там, где познающий разум определяет, что есть сущее?» [3, с. 31].

В этом смысле несостоятельность эпохи Нового времени будет связана с «внутренним разложением» идеала универсальной философии, потерей исходного единства между наукой и философией. И если данное онтологическое единство тождественно историческому смыслу, то проблема подлинного идеала универсальной философии и подлинного метода оказывается внутренней движущей силой всех исторических изменений европейской философии.

Жизненный мир человека эпохи Нового времени, как и античного человека, был связан с возможностью радикального обновления себя и своей жизни посредством философии, он имел то же самое трансцендентальное основание, в силу чего совпадение кризиса философии и науки в эту эпоху неизбежно приводит к констатации «кризиса европейского человечества», затронувшего смысл его культурной жизни, всю его «экзистенцию». Можно отметить, что метафорическое у автора «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» существует в границах метафизического. Поэтому все экзистенциальные констатации получают

соответствующую форму, «пропадает также и вера в "абсолютный разум", из которого мир получает свой смысл, вера в смысл истории, смысл человечества, в его свободу, понимаемую как способность человека придавать разумный смысл своему индивидуальному и всеобщему человеческому вот-бытию» [3, с. 33]. Экзистенциальное содержание, связанное с утратой веры, имеет онтологическое основание, поэтому подлинное и неподлинное, истинное и неистинное не только означает то, что человек теряет веру «в самого себя», «собственное истинное бытие», но и указывает на проблему, характеризующую отношения разума и мира.

Фундаментальной апорией концепта «Lebenswelt» становится следующее положение: «Сам же разум и его "сущее" – разум как придающий из себя смысл сущему миру и, если посмотреть с противоположной стороны, мир как сущий из разума – становятся все более загадочными, до тех пор пока… эта загадка всех загадок не становится, наконец, собственной темой философии» [3, с. 34].

Не менее важными метафорами, диагностирующими современную эпоху и находящимися в отношениях исторической преемственности с эпохой Нового времени, станут образы, отражающие влияние философии на европейское человечество. Например, образы духовной борьбы или твердой почвы стоящего на ней европейского человечества преломляются в границах вопроса о возможности метафизики таким образом, что духовная борьба европейского человечества развертывается как борьба различных философий, а именно борьба между «скептической философией и действительной философией». В этом смысле сама постановка исторической задачи, которая была бы тождественна онтологической природе человека как разумного существа, приобретает у Э. Гуссерля традиционные черты аристотелевской метафизики, поскольку его исходное основание заключено в том, чтобы «привести скрытый разум к пониманию им его возможностей и тем самым усмотреть возможность метафизики как истинно возможной – таков единственный способ стать на многотрудный путь действительного осуществления метафизики или универсальной философии» [3, с. 36].

Следуя движению мысли Аристотеля, приближающего свой неологизм *энтелехия* к понятию форма, немецкий философ воспроизведет его, когда будет рассматривать науку и философию в качестве исторического движения, связанного с выявлением «универсального разума», свойственного человечеству как таковому. В силу этого энтелехия человеческого разума раскрывается им в форме универсальной философии и аподиктического метода, но разрыв онтологического и исторического делает беспочвенным и основания

европейского рационализма. Поэтому в бессмысленности истории, которая больше не воплощает в себе абсолютную идею европейского человечества, Э. Гуссерль найдет «наивность» рационализма эпохи Просвещения и антиномию иррационализма. Он также определит «мучительное экзистенциальное противоречие», которое в форме исторического размышления может позволить современному человеку обрести радикальное и универсальное самосознание. В беспочвенности исторического существования европейского человека и человечества содержится, по мнению Э. Гуссерля, «аподиктичность нашего экзистенциального бытия» в качестве философов. Осуществимость такого жизненного пути Э. Гуссерль «проверял десятилетиями» [3, с. 41].

Только в полной тождественности понятия исторического и понятия онтологического история западной философии может раскрыть свой внутренний смысл, или «скрытую генеалогию». Таким образом, подлинная почва европейской философии, или, как ее определит Э. Гуссерль, «универсальная и аподиктическая» заключена в постановке новой задачи, затрагивающей жизненный мир современного человека. Указывая на этот аспект своих размышлений, Э. Гуссерль отметит: «Я не притязаю ни на что, кроме позволения по совести и со знанием дела высказаться в первую очередь перед самим собой, а в меру этого также перед другими, как тот, кто во всей ее серьезности испытал в своей жизни судьбу философского вот-бытия» [3, с. 42].

Дальнейшая интерпретация исторического аспекта концепции «Lebenswelt» приведет немецкого философа к констатации различия античной и новоевропейской традиций. С точки зрения Э. Гуссерля, античная наука, представленная евклидовой геометрией, математикой и силлогистикой Аристотеля, определена в «конечно замкнутое априори», связанное с конечными задачами. Это такое априори, «которому подчинено всякое другое. До этих пределов доходит античность; но она никогда не идет столь далеко, чтобы постичь возможность бесконечной задачи» [3, с. 44].

Противопоставляя античную науку науке новоевропейской, немецкий философ, с одной стороны, отождествит «возможную бесконечность» с понятием геометрического пространства и геометрического знания, и тогда в научном сознании он найдет такие аксиоматические понятия и положения, которые позволяют «с дедуктивной однозначностью конструировать любой мыслимый, вписываемый в пространство гештальт. То, что idealiter “существует” в геометрическом пространстве, заранее однозначно решено

во всех своих определениях… наше аподиктическое мышление лишь “открывает” то, что истинно уже заранее, уже само по себе» [3, с. 45]. Однако новоевропейское сознание античному Universum, summarerum противопоставит идею «бесконечного рационального универсума бытия», в котором «мир идеальностей – такой мир, объекты которого становятся доступны нашему познанию не по отдельности, в несовершенном виде и как бы случайно, а достигаются рациональным, систематическим единым методом; и при бесконечном движении вперед каждый объект, в конце концов, достигается в своем полном по себе бытии [An sih sein]» [3, с. 45].

Таким образом идеал, «рационального всеединства» новоевропейской науки, не только будет, по мнению Э. Гуссерля, существенным образом отличатся от античной традиции, но и определит ее дальнейшее развитие. Главным образом это будет связано с идеей математического естествознания с «математизацией природы Галилеем». Поскольку «математизация природы идеализируется… выражаясь современным языком, она сама становится неким математическим многообразием», то мы можем вновь обратить внимание на конститутивное и герменевтическое значение принципа тождества понятий исторического и онтологического при постановке основного вопроса, который в терминологии Э. Гуссерля помогает понять возникающее в эпоху Нового времени различие между физикалистским объективизмом и трансцендентальным субъективизмом. Конститутивное значение принципа тождества понятий исторического и онтологического заключено в самой постановке вопроса «В чем состоит смысл этой математизации природы, как нам реконструировать ход мысли, который ее мотивировал?» [3, с. 46].

Концепция «Lebenswelt» определяется Э. Гуссерлем также в аспекте отношения «донаучное – научное». Такое различие в качестве своего исходного условия имеет экзистенциальное основание, ведь речь в конечном итоге идет о «загадке субъективности». Кризис европейских наук в социокультурных реалиях XX века всегда вызывал усиленную экзистенциальную мотивацию. В силе этого отношение «донаучное – научное» в иерархии различий лишь конституирует то, что В.И. Молчанов определял в качестве первичного по отношению к опыту сознания [6].

Такой первичностью, вытекающей из принципа тождества онтологического и исторического, станет значение мира, который дан человеку, именно из него мы и получаем различие «донаучного – научного». Ведь первичный смысл в отношении к опыту понимается как «то, без чего невозможно», как то, что всегда исторически предшествует всем другим видам

опыта. Предшествующей формой опыта в качестве первичного оказывается опыт донаучный, который как повседневный и чувственный «дан в отношении к субъекту». Поэтому «у каждого из нас свои явления, и для каждого эти явления имеют значимость действительно сущего» [3, с. 47].

Если первичный опыт не тождественен понятийному и научному, но при этом он в качестве apriori distinctionis определяет понимание и восприятие мира, то «общаясь друг с другом, мы давно уже осознали, что расходимся в том, чему придаем бытийную значимость. Но мы не полагаем из-за этого, что существует много миров. Мы с необходимостью верим в этот мир, с одними и теми же, только по-разному являющимися нам вещами» [3, с. 47].

В структуре первичного опыта как донаучного лежат основные, или (воспользуемся термином В.И. Молчанова) базисные, элементы, которые определяют многообразие первичных различий, образующих сам первичный опыт. В эпоху Нового времени в качестве idealiter, многообразия пространственно-временных форм, они с абсолютной общезначимостью конструировали чистые гештальты. Подобное конструирование и определяет смысл «математизации природы», который, по замечанию Э. Гуссерля, в сознании Галилея присутствует как «само собой разумеющееся». Поэтому понимание первичного опыта как донаучного указывает не только на конститутивный аспект принципа тождества понятий онтологического и исторического, но и на герменевтический аспект концепции «Lebenswelt». Если донаучный опыт как опыт различий коренится в самом этом опыте, то «само собой разумеющееся», повлиявшее на математизацию природы Галилеем, «нуждается в тщательном истолковании». Так же, исходя из многообразия различий, образующих первичный опыт, «мы не должны подсовывать ему то, что благодаря ему самому и дальнейшему историческому развитию стало *само собой разумеющимся* для нас» [3, с. 48].

Это «само собой разумеющееся» в герменевтическом аспекте концепции «Lebenswelt» содержит элементы базовых различий, помогающих понять особенности геометрического способа познания. В основании научных знаний эпохи Нового времени, по мнению Э. Гуссерля, необходимо выделять различие между пространственными гештальтами эмпирической действительности и пространственными гештальтами, о которых говорит геометрия. С его точки зрения, данное различие помогает понять, «как строится мысль Галилея», при условии, что в образе математики, которым он руководствовался, мы можем обнаружить и «скрытые смысловые предпосылки», прямо повлиявшие на научные знания своего времени. Например, в структуре первичного опыта

мы всегда находим пространственно-временные гештальты или тела «не геометрически-идеальные, а именно те тела, которые мы познаем в опыте, с тем содержанием, которое действительно есть опытное содержание» [3, с. 49].

Мысленное преобразование этих тел в воображении при помощи творческих способностей, или, как отмечает Э. Гуссерль, в фантазии, не позволяет определить начала геометрического способа познания. Поэтому «геометрическое пространство – это отнюдь не пространство фантазии… или иначе представимого в фантазии (мыслимого) мира вообще [3, с. 49].

Подобное «тщательное истолкование», в определенном смысле, возвращает нас в границы аристотелевской традиции. Ведь не только «все люди от природы стремятся к знанию. Свидетельством тому привязанность к чувственным восприятиям… восприятия эти ценятся ради них самих, и больше всех то из них, которое происходит с помощью глаз» [1, с. 29]. Но и «чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию и обнаруживает много различий» [3, с. 29]. Возникающая на этом основании онтологическая репрезентация вещи в качестве умозрительной и сверхчувственной начиная с Аристотеля, как известно, определяла метафизический способ познания. И у позднего Э. Гуссерля в качестве скрытой смысловой предпосылки, вошедшей в «тщательное истолкование» начал геометрии, содержится имманентная медиальность вещей. Поэтому место истолкования традиционно связано с метафизикой присутствия, имеющей феноменологическую, а значит и методологическую проекцию. Неслучайно философ М. Хайдеггер подчеркивал, что феноменология – это методическое понятие и оно характеризует «как» предметов философского исследования [5].

Вопрос «как» «тщательной интерпретации» Э. Гуссерля, во-первых, становится более заметным при учете визуальной проекции Аристотеля, которая способствует, по словам философа, обнаружению множества различий в познании; во-вторых, помогает поставить вопрос о границе мира в познании, то есть выделить условия для определения различий донаучного и научного в визуальной проекции самих вещей. Именно суждение Аристотеля о множестве различий в познании позволяет автору «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» заключить, что «фантазия может превращать чувственные гештальты… лишь в чувственные гештальты. И подобные гештальты, будь то в действительности или в фантазии, можно мыслить только в определенных градациях – как более или менее прямое, более или менее плоское, округлое и т. д.» [3, с. 49].

Визуальная проекция самих вещей в структуре первичного опыта характеризуется изменчивостью самого мира, в силу чего все вещи

«созерцаемого нами окружающего мира вообще и во всех своих свойствах лишь колеблются в типических пределах; их самотождественность, их равенство самим себе и временное пребывание в этом равенстве лишь приблизительны, так же как и равенство другим вещам» [3, с. 50]. Возникающая в этом случае степень большего или меньшего совершенства, изменчивых вещей полностью соответствует положению Аристотеля о ценности самих восприятий. Рассуждение Э. Гуссерля о предельных гештальтах [Limes Cestalten], к которым сводится разнообразная практика технического совершенствования и все вновь и вновь возникающие «горизонты мыслимого», также содержит отсылку к Аристотелю.

Вопрос Аристотеля, «является ли что-либо, кроме материи, самостоятельной причиной или нет и имеет ли такая причина отдельное существование или нет» [1, с. 77], повлиял на понимание предельных гештальтов как инвариантных полюсов, к которым устремляется технический прогресс человечества. Здесь проявляется смысловая предпосылка, которая указывает, что, «заинтересовавшись этими идеальными гештальтами и последовательно занимаясь их определением и конструированием новых из тех, что уже определены, мы и становимся “геометрами”» [3, с. 51].

Поскольку уже в «Картезианских медитациях» Э. Гуссерль снимал различие между объективным миром и alterego, то его трансцендентальная интерсубъективность теперь располагает предельными гештальтами в качестве продуктов идеализации и конструкции, неким habituell культурного развития человечества. Снимая в процессе этого развития различие между действительными и эмпирическими телами и телами геометрическими, между реальным и идеальным, научное познание достигает точности. Поскольку в структуре первичного опыта в силу изменчивости мира вещи колебались в границах типического разнообразия, то теперь «мы достигаем того, в чем нам отказано в практике эмпирической, а именно “точности”» [3, с. 52].

Только в научном познании в «отношении идеальных гештальтов возникает возможность определить их в абсолютной тождественности, познать их как субстраты абсолютно тождественных и методически однозначно определимых свойств» [3, с. 52]. Методологическая проекция «тщательной интерпретации» начал геометрии немецкого философа также будет связана с различием донаучного-научного познания и с допущением снятия данного различия в процессе исторического развития человечества. Например, Э. Гуссерль делал допущение, что на стадии донаучного познания подобием возможности «конструктивно и однозначно, с помощью априорного,

всеобъемлющего систематического метода породить все вообще мыслимые идеальные гештальты», было измерительное искусство. В качестве такового оно открывало «практическую возможность выбрать в качестве мер известные эмпирические основные гештальты» [3, с. 54].

Дальнейший ход интерпретативной стратегии автора «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» подчинен логике герменевтического круга. Вновь в виде скрытой смысловой предпосылки мы возвращаемся к допущению Аристотеля, поскольку теперь оно выполняет для начал геометрии основную фундирующую функцию. Из донаучной и практической возможности Э. Гуссерль вслед за древнегреческим философом выводит метафизическую возможность, она станет фундаментом геометрического способа познания. Структура фундирующего положения построена таким образом, что в самом начале прочитывается трансцендентальная интерсубъективность, поскольку именно она располагала возможностью построения предельных гештальтов.

Итак, фундаментом «геометрического мышления», на котором строится по Э. Гуссерлю мысль Галилея, будет допущение: «следуя пробудившемуся стремлению к “философскому” познанию, определяющему “истинное”, объективное бытие мира, эмпирическое измерительное искусство… при обращении практического интереса в чисто теоретический» было идеализировано и в таком виде вошло «в чисто геометрический способ мышления» [3, с. 54].

Герменевтический аспект концепции «Lebenswelt» получит систематическое развитие в «Началах геометрии», которые фигурируют в наследии Э. Гуссерля под названием «Чистая геометрия». Само изменение названия указывает на смысловой вектор, помогающий более отчетливо определить значение принципа тождества исторического и онтологического. Исторические размышления «о философии Нового времени впервые здесь, с Галилеем, через обнаружение глубинных проблем смыслового истока геометрии» позволяют осуществить «самоосмысление нашего собственного современного философского состояния, причем надеясь в ходе этого обрести в конце концов смысл, метод и начало философии, той одной философии, которой хочет и может посвятить себя наша жизнь» [4, с. 211].

Оставляя за границами нашего исследования анализ практики деконструкции «Начал геометрии» Э. Гуссерля, осуществленный Ж. Деррида, мы должны отметить, что такие исходные экзистенциальные мотивы и принципы концепции «Lebenswelt» в дальнейшем существенно повлияют

на феноменологическую интерпретацию диалога «Филеб», осуществленную Х.Г. Гадамером. Например, вопрос об истоке геометрии, получивший статус «встречного вопрошания» и связанный с объективностью целого класса духовных образований, повлияет на определение последнего онтологического принципа, лежащего в основании интерпретативной стратегии Х.Г. Гадамера [2].

«Геометрическое существование» в «Началах геометрии» становится почти тождественным экзистенциальной самореализации и одновременно подчиняется правилу, что оно не психично, «это не существование частного в частной сфере сознания» [4, с. 215]. Необходимо отметить, что способ бытия дедуктивных наук, находящийся в «живом, продуктивно прогрессирующем смыслообразовании» [Там же, с. 227], с одной стороны, сохраняет экзистенциальную ценность субъективной самореализации, а с другой стороны, сохраняет то, что Э. Гуссерль называл подлинным смыслом изначальности. В этом смысле так называемый последний онтологический принцип Х.Г. Гадамера в его феноменологической интерпретации диалога Платона «Филеб» наследует все онтологические корреляции концепции «Lebenswelt». Примером такой коррелятивности может служить герменевтический принцип, в соответствии с которым каждый платоновский диалог должен быть понят из своих собственных предпосылок.

Герменевтический аспект концепции «Lebenswelt» становится более понятен, если обратить внимание на оценку, которую Э. Гуссерль дал своей интерпретативной методологии. Он отмечал, что мы попадаем в «своеобразный круг», так как понимание начал науки достигается лишь при условии того, на какой стадии развития она сейчас находится и какое историческое развитие она прошла, в силу чего «без понимания начал это развитие, как развитие смысла, ничего не может нам сказать» [4, с. 105].

Интересно рассмотреть метафору «зигзагообразного» движения интерпретации, употребляемую Э. Гуссерлем. Она указывает на характер и специфическую особенность интерпретации: мы должны двигаться «зигзагообразно», «уходя вперед и возвращаясь назад; в этом чередовании одно должно прийти на помощь другому» [4, с. 105]. Стратегическая задача такой «зигзагообразной» интерпретации помогает раскрыть не только изначальный смысл и дальнейшее развитие европейского естествознания, но и «дух новоевропейского человечества вообще». В этом смысле отказ от «естественнонаучной манеры речи» и замена ее на «свойственную жизни наивную манеру речи», на которой немецкий философ акцентировал свое внимание, является не только стилистической особенностью практики

интерпретации, но и фундаментальной характеристикой бытия Логоса. Именно бытие Логоса, определившее методологию проблемы кризиса европейских наук, помогает вернуться «к наивности жизни, сопровождаемое, однако, возвышающейся над ней рефлексией» [4, с. 106].

Данное размышление Э. Гуссерля можно понимать не только как преодоление «философской наивности», но и как указание на историческую связь с античной традицией. Ведь именно в период античности между разными философскими школами возникали многочисленные дискуссии по поводу вопроса, какова же природа истинных речей. И если после Платона и Аристотеля любая герменевтическая трактовка будет предполагать предпонимание и понимание или реконструкцию и перевод не иначе как воспроизведение имманентного смысла эйдосного, начиная с Платона, и субстанционального – с Аристотеля, то концепция «жизненного мира», рассматриваемая в аспекте онтологизации языка, означает универсальное единство. Возможность языка быть видимым определяет и способ феноменологической интерпретации проблемы кризиса европейских наук у позднего Эдмунда Гуссерля.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования / сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. – СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. – 832 с.

2. *Гадамер. Х. Г.* Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). – СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2000. – 256 с.

3. *Гуссерль Э.* Кризис Европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. – СПб.: Наука, 2013. – 494 с.

4. *Гуссерль Э.* Начало геометрии; *Деррида Ж.* Введение / пер. с франц. и нем., послесл. М. Маяцкого. – М.: AdMarginem, 1996. – 267 с.

5. *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. – 224 с.

6. *Молчанов В. И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М.: Модест Колеров; Три квадрата, 2004. – 328 с.

7. *Прехтл П.* Введение в феноменологию Гуссерля. – Томск: Водолей, 1999. – 96 с.

8. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. – СПб.: Академ. проект, 2004. – Т. 2. – 432 с.

9. *Хайдеггер М.* Бытие и Время. – М.: AdMarginem, 1997. – 451 с.

УДК 32.019.5

Иванов Андрей Сергеевич
студент исторического факультета

Вертинский Александр Владимирович
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail:andreyivanov1997@bk.ru

ИСЛАМОФОБИЯ КАК КОНЦЕПТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Andrey S. Ivanov,
Student of the Historical faculty

Alexander V. Vertinsky
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General History

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'.
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: andreyivanov1997@bk.ru

ISLAMOPHOBIA AS A CONCEPT OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические подходы к конструированию идеологического концепта «исламофобия» в отечественной историографии; предпринимается попытка определить базовые категориальные установки исследователей к этому проблемному полю, определить его компоненты и авторские стратегии репрезентации.

Ключевые слова: концепт «исламофобия», исследовательский конструкт, культурное поле, когнитивное восприятие, дискурс.

Abstract. Examines the main theoretical approaches to the construction of the ideological concept of «Islamophobia» in the national historiography; an attempt is made to define the basic categorical setting of researchers to this problem field, determine its components and sophisticated strategies of representation.

© Иванов А.С., Вертинский А.В., 2017

Keywords: concept «islamophobia», research construct, cultural field, cognitive perception, discourse.

Понятие «исламофобия» достаточно прочно утвердилось в политическом словаре многих теорий и концепций, изучающих проблемы межкультурного взаимодействия. Такая степень актуализации обусловлена выходом мусульман из своего культурного поля в конце двадцатого – начале двадцать первого веков: сюда можно отнести миграционные процессы, проблемы межрелигиозного согласия, феномен исламского «демографического взрыва» и терроризм. «Исламофобия» является устоявшимся на научном и бытовом уровнях термином, ибо он объемлет достаточно широкий спектр субъективных психологических реакций по отношению к феномену ислама и конкретным приверженцам этой религии. Сегодня термином «исламофобия» апеллируют на различных уровнях: от теоретических концепций до политических акторов, зачастую формируя стереотипное отношение к исламскому фактору.

Можно констатировать, что сложилось два подхода к изучению этого явления: концептуальный (теоретический) и социологический. Концептуальный подход фиксирует теоретические подходы исследователей к феномену исламофобии, тогда как социологический рассматривает структуру содержания и проявление исламофобии в срезе общественного сознания. Эти подходы взаимодополняемы, так как исследовательская программа не может игнорировать социологические данные, тем более по столь чувствительной проблематике.

Однако однозначная стратегия по проблеме исламофобии не сложилась и в ближайшее будущее вряд ли сложится. Во многом это объясняется тем, что проблема исламофобии имеет генетическую связь с так называемым «колониальным наследием», обостряющим отношения ряда западноевропейских государств с исламским миром уже в современных постколониальных реалиях.

Период колониальной истории очень важен для государств Европы. Европейцы смогли найти ценные ресурсы, поднявшие их экономическую и технологическую базу, что впоследствии позволило им стать гегемонами мировой системы, закрепило Европу в управлении Востоком и другими регионами. «Вызов», облаченный в форму колониальной экспансии, привел к возникновению соответствующей реакции в зоне бытования ислама, к закономерному «ответу» – становлению национального самосознания, пробуждению политической воли. С новой силой развернулся процесс идейных исканий, целью которого стал поиск путей выхода из экономической ямы, духовного застоя и сохранение культурной идентичности.

Этот процесс у европейских интеллектуалов приобрел негативную оценку. Для многих в Европе и США ислам стал способом понимания причин различных проблем во всем мире. Кроме того, одним из ключевых инструментов негативизации образа ислама и исламских сообществ на уровне социальных установок и коллективных представлений, распространяющихся посредством экстраполяции и индексации, становятся средства массовой информации. Они во многом задают обществу повестку дискуссии об исламе.

Как целостный дискурс, включающий проблему субъекта и объекта, исламофобия предстает в исследованиях известных деятелей ислама и философов, радикально отличающихся во взглядах. К примеру, Гейдар Джемаль – российский исламский общественный деятель, председатель Исламского комитета России, сопредседатель и член президиума Общероссийского общественного движения «Российское исламское наследие», постоянный член Организации «Исламо-арабская народная конференция» (ОИАНК) – считает исламофобию конспирологическим явлением. Юрий Михайлович Почта – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук – представляет взгляд на исламофобию с позиций европейской академической традиции. Алексей Крымин и Георгий Энгельгардт интересны тем, что рассматривают исламофобию в контексте «коренных» этносов, исторически проживающих в одном государстве.

В исследовательских стратегиях конструирования концепта «исламофобия» можно выделить три подхода.

Функциональный подход отражен в работе Г. Джемаля [1], где исламофобия определяется как геополитический конструкт современной мировой системы для сдерживания и уничтожения конкурента с враждебной идеологией. Компонентами концепта служат идеология исламского возрождения (как пассионарная единица), дискриминация ислама и приравнивание его к образу врага, а также политическая и военная практика (легальное и легитимное применение силы). В его видении исламофобия проявляется на внешнеполитическом (силовое вторжение в чужое пространство), внутриполитическом (уничтожение оппозиции лояльными к колонизаторам силами), медиа- (развитие стереотипов и легитимация колониализма) и бытовом (взаимодействие между людьми) уровнях. Таким образом, исламофобия как исследовательский конструкт Г. Джемаля является идеологическим инструментом «правящих мира сего», где субъектами выступают развитые государства и лояльные им силы в пространстве, подвергшемся вторжению, а противником выступают непосредственно силы, защищающие свое поле бытования.

Историко-культурологический подход проявился в исследовании Ю.М. Почты [3], где исламофобия определяется как идеология, основанная на евроцентризме, связанная с национальным шовинизмом, отвергающая принадлежность мусульман к цивилизованным народам. Компонентами концепта являются историческая антагонистичность носителей культуры, религиозная дискриминация, носители культуры (люди), социальная и политическая практика. Уровни проявления: исторический (негативное историческое взаимодействие христианства и ислама), академический (заочное изучение ислама на основе стереотипов), незнание аспектов вероучения и религиозных практик, внутриполитический (принятие законов, ограничивающих права и свободы мусульман), уровень медиа (негативизация ислама и мусульман), социальный уровень (негативное отношение к мусульманам). В представлении Ю.М. Почты исламофобия есть защитный механизм иудео-христианской культурной зоны, где противопоставленными субъектами служат иудео-христианское культурное поле и непосредственно исламское культурное поле, внутренние элементы которого желают стать внутренними элементами противопоставленного культурного поля.

И наконец, историко-этнологический подход А. Крымина и Г. Энгельгардта. Они рассматривают исламофобию как взаимодействие этносов внутри государства. В своей работе российские исследователи дают следующее определение исламофобии: «Под исламофобией мы понимаем действия и высказывания, оцениваемые мусульманами как враждебные исламу. Это понятие охватывает крайне широкий спектр значений – от погромов до любой критики в адрес как мусульман и исламских активистов, так и исламского вероучения и социальной практики» [2]. Компоненты концепта: предубеждения против мусульман и религиозная дискриминация. Уровни проявления исламофобии: исторический (ограничение прав и свобод мусульман в Российской империи), геополитический (конфронтация между США и исламским миром), уровень медиа (критика религиозных практик и аспектов вероучения), социальный (настороженное отношение к мусульманам).

Характерной чертой данного подхода является наличие лишь одного субъекта, то есть мусульман, а противником служит любой критик исламского вероучения или атрибутов религиозной идентичности. Таким образом, подчеркивается, что исламофобия – это конструкт самих мусульман, призванный защищать их культурную и религиозную идентичность.

Следует отметить, что в той или иной степени в оценке исламофобии авторы руководствуются одними и теми же критериями: вводят определения исламофобии, определяют ее источники и уровни проявления в обществе. По основным критериям можно провести сравнительный анализ, результаты которого приведены в таблице.

Критерии сравнения	Г. Джемаль	Ю.М. Почта	А. Крымин, Г. Энгельгардт
Определение концепта «исламофобия»	Исламофобия – геополитический конструкт современной мировой системы для сдерживания и уничтожения конкурента с враждебной идеологией	Исламофобия – идеология, основанная на евроцентризме, связанная с национальным шовинизмом, отвергающая принадлежность мусульман к цивилизованным народам	Исламофобия – действия или высказывания, оцененные мусульманами как враждебные
Компоненты концепта «исламофобия»	1. Идеология исламского возрождения 2. Дискриминация ислама (как врага) 3. Политическая практика	1. Историческая антагонистичность народов 2. Религиозная дискриминация 3. Носители культур (люди) 4. Современная социальная и политическая практика	1. Предубеждения против ислама и мусульман 2. Атмосфера ненависти ко всему исламскому 3. Религиозная дискриминация
Уровни проявления исламофобии	1. Внешнеполити-ческий 2. Внутриполити-ческий 3. Коммуникативный (СМИ) 4. Уровень «молчаливого большинства» (люди)	1. Исторический 2. Политический 3. Академический 4. Коммуникативный (СМИ) 5. Уровень социального взаимодействия	1. Исторический 2. Геополитический (США – Ислам) 3. Коммуникативный (СМИ) 4. Уровень социальной системы
Формы бытования исламофобии	1. Политика неоколониализма 2. Уничтожение исламских политических образований	1. Историческое противостояние ислама и христианства 2. Законодательные акты, ограничивающие	1. Ограничение прав конфессий в Российской империи 2. Конфронтация отношений между США и исламским миром

Критерии сравнения	Г. Джемаль	Ю.М. Почта	А. Крымин, Г. Энгельгардт
	3. Уничтожение культурной идентичности мусульман 4. Негативизация и стереотипирование ислама и мусульман 5. Агрессия в социальном взаимодействии	ограничивающие права и свободы мусульман 3. Незнание ислама и его практик 4. Стереотипирование ислама и мусульман 5. Неприятие мусульман и средств их культурной идентичности в обществе	3. Критика религиозной практики и аспектов вероучения 4. Настороженное отношение
Источники формирования концепта «исламофобия»	Геополитическая конкуренция между европейской/американской и исламской идеологиями	Историческое взаимодействие	Конфронтация исламского мира и США
Назначение концепта «исламофобия»	Сдерживание и уничтожение ислама и конкурентной идеологии	Защитный механизм европейского культурного поля	Внутригосударственные отношения этносов

Исходя из данного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Определение концепта «исламофобия» обусловлено субъективизмом и дискурсивными установками самих авторов.

2. Построение иерархии проявлений «исламофобии» всегда формируется по принципу «от высшего к низшему» и зависит от методологии, которая применяется автором для изучения данного феномена.

3. Источники формирования концепта «исламофобия» носят когнитивный характер и также зависят от личной оценки автора.

Список литературы

1. *Джемаль Г.* Новый геополитический исламофобский треугольник: [Электронный ресурс] // www.youtube.com – URL: https://www.youtube.com/watch?v=RRTIqnLiI4o (дата обращения: 21.05.2017).

2. *Крымин А., Энгельгардт Г.* Исламофобия: [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – URL: http://www.strana-oz.ru/2003/5/islamofobiya (дата обращения: 4.04.2017).

3. *Почта Ю.М.* Ислам и политика: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 135 с.

УДК 122

Вихман Галина Юрьевна
аспирант кафедры практической психологии

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: galina-vih@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ ЛОЖНОГО И ИСТИННОГО Я

Galina Yu. Vikhman
Postgraduate of the Department of Practical Psychology

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: galina-vih@yandex.ru

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS TO ADDRESS THE PSYCHOLOGICAL PHENOMENA OF FALSE AND TRUE I

Аннотация. Осмысливаются феномены истинного и ложного Я, что становится все более актуальным в современном мире в связи с прогрессом технологий и увеличением сфер отчужденности человека от реальности и непосредственного общения. Выделяются два ключевых момента, обусловливающих становление истинного и ложного Я: с одной стороны, «двойственность природы» человека с ее вечным конфликтом между биологическим и социальным, инстинктивным и духовным началом, о чем говорится в философской антропологии, а с другой – свободный выбор человека быть собой со всей присущей этому ответственностью, что отражено в концепциях экзистенциалистов. Рассмотрение философских вопросов «подлинности – неподлинности», «истинности – ложности» в отношениях человека с собой и с миром является важной основой для дальнейших психологических исследований.

Ключевые слова: экзистенциализм, философская антропология, аутентичность, подлинность, истинное Я, ложное Я.

© Вихман Г.Ю., 2017

Abstract. Conceptualized the phenomena of true and false self, which becomes increasingly important in the modern world in connection with the progress of technology and increasing spheres of man's alienation from reality and direct communication. There are two key points that lead to the formation of true and false I: on the one hand, the «duality of nature» of man with its eternal conflict between biological and social, instinctual and spiritual principle, as outlined in philosophical anthropology, and the other – the free choice of the person to be myself with all inherent in this responsibility that is reflected in the concepts of existentialism. Consideration of the philosophical questions of «authenticity – is not authentic» «truth – falsity» in the relationship of man with himself and with the world are an important basis for further psychological research.

Key words: existentialism, philosophical anthropology, authenticity, genuine, True Self, False Self.

В условиях современного общества с его культурой потребления и тенденцией к технологизации, проникающей во все сферы человеческой жизни, подменяющей собой непосредственное общение и взаимодействие с реальностью, человек все больше оказывается в имитационных (взамен реальных) отношениях и действиях, в которых истинное Я легко подменяется ложным с целью получения действительных или мнимых выгод.

Карма «маска» (разновидность ложного Я) позволяет соответствовать социальным нормам и требованиям, использовать роли, соответствующие ситуации и целям взаимодействия, а также обеспечивает безопасность и защиту истинному Я. Назначение последнего – сохранять витальность, спонтанность, свободу самореализации. Соблюдение баланса между ними позволяет человеку достигать гармоничной адаптации. Крен в одну из этих плоскостей или же потеря гибкости в вопросах самопредъявления может вести к внутриличностным конфликтам, которые, в свою очередь, могут находить выход в психическом нездоровье и/или дезадаптации личности в социуме. Выработка модели ложного Я и, соответственно, изучение его отношений с истинным Я представляет интерес в практическом плане с точки зрения поиска способов и закономерностей сохранения психологического здоровья, а также социального благополучия и самореализации личности.

Однако в настоящее время проблема истинного и ложного Я в психологии изучена слабо. Фактически существует несколько зарубежных концепций, раскрывающих суть данных феноменов, часть из которых затрагивает их лишь косвенно. В отечественной психологии подобные теоретические концепции практически, за исключением развитых в основном

за рубежом воззрений С.Л. Франка, отсутствуют. Соответственно, нет ни диагностического инструментария, ни какой-либо стройной методологической базы для изучения интересующих нас феноменов.

Таким образом, первичное рассмотрение данной темы ставит перед нами задачу поиска методологических (философских) оснований становления ложного и истинного Я, что предполагает изучение вопросов «подлинности – неподлинности», «истинности – ложности» в отношениях человека с собой и с миром.

В философской антропологии проблема подлинности решается путем рассмотрения сущности человеческой природы, а именно – ее двойственного характера. Человек, по сути, является единственным существом, для которого вопрос «подлинности» является проблемой. Будучи двойственным по своей природе, то есть относящимся одновременно к биологическому и социальному миру, воплощая в себе инстинктивное и сознательное начала, человек оказывается заложником их вечного конфликта. Эта идея находит отражение в концепциях М. Шелера и А. Гелена.

Так, у Макса Шелера данный конфликт выражается в противоречии между «духом» и «порывом», между устремленностью человека к богу и его витальными инстинктами, влечениями и желаниями. Решается конфликт благодаря способности человека дистанцироваться от «самого себя», от своего тела. В отличие от животного, которое тождественно своему телу и которое, соответственно, представляет собой лишь «бытие телом», человек – единственное существо, «обладающее телом», то есть способное отстраниться от тела и обуздать его импульсы сознательным, волевым контролем [7]. Эта особенность человека, в конечном счете, делает принципиально возможным вопрос о наличии истинного или ложного Я. Истинное Я предполагает утверждение человеком своей духовности при отказе от части себя.

Принципиально иначе решает вопрос подлинности Арнольд Гелен. С его точки зрения, человек испытывает потребность вырваться из-под давления мира культуры (эта потребность заложена в ядре его конституции), но сталкивается с противодействием со стороны разного рода социальных институтов. Будучи существом культуры, человек вынужден придерживаться ее норм и правил, отказываясь от своего природного естества и выстраивая ложное Я во взаимодействии с миром [1].

Сходным образом эту проблему решают другие авторы. Конрад Лоренц, к примеру, признавая, что жизнь человека подчиняется биологическим закономерностям, говорит о том, что он все время пытается выбраться из чисто

природного состояния [3]. Напротив, Семен Франк видит сущность человека в постоянном желании быть чем-то большим, отводя духу роль штурмана на психофизической лодке [5].

Таким образом, ложное и истинное самосознание этими исследователями соотносятся с двойственностью природы человека, противоречивостью, а порой и противостоянием в отношениях между его биологическими (животными) влечениями, инстинктами и социальными устремлениями, между «телом» и «сознанием», витальным и духовным. Эта особенность человеческой природы погружает его в конфликт, способный привести к формированию ложного Я.

В отличие от уже рассмотренных подходов, экзистенциализм утверждает, что у человека нет определения (сущности) до его существования. Это значит, что он первоначально ничего собой не представляет, лишен какой-либо природы, определяющей его личное бытие. Сначала человек проявляет и реализует себя в мире, и это делает его тем, кто он есть, определяя его сущность и смыслы. Человек, с точки зрения экзистенциализма, есть то, что он из себя делает [4]. В этом проявляется одна из главных идей экзистенциальных философов, подчеркивающих ответственность человека за собственные поступки и жизнь.

Если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз и навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Вопрос об истинном или ложном Я в рамках экзистенциальной философии – это не вопрос природы человека и его детерминант, а вопрос ответственности и выбора быть самим собой.

Сёрен Кьеркегор, рассматривая существование, делал акцент в первую очередь на внутреннем мире, переживаниях человека, стремлении проявиться и утвердиться в мире, в котором он живет и который для него неясен, на открытости человеку его собственного бытия. Он говорит о трех стадиях развития человека, прохождение которых, с одной стороны, представляет собой естественно разворачивающийся по мере его взросления процесс, а с другой – является результатом его собственной ответственности, выбора и акта воли, преодолевающего отчаяние. По мере продвижения от одной стадии к другой человек все более полно и подлинно экзистирует. Так, на первой – эстетической – стадии человек влеком чувственными удовольствиями, поведение его обусловлено внешними обстоятельствами, а «возможное Я» (искусственно сконструированный образ Я, наделенный какими-либо преимуществами) оказывается привлекательнее «реального Я». Отчаянное нежелание быть собой приводит к тому, что существо человека рассыпается на тысячи частей,

становится разрозненным и непоследовательным. Только в результате акта выбора, в котором человек принимает на себя ответственность быть самим собой, он может вновь обрести целостность. Тогда он переходит на этическую стадию, на которой становится субъектом собственной жизни, свободным и ответственным за собственное экзистирование. И наконец, на третьей – религиозной – стадии, стремясь быть собой, Я полагается уже не только на себя, но и на большие силы, создающие его, оно находит в себе храбрость утратить себя, чтобы заново обрести [2].

Абсолютная онтологическая свобода субъективно выражается в страхе перед конечностью бытия. Страх здесь предполагает осознание человеком собственного бессилия перед смертью и риск неправильно распорядиться предоставленной свободой. Учение С. Кьеркегора – это учение о пути обретения подлинности собственного Я. Однако многие сходят с этой тропы, не выдержав мук непостижимости.

Мартин Хайдеггер в своей книге «Бытие и время» раскрывает тему бытия человека в мире через описание аутентичного и неаутентичного экзистирования (то есть воплощения внутренних интенций вовне), а соответственно, в определенной мере касаясь вопросов ложного и истинного переживания человеком себя самого и проявления себя в мире.

Будучи приверженцем феноменологического подхода, М. Хайдеггер акцентировал внимание на внутреннем переживании и осмыслении опыта своей жизни человеком, который является единственным существом, способным потерять себя, отвернуться от собственной природы. Отворачиваясь от бытия, человек теряет ощущение связности с миром и с собой и далее тоскует по аутентичному существованию.

Что же такое подлинное существование? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к понятию Dasein, которое дословно переводится как «вот-бытие» или «бытие-в-мире» и представляет собой опыт соприкосновения человека с Бытием, некое специфическое состояние открытости человека миру, основанное на его воле быть. В этом опыте человек возвращает свою полновесность, первичность, полноту, включенность и вовлеченность в мир и собственную жизненность. Однако в этом же опыте он неизбежно сталкивается с экзистенциальным ужасом, неким пронзительным оцепенением от столкновениея с «Ничто», поскольку бытие человека – это всегда бытие к смерти.

В этой точке он может проявить мужество и остаться в прикосновении к бытию, аутентично проявляясь во всей своей наполненности и вовлеченности, либо уйти в неаутентичное экзистирование, или так называемое «Das Man» (от нем. Man – неопределенно-личное местоимение).

В Das Man нет истинного Я, потому что там нет Я как такового, оно всеми силами старается слиться с не-Я в социальных процессах и нормах, оно обезличивается, не замечается. Избегая встречи с экзистенциальным ужасом, человек с головой уходит в «повседневность», где нет осознания конечности жизни как движения к смерти в каждый отрезок времени, где смерть становится «не моей» и «не сейчас». Но в этом же едином процессе он выбирает отчуждение от собственной подлинности. Это можно рассматривать как психологическую защиту, механизм, позволяющий избежать запредельного напряжения от столкновения с экзистенциальным ужасом. Отказываясь от себя подлинного, человек обретает иллюзию защищенности и безопасности пребывания в мире. Аутентичное существование, требующее мужества быть, встречается не часто и практически никогда в стопроцентном своем воплощении [6].

Обобщая рассмотренные концепции, можно выделить два ключевых момента, обусловливающих становление ложного и истинного Я.

Первый заключен в двойственности природы человека. Будучи одновременно существом биологическим и социальным, объединяющим в себе витальные желания и инстинкты и духовные устремления, человек оказывается заложником конфликта двух этих начал. И какое бы устремление мы ни выбрали как подлинное, внутренний конфликт останется нерешенным. Само по себе наличие противостояния этих двух начал в человеке и есть условие, на основании которого возможно формирование ложного Я как результата отказа от одной формы бытия личности в пользу другой.

Однако с позиции экзистенциализма более значимым оказывается не столько некоторая заданная природа человека, сколько его свободный выбор – быть собой со всей присущей этому ответственностью. И хотя для подлинного существования не нужно ничего более выбора, это оказывается не так просто, поскольку быть собой означает осознавать все свое бытие.

В духе учения С. Кьеркегора это подразумевает видеть себя со всеми своими достоинствами и недостатками, отказываясь от удобства незнания, от мнимой свободы, преодолевать отчаянное нежелание быть самим собой, открывать глаза. Видеть реальность и расти, обретая абсолютную свободу и веру. Или, в духе концепции М. Хайдеггера, в каждый момент оставаться максимально полновесно и полноценно вовлеченным в жизнь, быть открытым этому миру, принимая всю ответственность за то, чтобы правильно

распорядиться собственной жизнью, осознавая при этом конечность своего существования и сталкиваясь с экзистенциальным ужасом перед смертью. Отказ от себя приводит к обезличиванию, отчуждению от собственного бытия, формированию ложного Я.

Список литературы

1. *Гелен А.* О системе антропологии / пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 152–201.

2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – 101 с.

3. *Лоренц К.* Агрессия. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – 272 с.

4. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — М.: Республика, 2000. – 639 с.

5. *Франк С.Л.* Душа человека. – URL: http://www.odinblago.ru/dusha_cheloveka/ (дата обращения: 27.08.2107).

6. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

7. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 77–100.

УДК 902.01

Галынкин Евгений Владимирович
аспирант кафедры древней и средневековой истории России

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: galynkin_ev@pspu.ru

СПЕЦИФИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

EvgenyW. Galynkin
Postgraduate of the Department of Ancient and Medieval History of Russia

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: galynkin_ev@pspu.ru

SPECIFICATION OF SIMULATION IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

Аннотация. Рассматриваются метод моделирования, его суть и специфика применения в археологических исследованиях в виде построения геоинформационной системы, использования фотограмметрии, беспилотных летательных аппаратов и технологии получения и обработки информации об удаленных объектах с помощью активных оптических систем (Lidar).

Ключевые слова: модель, моделирование, геоинформационные системы, фотограмметрия, беспилотные летательные аппараты, Lidar, археология Пермского Предуралья.

Abstract. Discusses the method of modeling, its essence and specifics of application in archaeological research in the form of construction of geoinformation system, using photogrammetry, unmanned aerial vehicles and the technology of obtaining and processing information about deleted objects using active optical systems (Lidar).

Keywords: model, modeling, geoinformation systems, photogrammetry, unmanned aerial vehicles, Lidar, archeology of the Perm Ural region.

© Галынкин Е.В., 2017

Моделирование – это метод познания окружающего мира, состоящий в создании и исследовании моделей. Метод существует уже много десятилетий, однако методология моделирования долгое время развивалась независимо отдельными науками. Лишь постепенно стала осознаваться роль моделирования как универсального метода научного познания.

Термин «модель» широко используется в различных сферах человеческой деятельности и имеет множество смысловых значений. Так, в Большой советской энциклопедии модель в широком понимании трактуется как «образ (в том числе условный или мысленный) или прообраз (образец) какого-либо объекта или системы объектов (“оригинала” данной модели), используемый при определенных условиях в качестве их “заместителя” или “представителя”» [3]. В более узком смысле модель является образцом, служащим«эталоном (стандартом) для серийного или массового воспроизведения» [7]. Соответственно, модель является либо «имитацией» действительности, либо «реальным воплощением» некоторого субъекта.

Отсюда процесс моделирования – это процесс исследования «объектов познания на их моделях, построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений и конструируемых объектов для определения, уточнения их характеристик, рационализации способов их построения и т. д.)» [6]. Моделирование – неотъемлемая часть развития знания.

Актуальность метода моделирования заключается в возможности его применения в междисциплинарном исследовании. В последнее время компьютерное моделирование исторических источников и пространственных исторических данных (геоинформационных данных) является очень востребованным и выражается в большом количестве проектов, осуществляемых ведущими научными и образовательными организациями Российской Федерации. Философские аспекты метода моделирования – это часть узкоспециальной методологии в любой науке. Историческая наука сегодня является дисциплиной, способной не только повествовать о прошлом человечества, описывать его, но и предвидеть, предполагать и заполнять лакуны в историческом знании.

Моделирование – наиболее распространенный метод исследования окружающего нас мира. Оно участвует в любом действии исследователя как на теоретическом, так и на практическом уровне. Моделирование – это своего рода отправная точка в создании новой гипотезы, теории. Модель зачастую отражает те черты, которые нужны исследователю, тем самым представляя

упрощенное понимание сути явления или объекта. Фактически отбрасывая все лишнее, ученый останавливается на важном. Кроме того, упрощение объекта – это первый признак того, что информация будет доступна пониманию всех интересующихся в научном сообществе.

При создании модели всегда появляются новые факты, которые были непостижимы при общем рассмотрении. Комплексный анализ считается одним из самых объективных способов анализа. Взаимосвязь гуманитарных и естественнонаучных методов, законов представляет квинтэссенцию наивысшего объективного и рационального понимания строения изучаемого явления. Имея перед собой полученное «зерно истины», необходимо обязательно учитывать, что модель не идеальна, возможны небольшие погрешности.

В настоящее время российские ученые занимают передовые позиции в области компьютерного моделирования исторических процессов. Полученные результаты, выдвинутые подходы и намеченные перспективы свидетельствуют о большом теоретическом и прикладном интересе, который представляет собой это направление исследований. В настоящее время работы в этой области активно ведутся учеными во многих институтах Российской академии наук, в вузах Москвы, Барнаула, Красноярска, Екатеринбурга, Перми и Ижевска.

Археология считается одной из наиболее консервативных областей исторических исследований, но и ее развитие сейчас немыслимо без огромных баз данных, баз знаний и интернет-сообщества. С помощью междисциплинарного подхода из разрозненных находок и усилий отдельных исследователей складывается общая картина древнего прошлого. Поэтому рассмотрение философских аспектов взаимосвязи моделирования с археологической дисциплиной не только полезно, но и нужно для построения правильной методологии исследования.

Применение моделирования на территории Уральского региона не так широко распространено, как этого бы хотелось. Большинство историков ограничивается лишь текстовым описанием проведенного исследования, что отражается в отчетах об итогах археологических раскопок. Принцип же комплексного исследования предполагает всестороннее рассмотрение археологического потенциала памятника, в том числе и построение определенной модели взаимодействия человека с природным ландшафтом в виде формы и характеристик жилища, материальной культуры и мировоззренческого развития.

Комплексное изучение памятника предполагает использование такого метода, как фотограмметрия. Фактически фотограмметрия – это измерение объекта по фотографии. Метод заимствован из геодезии, где он представляет собой технологию дистанционного зондирования земли, позволяющую определять геометрические, количественные и другие свойства объекта на поверхности земли по фотографии.

Аэрофотосъемка является одним из самых старых методов изысканий в археологии, поскольку древние памятники часто весьма хорошо различимы на аэрофотоснимках. Тем не менее их различимость зависит от внутренней структуры и степени сохранности памятника на поверхности. Древние остатки поселений и могильников и прочие антропогенные изменения ландшафта благодаря своим световым характеристикам (отличиям в свете, тени и контрасте – light-shadow-contrasts) часто видны непосредственно на снимках [8]. Например, изучая различия растительности по аэро- и космическим фотоснимкам, можно судить о нарушениях естественной экологии из-за человеческой активности. Так же дела обстоят и с выявлением могильников и поселений.

Наиболее важный аспект воздушной археологии – это изменение угла взгляда на памятник. Так, памятник, чья структура лишь частично понятна при изучении его поверхности или в принципе неразличима, преобразуется при вертикальной перспективе в своего рода архитектурный план, несущий сведения о находившихся на поселении материальных объектах. Это позволяет разглядеть памятник целиком, по крайней мере на уровне видимости. Кроме того, подобный ракурс дает возможность связать археологический памятник с его топографическим и экологическим окружением.

Коллеги из Удмуртии благодаря беспилотным летательным аппаратам давно уже исследуют бассейн реки Чепцы. Этой группой пристально исследуется Солодырское I городище, именуемое Иднакар, памятник чепецкой культуры. Применяя геофизические методы, Игорь Витальевич Журбин создает планы памятников. Эти исследования существенно дополняют ранее произведенное изучение памятника под руководством А.А. Спицына и Н.Г. Первухина (1885–1889 гг.), С.Г. Матвеева и А.П. Смирнова (1927–1929 гг.), М.Г. Ивановой (с 1974 г.) [5].

Интересным и перспективным является геофизический метод. Как и все физические тела, грунт имеет сопротивление, благодаря этому можно наблюдать разницу сопротивлений и выявить рельеф памятника.

При геофизических исследованиях укрепленных поселений актуальной задачей является детальное изучение оборонительных сооружений. Оно

предполагает реконструкцию формы сохранившейся части укреплений, восстановление их структуры (слоистость – однородность) и оценку состава грунтов. Данная информация позволяет прогнозировать технологию возведения оборонительных сооружений. Безусловно, для определения хронологии, техники формирования и выявления конструктивных особенностей укреплений необходимы раскопки. Однако, учитывая специфику и существенные трудозатраты археологических исследований оборонительных сооружений, эффективным способом их предварительной реконструкции является геофизическое изучение структуры и формы укреплений.

С помощью геофизических методов был исследован Рождественский комплекс в Карагайском районе Пермского края [4].

Существуют и более точные методы изучения археологических памятников, например, использование технологии получения и обработки информации об удаленных объектах с помощью активных оптических систем, иначе говоря, световой дальномер. Технология эта называется Lidar. Для отечественной археологии это достаточно дорогостоящее оборудование. Принцип действия заключается в том, что направленный луч источника излучения отражается от целей, возвращается к источнику и улавливается высокочувствительным приемником: время отклика прямо пропорционально расстоянию до цели. Этот метод часто используется для фиксации замеров в строительных работах.

Благодаря такой технологии, в прошлом году, например, удалось найти один из римских военных лагерей в Италии, город Триест, что поставило под сомнение дату первого римского военного лагеря [1].

На базе данных методов появляется наиболее противоречивый метод моделирования в исторической науке – построение 3D-модели как памятника, так и археологических находок.

Данный метод ранее воспринимали лишь как способ визуализации данных. Использование построенного на базе 3D-модели объекта могло выглядеть как способ представления электронной формы, и не более. Только в последнее время ученые стали осознавать, что трехмерное построение объекта дополняет комплексное изучение памятника, а также в какой-то мере является еще одной возможностью для сохранения культурного наследия. Таким примером является австрийский проект Карнунтум [9]. В древности это было кельтское поселение, затем римлянами в I веке был построен укрепленный военный лагерь.

Отдельное внимание следует уделить методам картографирования и построения геоинформационных систем (ГИС). Многие историки до сих пор не воспринимают всерьез преимуществ, которыми обладают ГИС. Между тем геоинформационные технологии во многом базируются на сотрудничестве специалистов различных областей, интеграции источников и методов разных наук, что в среде историков также не всегда принимается однозначно. ГИС, таким образом, выступают как двигатель на пути к сближению различных областей наук.

В археологии геоинформационная система может объединить данные, полученные в результате использования различных методов. Это, бесспорно, визуализация знаний и логически связанных между собой данных. В нее включаются не только 3D-модель интересуемого нас объекта, но и различные сведения о том, кто копал памятник, к какому типу его можно отнести и т. д. Без сомнения, конечный продукт можно использовать в качестве учебного пособия для школьников и студентов-историков. В связи с имеющимся законом о запрете публикации данных об археологических объектах, доступ к ГИС-системе должно быть разграничен как для профессионалов-историков, так и для просто интересующихся археологией людей.

На сегодняшний день в археологическом сообществе назрела необходимость унификации описания археологических памятников в связи с созданием российского государственного реестра объектов культурно-исторического наследия, учета этих сведений при подготовке кадастровых документов земельных участков, а также облегчения обработки формализованных данных. Исходя из поставленных задач, многие ученые начинают осознавать насущность разработки таких специализированных программных комплексов с возможностью автоматического вывода результатов обработки, в том числе в виде цифровой археологической карты [2].

Сегодня представление об истории как описательной науке постепенно замещается представлением об истории как науке прогрессивной, занимающейся восстановлением и сохранением историко-культурного наследия. Поэтому разумным представляется популяризация междисциплинарных работ, посвященных реконструкции исторических процессов и историческому прогнозу, которые опираются на широкий системный взгляд, объективные количественные данные, результаты компьютерного моделирования.

Список литературы

1. *Антонов Е.В* Триесте нашли древнейший римский лагерь // Наука и жизнь: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nkj.ru/news/26089/ (дата обращения: 05.02.2016).

2. *Бирюков Б.В.* Моделирование / Б.В. Бирюков, Ю.А. Гастев, Е.С. Геллер – Большая советская энциклопедия : [Электронный ресурс]. – URL: http://bse.slovaronline.com/ (дата обращения: 03.05.2016).

3. *Гастев Ю.А*. Модель // Большая советская энциклопедия : [Электронный ресурс]. – URL: http://bse.slovaronline.com/ (дата обращения: 03.05.2016).

4. *Журбин И.В.* Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С. 306–312.

5. *Иванова М.Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – URL: http://elibrary.unatlib.org.ru/pdfpreview/bitstream/handle/ (дата обращения: 05.09.2015).

6. *Крупочкин Е.П., Боенко К.А*. Археологическое картографирование в России: состояние и пути развития // Известия Алтайского государственного университета. Серия «Биологические науки. Науки о Земле. Химия». – 2010. – № 3/2. – С. 110–119.

7. Модель // Большая советская энциклопедия : [Электронный ресурс]. – URL: http://bse.slovaronline.com/ (дата обращения: 03.05.2016).

8. *Райнхольд С.* Аэрофотосъемка и археология культурного ландшафта. Системы поселений позднего бронзового – раннего железного века в верхней части Кисловодской котловины // Круглый стол «Археология и геоинформатика» (Москва, 2005 г.) : сб. докл. / сост. Д.С. Коробов : [Электронный ресурс]. – М., 2005. – 2-й электрон. опт. диск (CD-ROM).

9. Virtual archaeology and archaeological prospection : [Электронный ресурс]. – URL: http://www.7reasons.net/?page_id=37051 (дата обращения: 27.02.2016).

УДК 316.7

Васильев Николай Николаевич
главный специалист по информационным технологиям
АО «Саратовский полиграфический комбинат», г. Саратов, Россия
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59, e-mail: vnn111@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ФОРМА РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ

Nikolai N. Vasiliev
Chief specialist in information technology
Joint-stock company 'Saratov polygraphic combine'
410004, Saratov, Russia, 59, Chernyshevsky Str., 59, e-mail: vnn111@mail.ru

CULTURAL AND HISTORICAL PATRIOTISM AS A FORM OF RUSSIAN CIVILIZATION SELF-CONSCIOUSNESS

Аннотация. Изучается феномен подъема культурно-исторического патриотизма российской интеллигенции на рубеже XX и XXI веков, проявившийся в возникновении большого количества периодических и повторяющихся изданий культурно-исторического направления; выявлены исторические предпосылки и социокультурный контекст этого явления, проанализировано его развитие.

Ключевые слова: патриотизм, культурно-патриотические издания, краеведение, российское цивилизационное самосознание.

Abstract. Examines the phenomenon of the rise of cultural-historical patriotism of the Russian intelligentsia at the turn of XX and XXI centuries, manifested in the emergence of a large number of periodic and recurring publications of cultural and historical areas; identified the historical background and socio-cultural context of this phenomenon, analyzed its development.

Keywords: patriotism, cultural and patriotic publications, local lore, Russian civilizational identity.

Патриотизм как духовное явление многогранен по содержанию и многообразен по формам своего проявления. Формы эти тесно связаны с содержанием духовного мира человека, его мировоззрением, уровнем

© Васильев Н.Н., 2017

культуры. Культура и история Отечества являются естественными фундаментальными основами патриотической личности. «Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя, – писал Дмитрий Сергеевич Лихачев. – Его воспитывает история, прошлое. Прошлое открывает ему окно в мир… Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков» [5].

В этом контексте культурно-исторический патриотизм является одной из форм национального и, шире, цивилизационного самосознания. Его проявления для русской интеллигенции всегда были очень важны. Внимание и уважение к памятникам истории и культуры, творческое собирательство (коллекционирование), краеведческую работу можно отнести к коренным устремлениям представителей русской интеллигенции.

В дореволюционной России краеведение широко и повсеместно культивировалось элитарными слоями интеллигенции как элемент и форма национального самосознания со времен Н.М. Карамзина. Это явление было также распространено в среде разбогатевших выходцев из крестьян. Разночинная интеллигенция в основном была как бы «без роду и племени», и значительная ее часть ненавидела Россию, русскую культуру и историю, бессознательно отождествляя их с тиранией: обида за бедствия предков и родственников застилала глаза. Именно эта часть интеллигенции сыграла роковую роль в развале России в начале XX века.

В послереволюционное время выжившая в революционной буре интеллигенция в своих основных ролях часто не допускалась до активного участия в общественной жизни. Одной из найденных «отдушин» стали исторические и культурные изыскания, краеведение. Большевистская власть с первых месяцев своего существования удивительным образом проявила тонкое и глубокое понимание потребности и важности сохранения и использования культурного наследия для поддержки усилий государства по созданию новой общественной системы. Уже в ноябре 1917 года была образована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников старины, а через год созданы губернские коллегии по делам музеев. Двадцатые годы XX века стали золотым десятилетием советского краеведения.

К началу 1930-х годов сложилась широкая сеть краеведческих музеев, организаций, кружков, превышающая по масштабам дореволюционный уровень более чем в десять раз. Эта массовая система имела свой централизованный

руководящий орган – Центральное бюро краеведения. И тут большевики усмотрели в сложившейся системе краеведения угрозу в качестве организованной идеологической силы. Действительно, краеведение оказывает определенное влияние на формирование патриотизма и культурно-исторических предпочтений, а через это имеет в обществе политическое влияние. В конце 20-х – начале 30-х годов большевики стали опасаться этого влияния и провели большую «профилактическую работу» – подвергли краеведов тотальным репрессиям. В результате краеведение в СССР в сложившемся виде было полностью разгромлено [7].

В последующие годы краеведение – обезглавленное, обескровленное и запуганное репрессиями – существовало исключительно в отведенных ему официальных рамках: в музеях и обществах любителей истории родного края под строгим контролем партийного аппарата. Культурно-исторический патриотизм вроде бы поддерживался и даже насаждался властью, но весьма однобоко, как патриотизм исключительно советский: прославлялась новая, пролетарская, культура и воспевалась новая, светлая, страница истории, а прошлое культурное наследие пользовалось весьма ограниченным вниманием, как продукт и наследие эксплуататорских классов. Отчасти это разбавлялось почитанием произведений искусства, изобретений и научных достижений дореволюционной эпохи, но в основном считалось, что все лучшее и достойное уважения появилось на свет после революции.

Однако общество, будучи живым организмом, изменяется и развивается даже при тоталитарной власти. Постепенный, плавный, хотя и неравномерный подъем культурного патриотизма стал происходить в 60–70-е годы XX столетия по мере «раскрепощения» общественных отношений и общего социокультурного развития.

Более интенсивный, бурный подъем культурного патриотизма произошел во второй половине 80-х годов: ситуация стала кардинально меняться в связи с ослаблением партийного и идеологического давления на общество. Возникли и стали укрепляться два направления общественных движений: одно (антисоветчики, диссиденты) деструктивное, разрушительное по своему содержанию; другое – духовно скрепляющее общество, создающее для него опору на историческую память, высокие достижения культуры. Протестные настроения хотя и носили по большей части пассивный характер, но энергично вызревали, развивались, расширяли сферу своего распространения, обретали большую внутреннюю силу.

При всей видимой противоположности этих двух социокультурных явлений у них имелось определенное генетическое родство. Культурный патриотизм, обращенный в досоциалистическое прошлое Отечества, отчасти также был одной из форм духовного протеста (или мягче – несогласия): если раньше было нельзя, то сейчас мы именно так и будем делать. Но с другой стороны и в еще большей степени это определялось результатами духовного развития советского общества, которое было очень сильным и происходило, несмотря на партийное руководство обществом, а во многом и благодаря влиянию этого руководства (клубы по интересам, научно-просветительская работа). Существенным стимулом роста культурного патриотизма, а также религиозного сознания, было с широкомасштабное празднование 1000-летия крещения Руси в 1988 году.

На этом фоне проявился интересный социокультурный феномен, состоящий в том, что в конце 80-х и в 90-е годы прошлого века возникло и выпускалось много периодических и повторяющихся изданий культурно-исторического характера. Феномен этот свидетельствовал о важности осознания того, что, по выражению В.В. Путина, «культура – главная объединяющая субстанция нации» [6], и явился материализацией такого видения общественной обстановки того времени.

Развитие социокультурной и духовной сфер общества, как, видимо, и всякое развитие, происходит неравномерно. В периоды стабильности и устойчивости формы духовной жизни становятся как бы чем-то самодовлеющим и скрывают внутреннюю жизнь и борьбу сущностных, содержательных моментов, в тень уходят вариантность, разнообразие, изменчивость. Другое дело переходные и тем более переломные периоды. Эти своеобразные «изломы» общества при внимательном их рассмотрении дают возможность лучше понять содержание, движущие силы, цели и тенденции общественных процессов. При смене форм общественных явлений это содержание открывается более ясно и отчетливо. К числу таких переломных периодов для нашей страны, несомненно, относятся последние два десятилетия XX века.

В этот период в общественной и духовной жизни Отечества происходили очень важные переходные социокультурные процессы и проявился целый ряд новых явлений и тенденций: произошло уменьшение идеологического давления на общество, началось возрождение религиозного и национального самосознания, причем не только в узкоэтническом виде, как например, в Грузии, а еще и в глубинном, цивилизационном.

Среди периодических и повторяющихся изданий культурно-исторического направления, возникших в конце прошлого века, прежде всего следует отметить центральные, общероссийские издания:

– «Памятники Отечества», альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Издавался с 1980 по 1997 год;

– «Наше наследие», иллюстрированный культурно-исторический журнал. Издается с 1988 года;

– «Родина», исторический иллюстрированный журнал. Издается с 1989 года;

– «Российский ежегодник ’89» и «Российский ежегодник ’90», альманахи;

– «Отечество», краеведческий альманах. Издавался с 1990 по 2000 год.

Кроме этого, в существовавших и ранее научно-популярных журналах, таких как «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Техника – молодежи», значительно возросло количество материалов культурно-исторического содержания, вплоть до целых тематических номеров [см., напр.: 2].

В этот же период, а также в первое десятилетие текущего века возникло большое количество региональных и местных изданий, например:

– «Уральская старина», литературно-краеведческий альманах. 1994–2008 годы (10 выпусков);

– «Костромская земля», краеведческий альманах Костромского фонда культуры. С 1990 года;

– «Краеведческие записки», Иркутск. 1994–2010 годы;

– «Наша родина – Иваново-Вознесенск», Ивановский областной ежемесячный исторический журнал. 2006–2010 годы;

– «Отечество», краеведческий альманах. Калининград, 2003–2009 годы.

По имеющимся данным, с 1988 года по настоящее время было зарегистрировано и издавалось более 330 изданий культурно-исторического, краеведческого направления [3].

Такой подъем публикационной активности явился одним из следствий новых возможностей и свобод, возникших в рассматриваемый период. И очень важно, что он стал проявлением патриотических устремлений, по крайней мере, части отечественной интеллигенции, так как содержание публикаций имело огромное познавательное и воспитательное значение, формировало уважение и любовь к отечественной истории и культуре, восприятие их как бесценного наследия, которое надо не только сохранять и оберегать, но и использовать для развития общества на его основе.

В обсуждаемых изданиях и их публикациях можно заметить некоторые отличия от основного потока краеведения, который является как бы информационной археологией – накоплением фактов и артефактов. Здесь культурно-исторической тематике дополнительно стали присущи еще и некоторые эмоциональные (гордость) и сущностные стержни, доминанты. Хотя, наверное, и это можно считать некоторой разновидностью краеведения. Во всяком случае, духовная основа одна: любовь к Отечеству и его части – своей малой родине.

Справедливости ради надо отметить, что в последние десятилетия XX века публикационная активность резко выросла и в других сферах: например, в критике, порой очень жесткой, многих явлений истории и культуры Отечества, в первую очередь социалистического периода. Это тоже интересное явление, достойное, по-видимому, специального изучении и оценки.

Анализируя рассматриваемый феномен, следует особо выделить роль центральных изданий и их важное отличие от региональных. Последние выросли практически естественным путем на почве краеведения, издавна культивируемого в среде российской интеллигенции и еще «теплившегося» на региональном и местном уровне. Здесь проявились только заметный подъем «духовного статуса» и использование новых возможностей. Центральные же издания – это в некотором смысле качественно новое явление в российском (советском) обществе, по крайней мере, с дореволюционных времен. Для них была характерна очень большая географическая и временна́я широта охвата практически всего культурно-исторического пространства России (СССР).

В подъеме культурно-исторического патриотизма проявилось наличие нескольких важных обстоятельств. Это реальная, законная возможность для работы общественных организаций и объединений такой направленности и для публикации соответствующих материалов. (Такая возможность появилась во второй половине 80-х годов). Это наличие энтузиастов и подвижников, готовых самоотверженно взяться за общественно важное дело и отчасти забыть о том, как жестоко была разгромлена общегосударственная система краеведения в 30-е годы. Наконец, это наличие материальных возможностей (финансирования, бумаги). В последние два десятилетия XX века эти проблемы хотя и с трудом, но решались энтузиастами через институты власти, общественные организации и благотворительную поддержку частных лиц. Находились не только частные спонсоры, но и органы власти и общественные организации, бравшие под свое крыло издания культурно-патриотического направления.

Понятно, что новые явления в жизни общества возникают тогда, когда это становится «можно» после длительного периода «нельзя». Но ведь для того чтобы возможное стало действительным, требуется, чтобы это кому-то было «нужно». Поэтому отметим, что потребность внимательного изучения, осознания и наследования культурных достижений предков сохранялась у многих представителей отечественной интеллигенции как духовная потребность (наряду с религиозностью, в тесной связи с ней как по содержанию, так и по форме).

В связи с обсуждаемыми изданиями очень интересен и тот факт, что исторические обстоятельства появления этих изданий обнаруживают тесную связь с деятельностью подвижников и патриотов России: академика Игоря Васильевича Петрянова-Соколова («Памятники Отечества», академика Дмитрия Сергеевича Лихачева («Наше наследие»), журналиста Владимира Петровича Долматова («Родина»), искусствоведа, литературоведа Юрия Александровича Бычкова («Российский ежегодник»), журналиста, краеведа Алексея Сергеевича Попова («Отечество»).

В регионах же практически каждое из изданий – результат маленького подвига. И в столицах, и на периферии находились подвижники, которые сыграли огромную роль в поддержании и формировании культурно-исторической памяти нашего народа.

Судьбы рассматриваемых изданий также очень поучительны. Многие из них закрыты в конце 2000-х годов или даже ранее. Альманах «Памятники Отечества», например, прекратил свое существование вскоре после смерти его основателя и бессменного редактора академика И.В. Петрянова-Соколова. Огромную разрушающую роль сыграли кризисные экономические явления.

Одной из общих и глубоких причин прекращения выпуска изданий культурно-исторического направления можно считать проявления глобализации: индивидуальные сознания замыкаются на проблемах, связанных с развивающимся культом благосостояния. Патриотизм становится «немодным». В связи с этим, с одной стороны, угасает интерес к культурно-исторической тематике, а с другой – любые печатные издания (книги, журналы) становятся все более дорогим удовольствием. Кроме того, современные информационные технологии (Интернет, электронные книги, мобильная связь) в узкоутилитарном плане значительно более выгодны и эффективны, что делает использование бумажной литературы малопривлекательным.

Особое обстоятельство имело место в деятельности региональных и местных изданий: исчерпание региональной и местной культурно-

исторической тематики. Впрочем, тематическое исчерпание или неисчерпание связано также с тем, как издатель определяет для себя пространственно-временные и духовные границы, грани исследуемой тематики. До настоящего времени продолжают выходить не более десятой части региональных и местных изданий из числа зарегистрированных в последние три десятилетия. Практически все они финансируются органами власти и бюджетными организациями.

Таким образом, мы наблюдаем затухание культурно-патриотического движения в духовной жизни российского общества. Оно (затухание) является следствием и одним из проявлений разносторонних и масштабных процессов *цивилизационной деградации*, происходящих в нашем обществе в тесной связи с социальными изменениями [1]. Указанное затухание в определённой степени является также отражением развития, видоизменения форм духовных проявлений в современном обществе. В силу этого, с учетом реалий современного периода, очень важно находить возможности для продолжения исторических исследований и публикаций социокультурной направленности, имеющих очень большое патриотическое значение. Эти исследования и публикации являются скрепляющим материалом для сохранения и дальнейшего формирования нашего российского цивилизационного самосознания, поддержания и укрепления великого духовного и социокультурного явления – российской цивилизации (культурно-исторического типа, системообразующего фактора, согласно философско-историческому учению Н.Я. Данилевского). Можно сказать, что надо укреплять не национальное самосознание (это «динамит», который может оказаться весьма разрушительным), а цивилизационное самосознание и самотворение.

В настоящее время нужны новые формы представления, популяризации, пропаганды и распространения культурно-исторической информации, включения ее в процессы воспитания и становления подрастающего поколения (например, сайты культурно-исторической направленности), не обязательно с определенной периодичностью публикации материалов.

Культурно-исторический патриотизм актуален как одна из форм и одно из направлений реализации интеллигенцией своей позитивной, укрепляющей общество роли и цивилизационной миссии – очень важного элемента необходимого для выживания и развития России. Как сказал Д.С. Лихачев, «память – это не только сохранение прошлого, но и забота о будущем» [4]. Это очень важно помнить всегда и, наверное, особенно важно – в текущий период истории Отечества, когда, скорее всего, происходит еще один «излом».

Список литературы

1. *Васильев Н.Н.* Трансформация менталитета и жизнеспособность российской цивилизации // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 3. – С. 85–103.

2. Знание – сила. – 1991. – № 2. – 99 с.

3. Краеведческая периодика России. – URL: http://kraeved.lfond.spb.ru/names (дата обращения: 12.11.2017).

4. *Лихачев Д.С.* Любить родной край // Отечество : Краевед. альманах. – М., 1990.– Вып. 1. – URL: http://annales.info/other/ot1_pred.htm (дата обращения 11.10.2017).

5. *Лихачев Д С.* Письма о добром и прекрасном : Письмо сорок первое. Память культуры. – URL: http://капканы-егэ.рф/index.php/knizhnaya-polka/662-d-s-likhachev-pisma-o-dobrom-i-prekrasnom?showall=&start=42 (дата обращения 11.10.2017).

6. Путин: культура – главная объединяющая субстанция нации // Независимая газета. – 2014. – 24 апр. – URL: http://www.ng.ru/politics/2014-04-24/3_president.html (дата обращения: 12.11.2017).

7. *Смирнова Т.* Судьбы репрессированных краеведов / Интервью взяла С. Фадеева. – URL: http://urokiistorii.ru/article/53469 (дата обращения: 12.11.2017).

РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 94:908

Порозов Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и общественных наук

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: krauze@pspu.ru

ПЕРМСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ А.И. ГЕРЦЕНА В МЕСТНОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Vladimir A. Porozov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'.
614990, Perm, Russia, 24 Sibirskaya Str., e-mail: krauze@pspu.ru

PAGES OF A LIFE OF A.I. HERZEN IN PERM IN LOCAL HISTORICAL-CULTURAL TRADITIONS

Аннотация. В 1835 году в Перми в качестве ссыльного 16 дней провел А.И. Герцен. Это событие длительное время находится под пристальным вниманием местных историков и краеведов, культурологов и журналистов. Компенсируя фактическое замалчивание в столичных исследованиях этого эпизода в жизни и творчестве выдающегося философа, писателя и общественного деятеля, пермская традиция допускает некоторые неточности и в значимости города для самого А.И. Герцена, и в оценке влияния пребывания в нем молодого мыслителя на региональный историко-культурный процесс. Предпринимается попытка объективного подведения некоторых итогов в этом плане.

© Порозов В.А., 2017

Ключевые слова: А.И. Герцен, ссылка, российская провинция, город Пермь, первая половина XIX века, историко-культурологическая традиция.

Abstract. In 1835 in Perm as the exiled 16 days held A.I. Herzen. This event for a long time under steadfast attention of local historians and ethnographers, culture experts and journalists. To compensate for the actual silence in the capital research of this episode in the life and work of eminent philosopher, writer and public figure, the Perm tradition allows for some inaccuracies and the importance of the city for the A.I. Herzen, and to assess the impact of the stay of the young philosopher at the regional historical-cultural process. Attempt an objective review of some results in this respect.

Keywords: A.I. Herzen, reference, Russian province, the city of Perm, the first half of the XIX century, the historical-cultural tradition.

Александр Иванович Герцен (1812–1870) в русской истории и культуре фигура поистине хрестоматийная. Он издавна известен и как писатель, и как философ, и как публицист, и как революционер, общественный деятель, сторонник демократических преобразований в России.

Определенную роль в биографии выдающегося деятеля отечественной истории и культуры сыграл город Пермь. Но, пожалуй, еще бóльшую роль сам Герцен сыграл в истории Перми. Редкая краеведческая книга, освещающая в целом, в очерковом плане, историю города, обходится без упоминания этого имени [5, с. 263; 11, с. 82; 33, с. 68, 94; 34, с. 65; 36, с. 74, 96; 42, с. 42, 52 и др.].

Непродолжительное пребывание в Прикамье в 1835 году «отца» русской революционной эмиграции гипертрофированно разрослось в общественном сознании пермяков до чуть ли не этапного явления в формировании регионального самосознания и местной интеллигенции [38, с. 62]. К отдельным фактам жизни Герцена в Перми постоянно возвращаются местные краеведы и журналисты [4; 6; 9; 10; 20; 22; 25; 28; 44; 49 и др.]. Известным именем еще в 1938 году названа одна из улиц Перми (Дзержинский район, пос. Железнодорожный) [43, с. 80].

Понятно, что это идеализированное восприятие сложилось в советские годы, когда пребыванием в городе выдающегося общественного деятеля революционного направления очень гордились, а прошлое своего края до 1917 года ставили не очень-то высоко, связывая его подлинный расцвет со «светлым коммунистическим будущим». Обращение пермской общественности к данной проблеме приходится как раз на 1960-е годы. Так, в 1937 году газета «Звезда» подготовила к 125-летию со дня рождения выдающегося

общественного и литературного деятеля целую тематическую полосу, но факт пребывания Герцена в Перми в опубликованных материалах даже не упомянут, а Тюфяев однозначно назван лишь вятским губернатором [8].

«Золотой период» «пермского герценоведения» приходится на 1960–1980-е годы: он характеризуется наибольшим количеством содержательных и относительно взвешенных публикаций, несвободных, впрочем, от некоторой идеализации и личности Герцена в этот период его жизни и деятельности, и значимости данных молодым демократом оценок города Перми и пермского общества. Следующим периодом в освещении пребывания выдающегося исторического деятеля в нашем городе можно считать 1990-е – двухтысячные годы, когда на щит в освещении нашего исторического прошлого поднимаются новые герои, ранее восславляемые личности уходят в тень Дягилева, Пастернака и Михаила Романова. Деятельность Герцена в это время освещается только в качестве писательской, причем именно в плане участия в сотворении пермского мифа, который, по мнению многих творцов и попутчиков «пермской культурной революции», важнее факта.

Однако пришло время более взвешенных и объективных оценок. Современный процесс переосмысления начал, по-видимому, известный пермский журналист и краевед В.Ф. Гладышев. В 2011 году он пишет: «Особенно любили раньше цитировать А.И. Герцена, забывая при этом, что “разбуженный декабристами” писатель-демократ прибыл в Пермь в ссылку, но спустя всего несколько дней был переведен в Вятку, так что он и не успел что-либо увидеть и понять» [36, с. 11–13].

А что же цитировали раньше (не всегда точно, надо сказать)? В 1973 году журналист и краевед В.М. Михайлюк приводил [26, с. 21] следующие цитаты из «Былого и дум»:

«В Перми меня привезли прямо к губернатору. У него был большой съезд: в этот день венчали его дочь с каким-то офицером. Он требовал, чтоб я взошел, и я должен был представиться всему пермскому обществу в замаранном дорожном архалуке, в грязи и пыли. Губернатор, потолковав всякий вздор, запретил мне знакомиться с сосланными поляками и велел на днях прийти к нему, говоря, что он тогда сыщет мне занятие в канцелярии».

«Спустя несколько дней я гулял по пустынному бульвару, которым оканчивается в одну сторону Пермь; это было во вторую половину мая; молодой лист развертывался, березы цвели (помнится, вся аллея была березовая) – и никем никого. Провинциалы наши не любят *платонических* гуляний» [13, с. 225, 229].

Поскольку широко известный сегодня дом губернатора стал таковым лишь в 1840-е годы (прежний дворец не сохранился) и даже по Сибирскому тракту Герцен приехал в Пермь отнюдь не из Сибири, а с другого конца города, то большинство краеведов считает бульвар, ставший в дальнейшем Загородным садом, садом Общественного собрания, наконец «парком развлечений» имени Горького, а также поставленную в 1824 году в центре сада ротонду самыми «герценовскими» местами нашего города [48].

В фундаментальной для пермского краеведения книге «Старая Пермь» Е.А. Спешилова приводила, наряду с рассказом о прогулках в саду [40, с. 384], следующую цитату из отрывка «Часов в восемь навестил меня…» [Там же, с. 131]: «Губернатор был настолько великодушен… что не дал мне почувствовать тяжесть моего положения. Он поручил мне дела статистического комитета и оставил в покое» [18, с. 256].

Л.К. Каргопольцева акцентировала внимание [21] на характеристике провинциального общества: «Что это за пошлость — провинциальная жизнь. Когда бог сжалится над этою толпой, которая столько же далека от человека, сколько от птицы? Истинно ужасно видеть, как мелочи, вздоры, сплетни поглощают всю жизнь и иногда существа, которые при иных обстоятельствах были бы людьми, — и быть обязану брать участье во всем этом!» [16, с. 60].

М.Г. Нечаев отмечает словами Герцена, что «власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга» [37, с. 77]. Герцен, кстати, уточняет, что «в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири», «она растет в геометрической прогрессии» [13, с. 236]). Историк же приводит герценовскую характеристику еще одного пермского губернатора – К.Я. Тюфяева: «Аракчеев не мог не полюбить такого человека, как Тюфяев: без высших притязаний, без развлечений, без мнений, человека формально честного, снедаемого честолюбием и ставящего повиновение в первую добродетель людскую… Тюфяев был восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый… Развратный по жизни, грубый по натуре, не терпящий никакого возражения, его влияние было чрезвычайно вредно. Он не брал взяток, хотя состояние себе таки оставил, как оказалось после смерти. Он был строг к подчиненным; без пощады преследовал тех, которые попадались, а чиновники крали больше, чем когда-нибудь» [Там же].

Однако это скорее характеризует государственную систему России того времени в целом, чем специфические реалии пермской жизни. К тому же данная характеристика относится к общению автора с Тюфяевым в Вятке.

В Перми же К.Я. Тюфяев был губернатором с 1824 по 1831 год, и деятельность его пермяки оценивали далеко не однозначно [30, с. 74]. Ну а тюфяевская «охота строить», отмеченная пермскими летописцами, совпадает с деятельностью в Перми архитектора И.И. Свиязева, пребывавшего на посту главного архитектора Уральского горного правления с 1822 по 1832 год – это признанный «золотой век» застройки Перми [41, с. 30–32, 109–110]. И как знать, смог ли бы раскрыться талант архитектора, не совпади он с «охотой строить» губернатора, который, по оценке авторитетнейшего пермского историка XIX века А.А. Дмитриева, солидаризировавшегося с мнением летописца того периода В.А. Прядильщикова, «был на голову выше всех современных ему деловых людей Перми» [31, с. 21].

Необходимо отметить, что вышеназванные публикации вообще избегают анализа приведенных текстов и, солидаризируясь с оценками А.И. Герцена, собственных комментариев не дают. Над элементарным цитированием сумели подняться два автора – корифеи пермского краеведения Борис Никандрович Назаровский и Нина Федоровна Аверина. Их публикации глубоки, концептуальны, а одна из статей Н.Ф. Авериной имеет даже научно-справочный аппарат.

Б.Н. Назаровский поместил свою статью в областной газете «Звезда» 6 апреля 1962 года, в день 150-летия со дня рождения А.И. Герцена [27]. Публикация выделяется как объемом, заняв половину тематической газетной полосы, так и безусловными литературными достоинствами. Статья проблемна, имеет сквозной образ холодного камского ветра, усиленный помещенным здесь же рисунком молодого тогда еще художника Евгения Широкова.

С этим леденящим ветром, дующим из-за реки, в жизнь столичного неженки Александра и приходят жесткие жизненные впечатления, перепеваемые в пермских публикациях. Именно в Перми, по мысли автора статьи, клятва, данная на Воробьевых горах, начинает проходить настоящие испытания. Суровая действительность оказалась поистине неприглядной. Б.Н. Назаровский не щадит Пермь, цитируя описания самых мрачных эпизодов путешествия ссыльного на восток. Это встреча с «толпой людей, двигающейся и влекущейся к одним призракам, по горло в грязи, забывшая всякое достоинство, всякую доблесть; тесные, узкие понятия, грубые, животные желания…» [15, с. 293] – так характеризует Герцен провинциальное общество.

Жизнь города рисуется как обывательская жизнь чиновничества, обрекающая человека на одиночество, мистицизм. Разумеется, упоминаются каторжники, несчастные еврейские мальчики-кантонисты. Вывод

соответствующий: в Перми нет «настоящей жизни». Единственное светлое пятно – общение со ссыльным поляком Цехановичем. Так что вся надежда на «вольный воздух Сибири», вятских крестьян и камских бурлаков. Вопреки многим публикациям и оценкам своего времени, Б.Н. Назаровский подчеркивает: «Совсем недолго пробыл Герцен в Перми. И роль, которую сыграл наш город в его большой жизни, нельзя преувеличивать». Однако, отмечает автор, пермские впечатления отразились в дальнейшем в творчестве писателя. Также можно проследить и воздействие информации из пермского края и контакты с его людьми на протяжении всего жизненного пути.

Что касается сквозной образной системы статьи, то она, по сути, также представляет собой развернутую цитату из «Второй встречи» Герцена: «Холодный, ледяный ветер дул из-за Камы – так дышит Уральский хребет вечным льдом своих вершин, так дышит холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала с неимоверною скоростию множество тяжело нагруженных судов; кое-где двигались запоздалые льдины, поворачиваясь и как бы нехотя следуя течению реки. Порывами ветер наносил обрывки песен бурлаков и их громкие возгласы. Было грустно – я сидел, закутавшись в плащ, на высоком берегу; с противоположной стороны садилось солнце, красное, но холодное. Раны моего сердца были свежи… На дворе становилось холоднее, Кама почернела, барки превратились в каких-то ракообразных животных с огромными ребрами; огонь разложенный на них, казался огненною пастью чудовищ…» [14, с.123–124]. Жаль, с литературной точки зрения, что ветер из-за Камы дует все-таки скорее с Запада, чем из Сибири, и солнце в апреле заходит не совсем там.

На новый уровень «пермское герценоведение» выводит в конце 1970-х годов Н.Ф. Аверина. В статье, опубликованной в 1979 году в журнале «Русская литература», краевед подводит некий итог изучению пермского периода жизни А.И. Герцена столичными исследователями. Итог этот неутешителен: несколько абзацев в «Летописи жизни и творчества», несколько строк в крупных монографиях [см., например: 29; 39; 51]. В своей статье Н.Ф. Аверина решает несколько совершенно конкретных проблем, рассматривая имеющиеся «белые пятна» [7].

Прежде всего это вопрос о сроке пребывания Герцена в Перми. Срок этот в различных публикациях, в том числе и у самого героя исследований, определяется в интервале от 15–20 дней до «около месяца». Н.Ф. Аверина убедительно, анализируя ряд заслуживающих доверия источников, доказывает, что выдающийся демократ и писатель прибыл в Пермь 28 апреля и отбыл

в Вятку 14 мая. Это существенно уточняет академическую хронику жизни и творчества А.И. Герцена, в которой пермская ссылка длится до 16 мая [23, с. 75]. Получается, что Герцен пробыл в Перми 16 дней.

Существенно уточняется и круг пермских знакомых А.И. Герцена. В частности, оспариваются не подвергавшиеся ранее сомнению данные крупнейшего биографа изучаемой личности М.К. Лемке. Считалось, что Герцен в Перми бывал у бабушки известной по опубликованным воспоминаниям Л.П. Шелгуновой, жены известного революционера. В действительности речь может идти о матери Шелгуновой, жене советника Пермского губернского правления Петра Ивановича Михаэлиса, урожденной Евгении Егоровне Афанасьевой. Именно о них Л.П. Шелгунова могла вспоминать с А.И. Герценом в Лондоне. Уточняются также возможный круг знакомых поляков и не всегда верные даты губернаторства Г.К. Селестенника, обремененного пребыванием очередного ссыльного представителя «золотой молодежи».

Еще более объемной и содержательной является статья Н.Ф. Авериной, опубликованная в 1980 году в журнале «Урал» [3]. Автор дает наиболее полный список произведений Герцена, в которых конкретно отразились пермские впечатления. Это автобиографическая повесть «О себе», очерк «Вторая встреча», «Записки одного молодого человека», «Письма о Казани, Перми и Вятке», отрывок «Часов в восемь навестил меня…» и, конечно же, «Былое и думы».

Уточняется круг людей, с которыми общался Александр Герцен в Перми. Это сопровождавшие его камердинер Петр Федорович и жандарм, Е. Васильев, прибывший ранее по поручению отца «монтировать дом» К.И. Зонненберг. Это губернатор Г.К. Селастенник, городничий Ф.И. Вайгель. Герценовская характеристика Селастенника как «человека смирного», «втихомолку» улучшавшего свое состояние, до сих пор является чуть ли не основной в характеристике этого человека [30, с. 78; 31, с. 25]. «Положительные» впечатления связаны с умным и саркастичным доктором Василием Степановичем Чеботаревым – «один человек образованный на 300 верст кругом». Не мог не слышать Герцен и о другом пермском докторе – Федоре Аристарховиче Грале, также упомянутом, хотя и в не очень лестном контексте, в «Былом и думах» как «пользовавшийся большой любовью народа» «старик немец». Пермяки видели черты своих врачей в образах докторов и из других произведений знаменитого писателя. Далее – супруги Михаэлисы с их трехлетней дочерью, будущей Л.П. Шелгуновой.

Наконец, это ссыльные поляки, которых, по впечатлениям Герцена, было «человек сорок». Фактически, не считая членов семей, в Перми их было шесть, в губернии – десять. Среди них были Зелинский, Козловский и Петр Цеханович, с которым Герцен особенно подружился. Встречаться они могли как на прогулках, так и у ксендзов Фомы Куявского и Феофила Зелинского. Последняя встреча с Цехановичем, описанная в «Былом и думах», была на его квартире, хозяином которой был тоже ссыльный, но из Тифлиса – Заан Автиндинов, служивший в канцелярии губернатора. Встретился в Перми Александр Герцен и с Иваном Оболенским, с которым вместе учился в университете, был арестован и заключен в Крутицкие казармах. Тот был родственником председателя уголовной палаты Александра Ивановича Девилье. В романе «Кто виноват?» человек, занимающий эту должность, – сильнейшая голова города, ученый, литератор, философ.

А.И. Герцен возвращался в дальнейшем к нашему городу и краю не только в воспоминаниях. Н.Ф. Аверина предполагает, что герценовские зарубежные издания мог привозить в Пермь из-за границы Д.Д. Смышляев, сосланный с Украины П. Ефименко, петрашевец А. Европеус, которого издатель «Колокола» знал лично. Жена последнего, англичанка, действительно была задержана с этими изданиями на границе. Связи лондонского центра «Земли и воли» с Уралом практически не изучены, но материалы, рассказывающие о темных сторонах местной жизни, появлялись в «Колоколе» постоянно. Регион вообще рассматривался революционной эмиграцией как один из возможных центров вооруженного восстания. Некоторое время связи Герцена с пермяками изучала и пропагандировала Е.Д. Харитонова [46; 47].

Наиболее известна и часто цитируема корреспонденция «Сечение и убийства крестьян в Пермской губернии», примечание к которой было написано редактором лично. Речь шла о подавлении восстания коми-пермяков в 1861–1862 годах, в котором участвовало свыше двух тысяч крестьян Соликамского уезда на территории нынешнего Коми-Пермяцкого округа. Статья оправдывает убийство командира карательного отряда, клеймит пермского губернатора А.Г. Лашкарева – «одного из самых вреднейших губернаторов, безумное самоуправство его переходит далеко общий губернаторский уровень» [17]. Отметившись в истории города положительной деятельностью в области просвещения и благотворительности, «вреднейший» губернатор действительно был безжалостен в подавлении протестных выступлений крестьян, а в общественной и культурной жизни города при нем «наступило затишье» [30, с. 103–106].

Не менее беспощаден как к А.И. Герцену, так и к городу Перми профессор-филолог В.В. Абашев, претендующий, как и возглавляемый им фонд «Юрятин», на лидерство в современном пермском литературоведении. В своей уникальной для российской профессиональной культурологии книге «Пермь как текст» ученый подчеркивает: «Мотив "мертвенной пустоты", выморочности города в письмах и мемуарной прозе А.И. Герцена приобрел инфернальные коннотации. Пермь, где он оказался в 1835 году, воспринималась молодым Герценом сквозь призму дантовской поэмы, чтением которой он в это время был увлечен» [2, с. 91].

Далее – неточно воспроизведенная цитата [Там же, с. 92] из вятского письма к Н.А. Захарьиной: «…Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири, так мрачно и угрюмо» [16, с. 42] – с последующим рассказом о том, что «где-то в Пермской губернии» на рассвете автор проснулся от «множества голосов и сильных звуков железа». Оказалось, что это «толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь». Так в 1830-е годы А.И. Герцен встал у истоков мифа, по которому «толпы» заключенных проходили пешком (!), в кандалах (!), в весеннюю и осеннюю распутицу, в зимние стужи и метели шесть – восемь тысяч километров! Акцент всегда делается на революционерах, хотя большей частью ссыльных всегда были уголовники. Телеги как-то подзабылись, картины дантова ада остались: «…эти ужасные лица, этот ужасный звук, и резкое освещение рассвета, и холодный утренний ветер – все это наполнило таким холодом и ужасом мою душу, что я с трепетом отвернулся – вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь» [Там же]. Всё это так, но если пермякам жить только мифотворчеством, а не реальными фактами, то нам здесь, в краю «зон» и «белого лебедя», давно можно сойти с ума.

Возвращается к этой сцене писатель и в раннем отрывке «Часов в восемь навестил меня…». Здесь все выглядит не менее метафорично: «…Холодный утренний ветер дул со стороны Уральского хребта. Рассветало. Я крепко спал в коляске, как вдруг меня разбудил шум и звук цепей. Открываю глаза – многочисленная партия арестантов, полуобритых, окружила коляску. Башкирец с сплюснутой рожей, с крошечными щелками вместо глаз, нагайкой погонял отсталых. Дети, женщины, седые старики на телегах, и резкий ветер, и утро раннее, – я отвернулся; на дороге стоял столб, на столбе медведь, на медведе евангелие и крест» [18, с. 256].

В.В. Абашев идет дальше. Ведь до этого на подоконниках гостиниц демократ старательно царапал строки, высеченные на вратах ада из «Божественной комедии», начинающиеся с «Per me». Вот вам и Пермь! В ней

специалисты из фонда «Юрятин» на телеги садят лишь стариков, стражник у них с утра без устали хлещет нагайкой бредущих женщин и детей, у стражника этого, впрочем, несколько облагороженный облик «смуглого башкира с плоским лицом и узкими прорезями глаз» [12, с. 113]. Случайные совпадения, надуманные ассоциации, прямые домыслы… Неужели это и есть путь к успеху в современном литературоведении, претендующем на научность?

Не менее метафорично (и мифологично!) восприятие А.И. Герценом самих фактов основания и существования города: «Пермь – странная вещь. Императрица Екатерина однажды закладывала при Иосифе II город и положила первый камень. Иосиф взял другой и сказал: “А я кладу последний”. Смысл обширный. Нет городов, возникших по приказу. Пермь есть присутственное место + несколько домов + несколько семейств; но это не город губернии, не центр, не средоточие чувств целой губернии, решительное отсутствие всякой жизни» [16, с. 44; цит. и пер.: 2, с. 88].

Собрав подобные впечатления ряда побывавших в городе литературных и научных авторитетов XIX века, В.В. Абашев выявляет «устойчивое семантическое ядро, текст, который условно можно назвать “текст Города”»: «Это город, возникший из пустоты усилием государственной воли, город, лишенный собственной органической жизни, незаконно присвоивший себе древнее имя, город, влачащий призрачное существование, город – фикция, фантом, город выморочный, погруженный в мертвенный сон, стоящий на границе бытия» [2, с. 93]. Между тем, жизнь шла, хотя и не столь стремительно и активно, как в столицах. Пермь росла, развивалась, ориентируясь на Каму и Сибирский тракт, расширялась, активно застраиваясь, принимала первых театральных и музыкальных гастролеров. На все это, к сожалению, Герцен не успел или не захотел обратить внимание. Но ведь без малого через двести лет и не в положении обиженного ссыльного можно взглянуть на свой город и его жителей как-то иначе, более объективно.

Правда, восприятию Перми как «текста Города» у Абашева противостоит «текст Земли», но в подобных исследованиях, как и в анализируемых произведениях, последний явно проигрывает, а средоточие этого последнего, вольно или невольно, но почти всегда оказывается в Европе. В качестве одного из основоположников пермского «текста Города» и выводится относительно юный А.И. Герцен, слова доброго о нашем городе не сказавший.

Усилия ученого дают определенные плоды. И вот уже в искавшей новый имидж в 1990-е годы «Вечерней Перми» наряду с традиционным «практическим соприкосновением с жизнью» и рассказом о Цехановиче видим

цитату [50]: «Пермь – город ужасный, просцениум Сибири, холодный, как минералы его рудников…» [16, с. 44]. Следующим шагом из подборки пермских герценовских впечатлений изымается встреча с Цехановичем – событие, которое сам автор считал главным [24]. И даже в научной статье А.В. Фирсовой, определяющей географические символы Перми, используется герценовская характеристика города со словами «ужасный», «холодный» [45, с. 54], что неудивительно, ведь из 16 работ библиграфического списка на четыре первоисточника (в почетном списке – А.С. Пушкин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Б.Л. Пастернак и В.А. Каверин) приходится столько же работ В.В. Абашева.

В день 200-летия со дня рождения А.И. Герцена самая уважаемая пермская газета вместо «традиционной» для советских лет тематической полосы дает подборку информаций о событиях местной культурной жизни, в число которых вошли сообщения о концертах, посвященных 140-летию Сергея Дягилева; встрече с американцем Владиславом Красновым – «истовым радетелем памяти об убиенном в Перми великом князе Михаиле Александровиче Романове»; выходе на сайте Litres.ru романа пермской школьницы с псевдонимом Maya di Sage [52]. О Герцене – ни слова. А ведь годом раньше планировалось проведение целого цикла мероприятий, посвященных значимому юбилею [32]. Большинство из них, включая несостоявшуюся конференцию, остались на бумаге.

Ну а профессор В.В. Абашев, не утруждаясь ссылкой на источники и изучением имеющихся публикаций, собственноручно (опубликован автограф!) увеличил срок пребывания А.И. Герцена в Перми до трех месяцев! Далее следуют «калмык» (?) с нагайкой, образы Данте, изрезанный подоконник, речка Стикс. «Приехали. Пермь» [1]. Сегодняшняя Пермь, добавим мы. Под определенным углом зрения, разумеется. Чуть было в Юрятин не превращенная. А заодно и в культурную столицу Европы. Усилиями авторов сегодняшних публикаций, с их непосредственным участием.

И все же у Герцена в восприятии Перми есть светлые блики. Так, «Былое и думы» содержит на пермских страницах и несколько юмористических эпизодов. Таковы устраиваемые губернатором еженедельные переклички сосланных, на которых автор и перезнакомился со всеми поляками, с которыми ему запрещено было знакомиться при первой же, с дороги, аудиенции. Такова сцена найма квартиры, оказавшейся немаленьким домом, добродушная хозяйка которого поразила москвича не только баснословно низкой ценой, но и предложением «держать свою коровку». Это предложение так поразило

молодого аристократа, что он сообщает об этом и в кратком письме Н.А. Захарьиной, и будет помнить всю жизнь. Кстати, из письма выясняется, что заезжему москвичу по простоте душевной предлагали не только держать корову, но и завести огород. Есть в «пермской» главе знаменитых мемуаров и саркастическое отступление о полицмейстерах из отставных военных, не лишенное-таки доли некого уважения и лиризма. Во «Второй встрече» не без юмора описан отставной флотский капитан, три часа во время званого обеда тиранивший нового человека своими воспоминаниями [13, с. 225–229; 14, с. 126–127; 16, с. 41].

К сказанному Н.Ф. Авериной можно добавить, что Герцена впечатлили рассказы и о трагической смерти объявленного сумасшедшим брата любовницы губернатора Тюфяева Петровской, и о полученных ею пяти тысячах рублей за сомнительную потерю невинности во время приезда в город российского императора, и о пермских чудачествах князя М.М. Долгорукова, «юродства» которого рождала, по мнению автора «Былого и дум», «удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера» [13, с. 240–242]. Рассказы эти, даже будучи полулегендарными, свидетельствуют не о таком уж скучном и унылом существовании российской провинции.

К тому же ссыльный вольнодумец помнит, что Пермь – это преддверие (avant-propos) Сибири, своего рода (sui generis) Америки. Впрочем, Урал как регион из Сибири до начала XX века вообще не выделяли. «…а что такое Сибирь, – вот этой-то страны вы совсем не знаете. Я вдыхал в себя ледяной воздух Уральского хребта; его дыхание холодно, *но свежо и здорово.* Знаете ли, что Сибирь есть совсем новая страна, Америка sui generis, именно потому, что она страна без аристократического происхождения, страна — дочь казака-разбойника, не помнящая родства, страна, в которую являются люди обновленные, закрывающие глаза на всю прошедшую жизнь, которая для них представляет черную тюрьму, цепи, долгую дорогу, а нередко и кнут. Здесь все – сосланные и все равны. В канцелярии какого-нибудь тобольского присутственного места вы увидите столоначальником приказчика, сосланного за воровство, и у него писцом – бывшего надворного советника, сосланного за фальшивый указ, поляка – адъютанта Раморино, и какого-нибудь человека 14 декабря. В обществе там тоже смесь; там никто не пренебрегает ссыльным, потому что не пренебрегает или собою, или своим отцом. А малочисленность способных людей заставляет таким образом учреждать канцелярии. Там весело, там есть просвещение, а главное дело – свежесть, новость. Все, получившее

оседлость в новое время, имеет прогрессивное начало – Пруссия. Сосланных везде много; нет уездного города в Пермской губернии и в Вятской, где бы не было несколько поляков и часть грузинов и русских…» [16, с. 45–46].

С Пермью связаны и глубокие личные переживания. Здесь были сожжены письма Л.В. Пассек («ни искры любви, одно раскаяние» [Там же, с. 51]), здесь, письмом от 29 апреля (другие не сохранились), была продолжена переписка с Н.А. Захарьиной: «Приехавши на место, я только узнал все, что я потерял, расставаясь с Москвою; нет, сколько ни мудри, а разлука – дело ужасное; это замерзшее озеро и немо и холодно. Как живо у меня в памяти твое посещение в Крутицах – и что же это было? – несколько часов в целой громаде времени – и прежде, и после. Да, у нас в жизни только есть несколько минут и светлых и изящных, остальное – что-то земное и грязное. Это фонари, освещающие дорогу, далеко назад блестят они звездочкой. Когда же, сестра, когда же мы увидимся?» [Там же, с. 41]. Впоследствии Герцен даже вспомнит об этом письме к будущей жене как о «первом», а слово *сестра* объяснит соединением «дружбы, любви, кровной связи, общего предания, родной обстановки, привычной неразрывности» [13, с. 333]. Говоря о падении души с высоты до «чувственных наслаждений, и опять разврата следственно» в Вятке, Герцен выводит из этого процесса Пермь, заметив, что там он «не успел оглядеться» [16, с. 58].

Как бы то ни было, Александр Иванович в зрелые годы мемуариста признал, что именно в Перми, «возле Уральского хребта», он вообще начал первое «практическое соприкосновение с жизнью». Здесь, по его собственному выражению, изменилось его общественное положение: «В Перми, в Вятке на меня смотрели совсем иначе, чем в Москве: там я был молодым человеком, жившим в родительском доме, здесь, в этом болоте, я стал на свои ноги, был принимаем за чиновника, хотя и не был вовсе им. Нетрудно было мне догадаться, что без большого труда я мог играть роль светского человека…» [13, с. 333–334]. Здесь Герцен испытал чувство дружбы с первым из поляков – Петром Цехановичем («впоследствии я много видел мучеников польского дела»): «…без этой встречи мне нечего было бы и пожалеть в Перми!» [Там же, с. 231]. Благодаря этой дружбе к «ужасной» характеристике города появилась-таки приписка «но мне было жаль его покинуть» [16, с. 44].

А ведь именно в это время в Перми и пермском крае разворачивалась деятельность таких людей, как, к примеру, Михаил Гавриилович Сведомский (1785–1847) [19]. Начав с низшей должности подканцеляриста в казенной палате, с образованием семинариста, исключительно благодаря своим

способностям он становится советником, а затем управляющим канцелярией пермского губернатора. Проявив исключительную деловую хватку, покупает около 13 тысяч десятин пустопорожней земли в Осинском уезде. Строит там там винокуренный и конный заводы, с которых получает немалую прибыль. Михаил Гавриилович поражал современников своей неукротимой энергией и кипучей деятельностью, объектами которой стали мануфактурный и межевой комитеты, продовольственная комиссия, попечительство о тюрьмах, комитет по пресечению холеры. Будучи членом Русского императорского географического общества, снаряжал экспедиции. Совершенствовал производственный процесс, введя паровую выделку поташа (важного сырья для новых производств), улучшал породы лошадей, организовал первую выставку фабричных, заводских и сельскохозяйственных продуктов. Построил бриг для вывозки солонины в Голландию, отправлял через Архангельск в Америку джин местного производства, для разведения картофеля выписал агронома из Данцига. Основал первую в крае ланкастерскую школу и стал ее смотрителем, так сказать, директором на общественных началах.

Таких людей Герцен в российской провинции не разглядел. Впрочем, и сами они в столичном франте вряд ли видели субъекта, достойного их внимания. В результате на века главным и едва ли не единственным героем становится собирающий гербарии и мечтающий о развале империи поляк.

Пермская глава «Былого и дум» завершается также мрачной картиной в беднейшей деревне «безграмотных вотяков», где А.И. Герцен встречает «ораву» набранных в кантонисты еврейских мальчиков восьми–тринадцати лет, пешим ходом гонимых сначала в Пермь, а потом, *по перемене*, в Казань. «Мрут, как мухи», – рассказывает добряк-офицер. «Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст. Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях с стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без уходу, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу» [13, с. 232, 233]. Далее – по Грибоедову: «Карету мне, карету!»

Таким образом, место Перми в жизни и деятельности А.И. Герцена и роль самого мыслителя и революционера в истории города весьма противоречивы. Первое столкновение с реальной жизнью молодого человека настолько поразило его картинами большого человеческого горя, а также наличием иной, нестоличной, более «простой» жизни, что восприятие выдающимся деятелем нашего региона, будучи важным и интересным, не может быть признано полностью объективным.

В восприятии пермских историков, краеведов и культурологов роль Перми в жизненном, творческом и революционном пути А.И. Герцена следует признать в прошлом несколько преувеличенной. Равно несправедливым является и замалчивание этой роли, допускаемое официальными биографами выдающегося исторического деятеля. Однако не следует в нарисованном известным писателем облике губернского центра излишне сгущать черные краски.

Список литературы

1. *Абашев В.* Пермь как ад: Чтобы изобразить город, ученый Владимир Абашев вызвал дух Александра Герцена // Компаньон magazine. – 2008. – № 9 (27). – С. 132.

2. *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 403 с.

3. *Аверина Н.* Пермские встречи Герцена // Урал. – 1980. – № 2. – С. 164–168.

4. *Аверина Н.* Путевые очерки русских писателей о Перми и Прикамье // В Парме / сост. Н.Ф. Аверина. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – С. 5–32.

5. *Аверина Н.Ф.* Ворота в Сибирь: Краевед. очерк. – Пермь: Кн. изд-во, 2006. – 316 с.

6. *Аверина Н.Ф.* История пермской книги: очерк. Пермь: Кн. изд-во, 1989. – 223 с.

7. *Аверина Н.Ф.* Пермская ссылка Герцена: (По поводу некоторых комментариев) // Русская литература. – 1978. – № 4. – С. 162–165.

8. Александр Иванович Герцен. К 125-летию со дня рождения // Звезда. – 1937. – 6 апр.

9. *Альперович М.* Двадцать дней пермской ссылки// Вечерняя Пермь. – 1970. – 21 янв.

10. А. И. Герцен в Перми // Календарь-справочник Пермской области. 1962 / сост. С. Николаев. – Пермь: Кн. изд-во, 1961. – 199 с.

11. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий ист.-статист. очерк. – Пермь: Электротип. губерн. земства, 1913. – Переизд.: Пермь: Пушка, 1994. – 256 с.

12. В поисках Юрятина: Литературные прогулки по Перми / В. Абашев, Т. Масальцева, А. Фирсова, А. Шестакова; ред. В. Абашев. – Пермь, 2005. – 255 с.

13. *Герцен А.И.* Былое и думы: 1852–1868: Части I–III // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 8. – 518 с.

14. *Герцен А.И.* Вторая встреча // Там же, 1954. – Т. 1. – С. 123–130.

15. *Герцен А.И.* Записки одного молодого человека // Там же. – С. 257–316.

16. *Герцен А.И.* Письма 1832–1838 годов // Там же, 1961. – Т. 21. – 639 с.

17. *Герцен А.И.* Сечение и убийства крестьян в Пермской губернии. <Примечание> // Там же, 1959. – Т. 16. – С. 288.

18. *Герцен А.И.* Часов в восемь навестил меня… // Там же, 1954. – Т. 1. – С. 251–256. – URL: http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/chasov-v-vosem-navestil-menya.htm

19. *Гладышев В.* Сведомские начинаются в Перми // Мы – земляки: Журнал о Пермском крае и его жителях. – 2010. – № 5 (15). – С. 22–25.

20. *Зайцева Е.* «Пермь как… место ссылки» // Мы – земляки: Журнал о Пермском крае и его жителях. – 2010. – № 5 (15). – С. 18–21.

21. *Каргопольцева Л.* После долгой зимы // Молодая гвардия. – 1973. – 20 мая.

22. *Красноперов Д.А.* Литературная память Перми: краеведческие заметки / Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). – Пермь, 2010. 195 с.

23. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: 1812–1850 / ред. тома И.Г. Птушкина. – М.: Наука, 1974. – 612 с.

24. *Мельчакова О.* «…Мое практическое соприкосновение с жизнью началось возле Уральского хребта…»: А.И. Герцен в Перми // Федеральный вестник Прикамья: Информ.-аналит. Журнал. – 2005. – № 8 (20). – С. 36–37.

25. *Мельчакова О.А.* Город мой Пермь глазами знаменитостей и обывателей, предков и современников // Любовь моя, жизнь и работа, – земля моя русская – Пермь!: Материалы юбилейн. конф., посвящ. 285-летию г. Перми / Перм. гор. совет ветеранов. – Пермь, 2008. – С. 13–20.

26. *Михайлюк В.М.* Город мой Пермь. – Пермь: Кн. изд-во, 1973. – 171 с.

27. *Назаровский Б.* На этом берегу // – Звезда. – 1962. – 6 апр.

28. *Николаев С.* А.И. Герцен в Перми // Вечерняя Пермь. – 1975. – 11 янв.

29. *Нович И.С.* Молодой Герцен: Искания, идеи, образы, личность. – М.: Сов. писатель, 1990. – 408 с.

30. Пермские губернаторы / под общ. ред. И.К. Кирьянова, В.В. Мухина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1997. – 215 с.

31. Пермские губернаторы: (из фондов архива) / Гос. архив Перм. обл. – Пермь, 1997. – 75 с.

32. Пермский край примет участие в Годе Герцена // Новый компаньон. – 2011. – 9 авг. – С. 15.

33. Пермь / ред.-сост. М.Г. Гуревич. – Пермь: Кн. изд-во, 1957. – 50 с.

34. Пермь: путеводитель-спр. / ред.-сост. Д.И. Глушков. – Пермь: Кн. изд-во, 1967. – 199 с.

35. Пермь: путеводитель-спр. / сост. Д.И. Глушков. – Пермь: Кн. изд-во, 1970. – 262 с.

36. Пермь: известная и неизведанная: Путеводитель / авт. текста В.Ф. Гладышев. – СПб.: Маматов, 2011. – 143 с.

37. Пермь от основания до наших дней: ист. очерки / под ред. М.Г. Нечаева. – Пермь: Кн. мир, 2000. – 391 с.

38. *Порозов. В.А.* Интеллигенция Прикамья: истоки и пути формирования // Интеллигенция и мир: Рос. междисциплинарный журн. соц.-гуманит. наук / НИИ интеллигентоведения при Иванов. гос. ун-те. – 2015. – № 3. – С. 57–65. – URL: http://ivanovo.ac.ru/media/k2/attachments/IM_2015_3.pdf (дата обращения: 08.10.2017)

39. *Семёнов В.С.* Александр Герцен. М.: Современник, 1989. 384 с.

40. *Спешилова Е.А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723–1917. – Пермь: Курсив, 1999. – 578 с.

41. *Терехин А.С.* Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь: Кн. изд-во, 1980. – 120 с.

42. *Торопов С.А.* Пермь: Путеводитель. – Пермь: Кн. изд-во, 1986. – 159 с.

43. Улицы Перми. – Пермь: Ладонь, 2004. – 208 с.

44. *Усков П.* Когда же уехал Герцен? // Звезда. – 1979. – 9 февр.

45. *Фирсова А.В.* Роль художественной литературы в моделировании географических образов (на примере Перми) // Географический вестник: Науч. журнал Перм. ун-та. – 2015. – № 4 (35). – С. 53–57. – URL: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/764_firsova.pdf (дата обращения: 27.10.2017).

46. *Харитонова Е.* В гостях у Герцена // Вечерняя Пермь – 1976. – 10 авг.

47. *Харитонова Е.* Набат «Колокола» был слышен в Перми // Вечерняя Пермь – 1976. – 9 июля.

48. *Шарц А.* Первая ссылка Искандера: А.И. Герцен в Перми // Уральский следопыт. – 1962. – № 4. – С. 60–61.

49. *Шатров Л.* Вспоминая Пермь // Вечерняя Пермь. 1969. – 24 марта.

50. *Шевцов Ю.* Каждый открывал свою Пермь // Вечерняя Пермь. – 1997. – 31 июля.

51. *Эльсберг Я.Е.* Герцен: Жизнь и творчество. – 4-е изд., доп. – М.: Изд-во худож. лит., 1963. – 731 с.

52. Эхо дня: По сообщениям корреспондентов «Звезды» // Звезда. – 2012. – 6 апр.

УДК 94

Токарев Артём Евгеньевич
студент-магистрант исторического факультета

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, Россия
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: art.rtr@mail.ru

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕЛЯБИНСКА)

Artem E. Tokarev
Student-master of the Faculty of History

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «South Ural State Humanitarian Pedagogical University»
454080, Chelyabinsk, Russia, 69, Lenin's avenue, e-mail: art.rtr@mail.ru

THE HOUSING PROBLEM IN A PROVINCIAL TOWN IN THE 1930-IES (FOR EXAMPLE, CHELYABINSK)

Аннотация. В годы первых пятилеток превращение Челябинска в крупный промышленный центр обострило жилищную проблему. Жилищный кризис начала XX века не был преодолен, напротив, борьба за квадратные метры стала еще более трудной. Советская власть пыталась решить данную проблему, но в условиях форсированного развития страны приоритеты были явно иными.

Ключевые слова: индустриализация, жилищный кризис, уплотнение, жилищная норма, Челябинск.

Abstract. In the first five years the transformation of Chelyabinsk, a major industrial center exacerbated the housing problem. The housing crisis of the early twentieth century was not over, on the contrary, the struggle for square meters has become even more difficult. Soviet authorities tried to solve this problem, but in the conditions of accelerated development of the country priorities were clearly different.

Keywords: industrialization, housing crisis, tight home, housing rate, Chelyabinsk.

© Токарев А.Е., 2017

В декабре 1929 г. И.В. Сталиным был провозглашен лозунг «Пятилетку – в четыре года!». Плановые задания пересматривались и увеличивались, руководство страны твердо намеревалось раз и навсегда покончить с острыми социально-экономическими проблемами и обеспечить победу социализма в отдельно взятой стране. Важной задачей было преодоление жилищного кризиса.

Индустриализация требовала массового притока рабочих рук, людей нужно было куда-то селить. В 1929 г. в Челябинске с жилищным фондом в 277600 кв. м проживало 67675 человек. Получалось 4,1 кв. м на одного человека (м²/чел.). Но уже к 1931 г. эти показатели выросли до 116 900 человек и 370000 кв. м. Результат: 3,1 м²/чел., что много меньше уровня 1924 г. (5,7 м²/чел.) [5]. Государство просто не успевало за темпами роста населения.

Острый жилищный дефицит был следствием ряда проблем. Во-первых, до революции 1917 г. решение данной социальной задачи не входило в круг правительственной политики; во-вторых, новая власть еще не успела выработать собственную концепцию массового жилья. Учитывая сложившиеся обстоятельства, Челябинский горсовет в 1931 г. вложил в жилищное строительство до 108 миллионов рублей с целью расширить жилфонд города к 1933 г. до 1,358 млн м² с доведением норма до 6 м²/чел. [2. Оп. 1. Д. 4. Л. 23]. Однако в 1932 г. удалось реализовать лишь треть планируемого, а в 1933 г. – половину [1. Оп. 5. Д. 1. Л. 12].

Ситуация была критической. Участились случаи сдачи домов раньше срока, без должной подготовки и помимо горсовета, что противоречило постановлению Совнаркома от 23 апреля 1934 г. «Об улучшении жилищного строительства» [Там же. Д. 56. Л. 113]. Стоит отметить, что данная политика была повсеместна, так как в циркулярном распоряжении из Москвы адресатами числились все прокуроры и госстройконтролеры РСФСР [Там же. Л. 114].

Кроме того, велось и самовольное, незаконное строительство. Законное строительство согласовывалось с горсоветом, который выделял кредит и подыскивал участок. Однако зачастую горсовет отвечал отказом, как в примере с коллегией адвокатов, просивших открыть им кредит до 70000 тысяч рублей, в связи с тем что жилищный вопрос стоял довольно остро [Там же. Д. 68. Л. 72]. Но средств на ссуду в горсовете и облисполкоме не оказалось [Там же. Л. 71]. Зато горсовет давал ссуды на ремонт, подчеркивая: «…ссуды оформлять в строго целевом назначении – на ремонт, а не достройку» [Там же. Д. 55. Л. 650]. Видимо, износ уже имеющегося жилфонда представлял куда бóльшую угрозу и риск его потерять был страшнее, чем непостройка нескольких новых домов.

Незаконное строительство было более успешным. Так, в 1934–1935 гг. Управлением УполкомзагСНК по Челябинской области по ул. Кирова, 79 были построены дом на две квартиры и гараж на три машины. Сталинский райсовет, узнав об этом, приписал данные строения на свой баланс. УполкомзагСНК обратился в горсовет с просьбой вернуть и оформить их согласно закону [Там же. Д. 56. Л. 255]. Их вернули [Там же. Л. 98].

Как видно из приведенных примеров, каждая организация занималась строительством жилья для своих работников. Больше всего жилья в период бурной индустриализации требовалось, конечно же, заводам. В отчете за 1937 г. о жилфонде Челябинского электролитного цинкового завода приводятся такие цифры: из общего числа работающих на заводе (1463 человека, включая обслуживающий персонал) постоянной жилплощадью обеспечено 346 человек, или 23,7 %. Кроме того, 591 человек проживал в бараках, причем в бараках каркасного типа с заполнением стен шлаком и соломитом. Несмотря на ежегодный ремонт, бараки приходили в негодность и эксплуатация их становится невозможной [Там же. Д. 44. Л. 154].

Немного иная ситуация была на заводе № 114 Наркомата оборонной промышленности [Там же. Оп. 11. Д. 43. Л. 193]. Постоянным жильем были обеспечены лишь 2,7 % рабочих, временным – 58 %. Надо сказать, что завод обеспечивал жильем не только самого рабочего, но и его семью, если таковая имелась. Об этом мы можем судить по графам «количество живущих в домах постоянного типа / раб. с семьей» и «количество живущих в домах временного типа / раб. с семьей», а также по количеству человек, указанному в этих графах, превышающему общее число рабочих на заводе. Норма на данном заводе колебалась от 5,7 до 6,1 м²/чел., что было действительно хорошим показателем в сравнении с коммунальными домами. Но где жили остальные рабочие этого завода и их семьи?

Совершенно другая ситуация была на титановом заводе: стопроцентная удовлетворенность рабочих и служащих с их семьями жильем постоянного типа с той самой нормой в 9 м²/чел. [Там же. Л. 192], что было рекомендовано Наркомздравом в 1919 г. [4]. Вероятно, устройство на этот завод было большой удачей, а увольнение – большим несчастьем, потому что там, как и в любом другом ведомстве, рабочий становился не собственником, а всего лишь арендатором, который в случае смены места работы должен был освободить квадратные метры. Так мы находим записку бывшему коменданту Челябинского элеватора, где его просят освободить в течение десяти суток занимаемую им жилплощадь, так как он там больше не работает [1. Оп. 5. Д. 67. Л. 225].

Иногда строить самим не получалось или вдруг возникала острая необходимость в нескольких квадратных метрах, тогда ведомства просили друг друга о помощи. Трамвайный трест в одном письме к горсовету просил срочно выделить две–три комнаты по адресу: ул. Кирова, 110. Последний ответил лишь советом строить самим [Там же. Д. 55. Л. 331].

В докладной записке председателю Челябинского горсовета товарищу Биктимирову Ленинский райсовет описывает свое затруднительное положение: «Вновь постройка домов на территории района не ведется… В результате свободного жилфонда в наличии не имеется, имеющийся весь заполнен жильцами, произвести уплотнение жильцов не в состоянии» [Там же. Д. 68. Л. 54]. Директор тракторного завода в докладной записке просит горсовет передать нижний этаж дома, предназначенный для швейного ателье, под жилье. Он также указывает, что из-за отсутствия жилья не может вербовать рабочих, что является постоянной причиной невыполнения планов [Там же. Д 55. Л. 351]. С той же просьбой обращается директор абразивного завода [Там же. Д. 67. Л. 182], но оба получают отказ по причине постановления СНК СССР о том, что нижние этажи домов, строящихся на фронтальных улицах, под жилье, не могут быть использованы [Там же. Л. 181].

У советского руководства была более глобальная цель, чем сиюминутная и локальная помощь нескольким рабочим: оно строило новый мир со своими правилами и порядками. Поэтому житель первого пролетарского государства должен немного потерпеть, прежде чем решатся его проблемы. Но не все понимали такую политику, находились люди, ставившие человека выше государства. Так, товарищ Ромов, директор ликеро-водочного завода, самовольно заселил своих рабочих на первый этаж дома, предоставленный для магазина, и отказался освобождать данное помещение [Там же. Д. 55. Л. 308].

Печальнее всего была ситуация у государственных служащих. Чаще, чем от представителей других ведомств, в архивах горсовета и других учреждений находим записки и прошения от… работников прокуратуры. Прокуроры и следователи вынуждены были жить в квартирах, находящихся на балансе заводов, где «напряжена обстановка с местными рабочими», арендовать углы и комнаты в частных квартирах и домах или же ночевать прямо в здании прокуратуры [Там же. Д. 44. Л. 129; Д. 67. Л. 433].

Коллеги из НКВД смогли лучше понять настроение своего времени, решая проблему жилья вселением в дома «врагов народа» и обменивая их на другие квартиры. Так, например, «опечатав квартиру по ул. Ленина, 72а, сотрудник НКВД спустя некоторое время занял ее, но, поскольку она оказалась

неподходящей, ухитрился сменять ее с гражданином Девяткиным по ул. Цвиллинга, 34» [Там же. Д. 55. Л. 447]. Горжилуправление порицало такую политику и старалось раньше узнать об освободившимся жилье, чтобы вселить «человека с очереди». Это порождало конфликты. Учительницу Токареву райжилуправление вселило в квартиру, освободившуюся в связи с арестом «врагов народа». Через некоторое время ее начали вызывать в НКВД на допросы и «стращать, говоря, что вы нехорошее дело сделали» [Там же. Л. 446].

Кроме муниципализированного учтенного государственного жилфонда к 30-м годам продолжал свое существование частный, демуниципализированный. Владельцы должны были следить за своим жильем, вовремя ремонтировать его, иначе рисковали оказаться на месте гражданина Немелкова, у которого Челябинский горсовет изъял дом «за бесхозяйственное пользование» [Там же. Д. 68. Л. 249].

Собственники имели право сдавать комнаты или углы в аренду, чем пользовались специалисты, которые долгое время оставались без жилья. Однако стоимость такой аренды была очень высока. Советская власть попыталась взять под контроль данную сферу: постановлением СНК СССР от 17 октября 1937 г. было запрещено арендодателям брать со съемщиков свыше 20 % коммунальной ставки. Но постановление не работало, и частные владельцы продолжали сдавать жилье по завышенной цене, понимая, что предлагают дефицитный товар [Там же. Л. 1].

Другим способом не потерять приезжих специалистов было заселение их в гостиницу. Для ведомств это был более выгодный вариант, так как оплата шла задним числом, затягивалась и, как видно из отчета заведующему Челябинским ОБЛФО, превращалась в долг и списывалась [Там же. Д. 67. Л. 316].

Вообще, для Челябинского горсовета приезжие специалисты были настоящей головной болью. В архивных документах мы постоянно натыкаемся на ультиматумы различных ведомств: найти жилье, иначе ценный сотрудник покинет Челябинск. Горсовет отказал народному комиссару здравоохранения, облосавиахиму, педучилищу [Там же. Л. 218; Д. 55. Л. 808, 837], но смог помочь директору Челябинского росмолтреста, технору элеватора, редакции газеты «Челябинский рабочий» [Там же. Д. 55. Л. 321 329; Д. 56, Л. 186]. Эти и другие примеры не укладываются в логическую цепочку, по которой можно точно отследить, какие условия и обстоятельства давали наиболее успешный результат в получении жилья. Челябинский горсовет не боялся отвечать

отказом на просьбы из Москвы, его не пугали ни отъезд специалиста, ни невыполнение планов, что в общей сложности говорит о действительно острой нехватке жилья.

Кроме того, не переставали приходить личные просьбы от граждан, мечтавших решить жилищную проблему напрямую через вышестоящие инстанции. Одни, как товарищ Арфеньев, описывали свои условия («живу с семьей в проходной комнате») [Там же. Д. 68. Л. 182]; другие, как геодезист Мефодьев, жаловались на халатность чиновников («вследствие того, что начальники райжилуправления часто меняются, я до сего времени квартиры не имею») [Там же. Д. 55. Л. 418]; третьи использовали «правильные» знакомства. В докладной записке заместителю председателя горсовета товарищу Шолонкину начальник горжилуправления категорически и в резкой форме отказался выдать некоему товарищу Клепикову квартиру вне очереди [Там же. Л. 745]. Просьба или приказ зампредседателя нами не были найдены, но нет сомнений, что таковые существовали.

К 1936 г. жилищный фонд достиг отметки в 826 тыс. кв. м, что составило 177 % от того же показателя до революции [Там же. Л. 566]. Несмотря на такие впечатляющие цифры, ситуация не улучшилась, поэтому продолжает активно проводиться политика уплотнения. Людей заселяют в проходные комнаты, кухни, комнаты, где уже живут целые семьи. В 1938 г. на собрании домоуправляющих Кировского района было решено выявлять излишнюю жилплощадь не только в коммунальных домах, но и в частном секторе [3. Оп. 1. Д. 6. Л. 1]. И это неудивительно, так как в том же Кировском районе люди продолжали жить в подвалах и на чердаках [1. Оп. 5. Д. 55. Л. 271].

По данным доклада горсовету о капитальном ремонте жилфонда за 1939 г., реальная норма в муниципализированных дома колебалась от 2,4 до 2,6 м²/чел. [Там же. Д. 67, Л. 239], что также объяснимо, поскольку к этому времени население Челябинска возросло до 273 000 человек [5] – почти в 2,5 раза больше того же показателя в начале десятилетия.

В итоге мы можем констатировать, что жилищный кризис в Челябинске в заявленный период преодолен не был, а местами положение даже ухудшилось. Жилищная политика была подчинена иным задачам индустриализации.

Список литературы

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Фонд Р-220. Челябинский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

2. ОГАЧО. – Фонд Р-226. Челябинский городской домовой трест (домтрест) Отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Челябинского городского совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.

3. ОГАЧО. – Фонд Р-1019. Жилищные управления исполнительных комитетов Кировского и Ленинского районных советов депутатов трудящихся г. Челябинска.

4. Краткая история жилищного вопроса // Arzamas : [Электронный ресурс]. – URL: http://arzamas.academy/materials/595 (дата обращения: 10.07.2016).

5. Челябинск // Мой город: Народная энциклопедия городов и районов России: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mojgorod.ru/cheljab_obl/cheljabinsk/index.html (дата обращения: 12.09.2017).

УДК 94

Ершова Эльвира Борисовна
доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
г. Москва, Россия
115191, г. Москва, ул. Введенского, 1а, e-mail: elvira40@inbox.ru

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ 1930-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.

Elvira B. Ershova
Doctor of History, Professor of the Department of humanitarian disciplines

Accredited private educational institution of higher professional education
'Moscow financial and law University MFYUA'
117342, Moscow, Russia, 1a, Vvedensky Str., e-mail: elvira40@inbox.ru

THE REVIVAL OF THE NATIONAL CULTURE OF WESTERN BELARUS IN THE LATE 1930S – EARLY 1940S

Аннотация. Рассматриваются проблемы восстановления и развития белорусской культуры в вернувшихся в 1939 году в состав СССР областях Западной Белоруссии, которые находились после окончания Гражданской войны и интервенции в составе Польши по договору 1920 года. За очень короткий срок в этих областях были открыты школы с изучением белорусского языка, различные учреждения культуры, организованы выступления артистов в городах и селах Западной Белоруссии, созданы отделения Союза писателей, Союза композиторов, театры, хоровые коллективы, Дома народного творчества и т. д. Нападение гитлеровской Германии на СССР в июне 1941 года прервало это движение развития белорусской культуры, продолженное лишь после победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Белоруссия, культура, учреждения культуры, национальные школы, театры, музыкальные коллективы.

© Ершова Э.Б., 2017

Abstract. Deals with the problems of restoration and development of the Belarusian culture in returning in 1939 to the USSR areas of Western Belarus, which was after the Civil war and intervention in the part of Poland under the Treaty of 1920. In a very short time in these areas were open schools with study of Belarusian language, various cultural institutions, organized the performances in the towns and villages of Western Belarus, a branch of the Union of writers, Union of composers, theaters, choral groups, folk arts, etc. the Attack of Nazi Germany on the Soviet Union in June 1941 interrupted the movement of development of the Belarusian culture began only after the victory in the great Patriotic war.

Keywords: Belarus, culture, cultural institutions, national schools, theaters, and musical groups.

Положение Западной Белоруссии в составе Польши было обусловлено Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г., по которому к Польше отошла значительная часть западно-белорусских земель (Гродненская губерния, восточные районы Виленской и западные районы Минской губерний). Польские власти официально называли эту территорию «кресы восточные» (восточные окраины). Здесь проживало около семи миллионов человек, преобладающее большинство которых составляли белорусы.

По договору правительство Польши обязывалось обеспечить белорусскому и украинскому населению право на свободное развитие культуры, языка и отправление религиозных обрядов. Однако с самого начала эти обязательства не выполнялись. К 1939 году почти все белорусские школы были преобразованы в польские, прекратилось издание белорусских газет и журналов, запрещалось употребление белорусского языка в государственных учреждениях и органах местного самоуправления.

Это положение стало меняться в 1939 году, когда в соответствии с дополнительным секретным протоколом, приложенным к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. между СССР и гитлеровской Германией, Западная Белоруссия и Западная Украина были признаны сферой интересов СССР. Эти документы, а также договор о дружбе и границе, подписанный 28 сентября 1939 г., уже в ходе нападения Германии на Польшу, в общем плане объективно восстанавливали национально-территориальную целостность белорусских земель и народа, измененную по условиям Рижского договора 1921 г. после окончания гражданской войны и польской интервенции. Но, поскольку эти договоренности противоречили общепризнанным нормам международного права, документы были скрыты от общественности до конца 1980-х гг., и до сегодняшнего дня нет исследования, в котором объективно

были бы рассмотрены события того времени. Много появилось статей о репрессиях на территории Западной Белоруссии в 1939–1941 гг., но все это рассматривается односторонне, без учета других факторов и событий.

Еще до подписания секретных протоколов в конце сентября 1939 г., когда германские войска подходили к границам Западной Белоруссии, а все жизненно важные центры Польши были уже заняты ими, Красная армия 17 сентября 1939 г. начала свой успешный поход по территориям Западной Белоруссии и Западной Украины. Особых боевых действий там не было, за исключением небольших вооруженных стычек. К 25 сентября бывшие территории Западной Белоруссии Красная Армия заняла полностью. Документы свидетельствуют, что люди встречали красноармейцев хлебом и солью, признавая в них своих освободителей. Народ настолько сам стремился к свободе, что тут же арестовывал и разоружал полицию, избирал местные органы власти по примеру областей в БССР – советские органы. В городах и сельских гминах налаживались работа предприятий, медицинское обслуживание населения, формировалась система образования – шло открытие школ на белорусском языке, запрещенных в буржуазной Польше. 22 октября 1939 г. прошли выборы в Народное собрание Западной Белоруссии. Его задачей было решить вопрос о власти в законодательном порядке. В выборах приняло участие 90,7 процента избирателей. Сразу же, 28–30 октября, Народное собрание приступило к работе. Депутаты приняли по докладу С.О. Притыцкого декларацию об установлении в Западной Белоруссии советской власти и вхождении ее в состав БССР, декларации о конфискации помещичьих земель, национализации банков и крупной промышленности. На присоединенных западных территориях были созданы пять областей: Брестская, Белостокская, Барановичская, Вилейская и Пинская.

В первые же дни после присоединения было организованы выступления творческих коллективов Белоруссии в городах и деревнях западных областей. Так, коллектив Минского театра юного зрителя в составе 80 человек с 18 октября по 28 октября 1939 г. дал 21 спектакль и 16 концертов на избирательных участках и в воинских частях Брест-Литовска. В этот же период по маршруту Лунинец – Кобрин – Пинск выступал Полесский драмтеатр из Гомеля. С постановками «Тевье-молочник» и «Гершеле Острополер» в Гродно, Белостоке, Пинске и Кобрине выступили две бригады Еврейского театра, дав 16 спектаклей. 13 концертов дали симфонический оркестр и хор Белгосфилармонии в Белостоке, Волковыске, Вилейке и Барановичах.

Самодеятельные коллективы из Речицы и Хойников, минских чекистов и железнодорожников составом до 130 человек выступали в Белостоке, Лиде, Волковыске. С 25 октября по 1 ноября 1939 г. из пяти концертов в Белостоке два прошли в воинских частях, один – в Народном собрании, два были даны для населения. Документы свидетельствуют об огромном внимании к проведению культурно-массовых мероприятий среди населения западных областей. Не было ни одного населенного пункта, где бы не выступали тогда либо профессиональные, либо самодеятельные коллективы.

Новые творческие горизонты открыло освобождение Западной Белоруссии перед известным мастером хорового пения Григорием Ширмой. Уже 1 октября 1939 г. Г.Р. Ширма получил мандат на создание профессионального коллектива. Он собрал талантливых исполнителей, в том числе бывших участников виленских хоров, и начал целенаправленную работу с ними в Белостоке. В конце 1940 г. Белорусский ансамбль песни и танца под руководством Г.Р. Ширмы выступил в Минске, а в мае 1941 г. – на Декаде белорусского искусства в Москве, откуда коллектив начал свое концертное турне по Советскому Союзу, от Калинина до Ташкента. Война застала ансамбль в Орле, и с этого времени его уделом стали концерты на фронтах Великой Отечественной войны [3, с. 240–241]

Правительством БССР были приняты решения о создании различных учреждений искусства и культуры. Так, в городе Белостоке было предложено организовать до 10 января 1940 г. областную филармонию с коллективами: симфонический оркестр в составе 45 человек, ансамбль белорусской песни и пляски в составе 50 человек и отделение Белгосэстрады, в Барановичах – ансамбль цыганской песни и пляски, в Гродно – еврейский театр миниатюры и областной хор в составе 35–40 человек, в Бресте – отделение Белгосэстрады.

К этому же сроку должны были быть открыты учебные заведения: музыкальные училища в Бресте, Белостоке, художественное училище в Белостоке, музыкальные школы в городах Бресте, Белостоке, Гродно, Пинске, Барановичах, Вилейке, Лиде, Молодечно, Кобрине, Слониме. Эта работа была поручена Союзу композиторов Белорусской ССР.

Бригада композиторов в составе Аладова, Полонского, Самохина, Подковырова и Лукаса, командированная в Западную Белоруссию, провела собрания и регистрацию музыкальных работников (композиторов, дирижеров, оркестрантов, солистов, инструменталистов и вокалистов) в Белостоке, Гродно, Брест-Литовске и Пинске, объединив более 500 музыкантов и организовав в Белостоке симфонический и духовой оркестры, музыкальную школу,

концертно-эстрадную группу, пять концертных музыкальных ансамблей для кино и ресторанов, устроила на временную работу оркестрантов, ансамбли и концертные группы, добилась выдачи пособий и авансов музыкальным работникам. В Бресте ею были организованы концертные оркестры, музыкальная школа, собраны материалы народных песен; в Пинске созданы музыкальная школа, духовой и симфонический оркестры, оркестр народных инструментов, еврейский хоровой ансамбль, реорганизован хор, выданы авансы, пособия, средства для организации музшколы и оркестров; в Гродно основаны музыкальная школа, концертный и духовой оркестры, проведена запись народных песен для дальнейшей творческой работы и т. д. [1. Д. 256. Л. 148].

Во всех местечках, городах и городках повсеместно создавались коллективы художественной самодеятельности, в Белостоке – центре Западных областей БССР – был открыт Дом народного творчества. Всего в городах и деревнях Западной Белоруссии в эти предвоенные годы работали пять областных драматических театров, 100 кинотеатров, 92 Дома культуры, 220 библиотек. До 1 февраля 1940 г. были созданы областные драматические театры: в Белостоке – на белорусском и польском языках; в Бресте – два облдрамтеатра на русском и еврейском языке; в Гродно – белорусский облдрамтеатр и областной театр кукол; в Пинск был переведен Заславский белорусский колхозно-совхозный театр, реорганизованный в облдрамтеатр; в Барановичи переведен Рогачевский белорусский колхозно-совхозный театр, так же ставший областным драматическим театром.

Управлению по делам искусств при СНК БССР было предложено создать при Белгосконсерватории группу для обучения талантливой молодежи западных областей БССР с контингентом в 30–40 человек. В области изобразительного искусства предлагалось привлечь творческие кадры художников западных областей к работе над выставками, провести конкурс на создание памятников, посвященных освобождению Западной Белоруссии, памятника героям Красной армии, погибшим в боях за Гродно, создать отделение Белизокомбината в Белостоке, Бресте, создать Дома художников в Белостоке и Бресте.

Местным органам власти – облисполкомам западных областей БССР и Управлению по делам искусств при СНК БССР – было дано поручение взять на учет и организовать охрану художественных ценностей, имеющихся в бывших помещичьих имениях, а наиболее ценные предметы изобразительного искусства, находившиеся в бывших помещичьих имениях,

замках и общественных учреждениях, вывезти в картинную галерею БССР в Минске. В замке бывшего имения Радзивилла в Несвиже было предложено организовать исторический музей, передав его в ведение Управления по делам искусств при СНК БССР.

Среди мероприятий по развертыванию культурно-просветительной работы для оказания помощи художественной самодеятельности планировалась организация областных Домов народного творчества в городах Белостоке, Бресте, Пинске. С целью выявления кадров для учреждений искусств было объявлено проведение в феврале 1940 г. областных олимпиад самодеятельности западных областей БССР.

Безусловно, вся эта организаторская работа не могла разворачиваться без проведения общественно-политической работы среди художественной интеллигенции и ознакомления деятелей культуры и искусства западных областей БССР с творческими принципами советского искусства, после чего должны были состояться учредительные съезды Союзов композиторов, художников, писателей.

Однако деятели культуры с первых дней установления советской власти в Западных областях Белоруссии стали самостоятельно создавать свои союзы, объединения и т. д. В Белостоке были созданы оргбюро писателей Западной Белоруссии и отделение белорусской литературы, во главе которого встал известный в то время писатель Ф. Пестрак. По докладной записке председателя правления Союза писателей БССР М. Лынькова в ЦК КП(б)Б, в Западной Белоруссии числилось 76 писателей, из них 22 белоруса, двое русских, пятеро поляков и 47 евреев. Половина писателей – беженцы из внутренней Польши и Вильно (ныне – Вильнюс). М. Лыньков дал характеристику ряду писателей как очень талантливых. В том числе были названы Максим Танк, Филипп Пестрак, Зоя Арсеньева, Эфраим Кагановский и другие. М. Лыньков обращался в ЦК КП(б)Б с просьбой об оказании помощи западнобелорусским писателям в сумме 101 тысяча 900 рублей [1. Д. 115. Л. 269].

Действительно, положение писателей Западной Белоруссии было очень сложным и даже тяжелым. Их произведения почти не публиковались в буржуазной Польше, трудным было и материальное положение, а некоторые из писателей, такие как М. Танк, Ф. Пестрак, за свою подпольную коммунистическую деятельность сидели там в тюрьме. Советской властью им была оказана минимальная помощь. При этом их произведения сразу же появились в периодических изданиях Советской Белоруссии [2. Л. 8].

Везде были созданы партийные организации, и сразу же стали проводиться мероприятия по политическому просвещению, идеологизации

сознания трудящихся. В Белостокское отделение писателей приезжали лекторы из Минска и читали лекции о социалистическом реализме, об отношении к классическому наследию, о принципах советской критики, положительном герое в советской литературе и т. д. Работа в Белостокском отделении Союза писателей была поставлена с размахом, с учетом привычных для того времени методов политического воспитания: изучался «Краткий курс истории ВКП(б)», проводились собрания секций поэтов и прозаиков, где устраивали читку новых произведений. Однако специалистов по соцреализму Белостокскому отделению СП БССР явно не хватало, и буквально за несколько месяцев до войны Ф. Пестрак обращался к Александру Фадееву, бывшему в то время председателем Союза писателей СССР, с просьбой о присылке соответствующего лектора, который должен был выехать в Белосток по решению правления ССП СССР в начале июля [Там же. Л. 5]. Но Москва не успела направить лектора в связи с начавшейся войной.

Руководство Белостокского отделения Союза писателей неоднократно обращалось в Москву, в правление Союза писателей СССР, с просьбой о ходатайстве правительства Союза ССР перед германским правительством о возвращении из немецкого плена белорусского поэта М. Василька [Там же. Л. 8]. Советское правительство не слишком торопилось ходатайствовать об освобождении белорусского поэта: были более важные задачи, чем судьба одного человека, да к тому же поэта. Но А. Фадеев в апреле 1941 года сообщал Ф. Пестраку: «…ходатайство нами уже возбуждено. О результатах я вас извещу» [Там же. Л. 3]. Однако вопрос не был доведен до конца. М. Василёк в августе 1941 года бежал из лагеря, стал секретарем Скидальского подпольного антифашистского комитета и печатался в партизанских изданиях под псевдонимом Язеп Гром [см. 4, с. 582].

Невозможно отрицать того, что судьба многих деятелей культуры Западной Белоруссии была трагичной. Сегодня еще не установлено до конца, сколько деятелей культуры Западной Белоруссии было сразу арестовано и выслано в восточные регионы СССР. Тем более удивительно стремление многих деятелей культуры Западной Белоруссии жить в объединенной республике, строить социалистическое общество. И это при том, что присоединение Западной Белоруссии к БССР не принесло ожидаемых результатов, ибо вместо спокойной творческой работы на «благо нового общества» многие деятели Западной Белоруссии попадали под подозрение, обвинялись в национализме и других стереотипных для того времени «грехах». Ряд деятелей культуры был выслан в Сибирь на поселение или прямым этапом в концлагерь.

Чтобы ходатайствовать за такого человека, руководители должны были обладать огромным мужеством. Так, председатель Белостокского отделения Союза писателей Белоруссии Федор Пестрак писал А. Фадееву: «Из Казахстана вернулся польский критик Панский. Он вернулся по специальному разрешению НКВД. Сейчас не имеет никаких средств к существованию. Нужно бы ему как-нибудь помочь специально. Он уже работает литературно, но на первых порах ему нужна небольшая материальная помощь. Знаю, что с этими делами у нас строго теперь и т. д., но ведь в исключительных случаях это можно. А здесь мы имеем случай исключительный. Подумайте, пожалуйста, об этом, тов. Фадеев, и если окажется возможным, то нужно бы что-то сделать» [2. Л. 8]. На эту просьбу А. Фадеев ответил отказом: «У нас нет абсолютно никаких возможностей помочь т. Панскому. Литературный фонд, как Вы знаете, ушел из нашего ведения, и поскольку новое положение о Литфонде не утверждено, Комитет по делам искусств не решится выдать пособие т. Панскому на свой страх и риск» [Там же. Л. 3].

Подобное объяснение А. Фадеева можно было бы принять за правду, если бы над страной не витал страх перед репрессиями. Этот страх был в каждом человеке, и оказать помощь тому, кто уже был в поле зрения НКВД, значило привлечь внимание этой страшной организации к себе, навлечь на себя подозрение в сочувствии к «врагу народа» и т. д. Поэтому подыскивались обтекаемые причины отказа.

Начавшаяся война не позволила продолжить политическое просвещение писателей. Многие из них оказались либо на оккупированной территории, либо в эвакуации. Вал репрессий в сфере культуры в связи с начавшейся войной несколько поутих, ибо перед всеми правительственными и партийными структурами встали другие цели и задачи.

Поступательное движение в деле развития белорусской культуры продолжилось лишь после победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Опись 27.

2. Российский государственный архив литературы и искусства. – Фонд 631. – Опись 6. – Дело 589.

3. *Ершова Э.Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917–1941). – М.: Россия молодая, 1994. – 280 с.

4. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск: Беларус. савец. энц. имя П. Броўкі, 1984. – Т. 1. – 727 с.

УДК 378:37.015

Будник Галина Анатольевна
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет», г. Иваново, Россия
153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, e-mail: budn@inbox.ru

ОПЫТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – 1970-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Galina A. Budnik
Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Ivanovo state power University'
153003, Ivanovo, Russia, 34, Rabfakovskaya Str., e-mail: budn@inbox.ru

EXPERIENCE OF EDUCATIONAL WORK IN HIGHER SCHOOL OF THE CENTRAL DISTRICT OF RUSSIA IN THE MID-1950S AND 1970-IES IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Аннотация. На материалах вузов городов центрального района России рассматривается опыт воспитательной работы со студентами. При этом акцентируется внимание на вопросах общественной самодеятельности и инициативы студентов, опыте организации студенческих строительных отрядов. Имеющийся опыт анализируется с позиций поиска путей совершенствования системы образования, формирования высоких нравственных качеств молодого специалиста.

Ключевые слова: высшие учебные заведения (вузы), студенчество, воспитание, общественная активность, самоуправление, студенческие строительные отряды (ССО), нравственность.

Abstract. On the materials of the universities of the cities of the Central district of Russia considers the experience of educational work with students. While the

© Будник Г.А., 2017

focus is on issues of public initiative and initiatives of students, the experience of organizing student construction brigades. The existing experience is analyzed from the standpoint of finding ways of improving the system of education, formation of high moral qualities of the young specialist.

Keywords: higher education institutions (HEIs), students, education, social activity, self-management, student construction brigades (MTR), morality.

В настоящее время активно обсуждаются особенности образовательного процесса в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) третьего поколения, в основу которого заложен компетентностный подход к обучению и воспитанию студентов. В процессе обучения у молодых людей должны быть сформированы профессиональные и общекультурные компетенции. Профессиональные компетенции нацелены на овладение молодыми людьми основами будущей профессии, а общекультурные – на формирование у студентов осознания значимости гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; готовности принять нравственные обязанности по отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе; способности к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм, уважения к людям, толерантности к другой культуре и т. д.

В связи с этим в качестве непреходящей ценности по-прежнему может рассматриваться опыт организации внеучебной воспитательной работы в вузах Центрального района России в 1950–1970-е годы, так как в настоящее время, в постсоветский период истории нашего государства, необходимо выработать наиболее эффективные алгоритмы воспитательной работы с учетом позитивного опыта прошлых лет.

В высших учебных заведениях Центрального района страны в середине 1950-х – 1970-е годы существовала отлаженная система трудового воспитания, формирования активной жизненной позиции, приобщения к достижениям российской и мировой культуры. Важным средством включения студентов в общественную жизнь институтов, развития у них организаторских способностей была их работа в комсомольской организации, столетний юбилей которой мы будем отмечать в 2018 году.

Студенты не мыслили себя без общественной деятельности, организации полезных дел. По воспоминаниям участника Великой Отечественной войны, студента Тульского политехнического института В.А. Пастухова, студенты

к общественной работе подходили очень серьезно. Она была для них «также первостепенна и архиважна, как и учеба». «Что отличало стиль работы комсомола? Творческий поиск новых форм работы, – вспоминал В.А. Пастухов. – Например, никак не ладилось с художественной самодеятельностью, не могли придумать что-то свое, изюминки. И вот Семен Галкин (председатель профкома) и Владимир Литвицкий (секретарь комсомольской организации) закрутили оперетту. Это обернулось целой эпохой и, словно пароль, вспоминается не одному поколению политехников» [5. 1978. 28 окт.].

В одной из статей многотиражной газеты этого же института приводятся ответы студентов на вопрос: «Что дала тебе, чему научила твоя комсомольская организация?» Типичными ответами были следующие: «Благодаря участию в жизни комсомольской организации я научилась чувствовать себя полноправным членом коллектива»; «Постиг науку человеческого общения»; «Научился принципиальности, отстаиванию своей позиции»; «Комсомол – это чувство локтя, это надежные товарищи» [Там же]. Интервью было опубликовано в газете накануне Дня рождения комсомола и поэтому носило парадный характер, однако мысли, высказанные в нем, соответствовали мироощущению многих студентов. Это подтверждается как архивными документами, так и воспоминаниями современников.

К сожалению, деятельность комсомола находилась под постоянным контролем партийных организаций, которые зачастую «пресекали» выходившую за рамки «дозволенного» деятельность молодежи. Об этом свидетельствуют, например, планы комсомольской работы, утверждаемые на заседаниях партийных бюро. Для усиления участия молодежи в общественно-политической жизни стали практиковаться такие формы работы, как партийно-комсомольские собрания, партийно-профсоюзные активы, профсоюзно-комсомольские собрания, посещаемость которых была низкой.

В то же время среди комсомольского актива тех лет было много студентов, для которых стремление к общественной деятельности являлось неотъемлемой чертой характера, помогало им в самореализации. Впоследствии из таких студенческих вожаков выросли не только хорошие организаторы, но и видные ученые. Люди, ориентированные на личную жизнь, на собственное благополучие, на комсомольской или другой общественной работе надолго не задерживались, так как она отнимала много сил и личного времени. Поэтому в работе первичных комсомольских и партийных организаций в большинстве своем участвовали истинные энтузиасты, имеющие к ней склонность. Это был один из путей формирования у студентов столь необходимой для интеллигенции активной жизненной позиции.

Комитеты комсомола многих вузов выступали и инициаторами общественно значимых дел, и организаторами их претворения в жизнь. Так, например, комитет ВЛКСМ Рязанского радиотехнического института открыл в 1972 году на базе столовой студенческое кафе «Алые паруса». Студенты провели ремонт помещения и оформили его по своим эскизам. Студенческое кафе проработало 20 лет, дважды в неделю собирая студентов [11, с. 210]. По инициативе комитета комсомола Ярославского педагогического института в 1956 году были созданы «Клуб девушек» и «Молодежный университет культуры» [4. Оп. 227. Д. 649. Л. 30]. В Муромском педагогическом институте хорошо работали клубы любителей музыки и кино [9. 1964. 25 сент.]. Когда интересы молодежи и администрации вузов совпадали, эффективность организаторской деятельности студентов была наиболее весомой. По инициативе выпускников Ивановского медицинского института в 1959 году был заложен сад. Созданная в 1959 году в Ивановском химико-технологическом институте киностудия за два года выпустила 14 фильмов, а студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ) Ивановского медицинского института был долгие годы популярен не только в этом вузе, но и в городе, и даже за его пределами [1. Оп. 9. Д. 219. Л. 59, 87].

Анализ архивных документов свидетельствует, что у студентов высших учебных заведений Центрального района России было развито чувство коллективизма. Это очень важно, так как, по данным психологии и педагогики, развитие человека происходит только в процессе коллективной деятельности, основанной на общении [8, с. 409]. Известный английский философ и культуролог А. Дж. Тойнби так обозначил роль коллектива в развитии личности: «Человек становится Человеком в коллективе», где «включается механизм, активизирующий внутренние потенции человека» [13, с. 261]. Действительно, в процессе общественно полезного труда у студентов формируются отношения со сверстниками и преподавателями. Осознанное и отзывчивое отношение к окружающим способствует формированию у студентов такого качества, как гуманность. Она раскрывается в проявлении доброжелательности и дружелюбия, готовности прийти на помощь другому человеку, внимании к нему, способности к сочувствию, толерантности – терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению.

В середине 1950-х – 1970-е годы воспитание гуманности осуществлялось в многообразных видах деятельности. Проводились изучение достижений отечественной культуры, дискуссии по проблемам добра и зла, социальной справедливости и несправедливости. Участие в кружках художественной

самодеятельности, посещение музеев и театров расширяло культурный кругозор и формировало у юношей и девушек чувства патриотизма, гордости за славное прошлое своей страны, ее культуры.

Позитивно можно оценить передачу комитетам ВЛКСМ вузов ряда функций администрации, в частности, студенческого самоуправления. Самоуправление – это особая форма самостоятельной деятельности студенчества по реализации функций управления жизнью студенческих коллективов. Оно проявлялось в привлечении студентов в состав административных органов: ученые советы факультетов и институтов, стипендиальные комиссии. В вузах региона исследования были созданы такие общественные объединения, как ученические советы, советы по самообслуживанию и организации научно-исследовательской работы. В Тульском механическом институте, к примеру, с конца 1950-х годов на каждом факультете работали учебные комиссии, которые на своих заседаниях заслушивали вопросы нарушения студентами дисциплины. Иногда комиссия ходатайствовала перед деканатом о наложении на таких студентов административных взысканий. За прогулы студент мог быть снят на полмесяца или месяц со стипендии. Учебные комитеты, созданные при деканатах, информировали родителей о плохой успеваемости и пропусках занятий нерадивыми студентами. Очень часто такая форма воздействия давала хорошие результаты [6. 1958. 4 янв.].

В Тульском механическом институте, как и в других институтах, в конце 1950-х – 1960-е годы в общежитии работал студенческий совет. Он состоял из нескольких секторов. Культурно-массовый сектор организовывал в общежитии диспуты, встречи с преподавателями, бытовой – проверял санитарное состояние комнат. С 1958 года это общежитие перешло на самообслуживание [Там же. 17 нояб.]. В целом можно констатировать, что студенческое самоуправление было реальным фактом студенческой жизни.

Знаковым явлением были студенческие строительные отряды (ССО). Работая в них, студенты получали практический опыт коллективного труда. Это способствовало формированию у них уверенности в себе, гордости за дела своих сокурсников, самостоятельности, товарищества, коллективизма, честности. Играли роль и исторические традиции России: со школьной скамьи юношам и девушкам прививались уважение к людям труда, оценка человека не по национальной принадлежности, а по деловым качествам. Это формировало у представителей молодого поколения стремление быть похожими на своих земляков – героев войны и труда. В выступлениях

на комсомольских собраниях многие студенты говорили о гордости за родной край, желании продолжить традиции своих родителей, романтических мечтах, связанных с участием в важнейших делах страны [7. 1959. 20 нояб.; 15. 1957. 21 сент.].

Во второй половине 1950-х годов широкое распространение получило движение по освоению целинных и залежных земель. Начало учебного года для студентов устанавливалось с 1 октября, работа на уборке урожая засчитывалась как производственная практика [2. Оп. 9. Д. 63. Л. 114]. Однако причиной успешного комплектования отрядов добровольцев в Казахстан были не столько льготы, предоставляемые правительством студентам – участникам уборки урожая, сколько искреннее желание молодых людей внести свой вклад в важное для страны дело. Конечно, не все студенты стремились в каникулы вместо отдыха трудиться вдали от дома. Однако общей тенденцией был высокий патриотический и трудовой подъем.

Безусловно, работа на уборке урожая в целинных районах страны являлась хорошей школой трудового воспитания, формирования навыков управленческой деятельности, коллективизма. Здесь приобретались друзья на всю жизнь, формировались трудолюбие, выдержка, коллективизм. Отношение студентов к труду ярко выражалось в их поэтическом творчестве. Так, студент Тульского механического института В. Лазарев в стихотворении «Рождение праздника» писал [6. 1958. 5 апр.]:

Иду домой,
окончена работа.
Перед глазами – колыханье спин.
И радость возникает отчего-то
Без всяких неожиданных причин,
Что я идущих очень многих знаю,
Что бьют лучи, слепя,
Что тяжело ступаю, как хозяин,
И гнется потемневшая земля.
Иду,
а тень почтительно сторонится.
И так светло в душе –
хоть сам свети,
Как будто нынче
крохотное солнце
Ликующе зажглось в моей груди.
Я свой здесь, свой –
Я не могу
ни петь,

ни говорить,
Но хочется мне всех,
идущих рядом,
Теплом
и добрым светом озарить!

В этих непрофессиональных поэтических строках присутствует дух времени, любовь молодого человека к труду, гордость приобщения к трудовому коллективу, позиция хозяина на земле, оптимизм. Подобные мысли выражены в стихотворениях студентов этого же института, прославляющих героизм врача, который, рискуя жизнью, сквозь бурю идет спасать больного ребенка, самоотверженный труд строителей Комсомольска-на-Амуре [Там же].

В 1970-х годах ССО стали основной формой трудовой деятельности студентов в летний период. Молодежь работала на объектах народного хозяйства как всесоюзного, так и местного значения. Во время трудового семестра кроме работы много внимания уделялось культурно-просветительной деятельности среди населения. Так, студенты Тульского политехнического института в 1968 году в Казахстане не только выполнили строительные работы на сумму 1 млн 400 тыс. рублей, но и прочитали более 400 лекций, дали 350 концертов [5. 1969. 4 янв.]. Трудовой героизм поощрялся. Например, 90 процентов студентов Тульского механического института, принимавших участие в уборке целинного урожая, были награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ Казахстана, Павлодарского обкома ВЛКСМ [6. 1956. 29 сент.]. Студенческие строительные отряды работали и на стройках своего региона. В 18 районах Рязанской области в 1967 году на строительстве пяти школ, пяти клубов, четырех жилых домов, пяти бань и 70 производственных помещений трудилось 70 ССО общей численностью 2 045 человек. Кроме того, 65 студентов-медиков выезжали в села для амбулаторного приема больных [3. Оп. 10. Д. 73. Л. 44].

Некоторые авторы исследований склонны связывать зарождение трудовых семестров с экономическими трудностями общегосударственного характера, нехваткой трудовых ресурсов, партийно-комсомольским диктатом и т. п. Другие – считают, что это явление возникло и развивалось не по приказу сверху, а как патриотическая инициатива студенчества [14, с. 19]. По-видимому, в стройотрядовском движении соединились и инициатива молодежи, и установки органов государственной власти по сближению физического и умственного труда, привитию студентам навыков производственной деятельности, формированию трудолюбия, коллективизма, взаимопомощи, товарищества.

Как известно, формирование характера происходит главным образом в деятельности. Поэтому работа в третьем трудовом семестре выполняла важную воспитательную функцию. Помимо этого, студенты оказывали реальную помощь народному хозяйству страны. Конечно, определенную роль играло и материальное вознаграждение. Заработанные честным, тяжелым трудом деньги не только способствовали взрослению молодого человека, но и были для многих реальной финансовой поддержкой.

Результатом сформированного в студенческие годы добросовестного отношения к труду, стремления проявить себя в профессиональной деятельности становилось отношение выпускников к распределению. Отказы ехать в отдаленные районы страны были единичны и вызывали всеобщее осуждение. Большинство студентов воспринимало свою будущую работу как возможность служения народу, что соответствовало традициям российской интеллигенции. Так, выпускница Белгородского педагогического института 1968 года Т. Выровская, направляемая на работу в Якутскую среднюю школу, на вопрос корреспондента ответила, что настроение у нее отличное, так как она давно хотела работать в Сибири. Опасение у нее вызывало лишь то, как ее встретят на новом месте. За свои знания, полученные в институте, она не боялась, была уверена, что справится с работой. Менее решительно перед поездкой на работу в Дагестан был настроен А. Благодиров. Молодой человек боялся встречи с незнакомыми обычаями, языком, которые могут помешать ему «получить отдачу в работе и, следовательно, удовлетворение» [12. 1968. 31 мая]. Аналогичные мировоззренческие установки имели студенты и других вузов региона исследования.

Итак, внеучебная деятельность способствовала формированию у советского студенчества таких нравственных качеств личности, как гуманизм, справедливость, доброжелательность, терпимость, милосердие; развивала их интеллектуальные способности (профессионализм, компетентность, общую культуру, эрудицию, владение новыми технологиями), коммуникативные навыки (общительность, тактичность, умение вести диалог), эмоционально-волевые качества (работоспособность, настойчивость, выдержку, организованность, ответственность, оптимизм, самообладание). Конечно, было бы утопией считать, что все студенты овладевали ими в равной степени. Это зависело от многих факторов, связанных с образовательной политикой, личными свойствами студентов, особенностями культурной среды в каждом конкретном вузе.

Современные реалии образовательного процесса в высшей школе позволяют заключить, что многие традиции советского образования в настоящее время имеют тенденцию к возрождению. Так, в Ивановском государственном энергетическом университете создан и активно действует Объединенный совет обучающихся, являющийся инициатором проведения многих молодежных конференций, акций и форумов, направленных на развитие студенческой науки, формирование у молодых людей патриотизма, нетерпимости к насилию и террору, приобщение к культурным ценностям и т. д. [10]. Аналогичные органы студенческого самоуправления действуют и в других вузах. Поддержку их деятельности оказывают преподаватели вузов, общественные организации – профсоюзные, спортивные и др. Большую роль в сохранении лучших вузовских традиций играют музеи, библиотеки и ветеранские организации.

К настоящему времени понимание научно-педагогическим сообществом важности воспитательного процесса восстанавливается, при поддержке Правительства РФ вырабатываются методологические и практические подходы к его организации. Проводимые в вузах мероприятия становятся менее политизированными, учитывают разнообразные интересы молодежи. Анализ, обобщение и осмысление опыта советского периода истории нашего государства могут дать новые стимулы к выработке стратегии воспитательной работы.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Фонд П-327. Ивановский обком КПСС.

2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Фонд Р-342. Ивановский обком ВЛКСМ.

3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Фонд П-3. Отдел пропаганды и агитации обкома КПСС.

4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Фонд Р-272. Ярославский обком КПСС.

5. За инженерные кадры: орган парткома, профкомов, комитета ВЛКСМ Тульского политехнического института.

6. За кадры: орган парткома, профкомов, комитета ВЛКСМ Тульского механического института.

7. Калининец: орган парткома, профкомов, комитета ВЛКСМ Калининского педагогического института.

8. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: Наука, 1972. – 212 с.

9. Муромский рабочий: орган Муромского горкома КПСС и городского совета депутатов трудящихся.

10. Объединенный совет обучающихся // Ивановский государственный энергетический университет. – URL: http://student.ispu.ru/ (дата обращения: 04.07.2017).

11. От института к академии: (К 45-летию радиотехнического вуза в Рязани) / Рязан. гос. радиотехн. акад. – Рязань, 1997. – 214 с.

12. Просвещенец: орган парткома, профкомов, комитета ВЛКСМ Белгородского педагогического института.

13. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

14. *Чиж А. Н.* Внеучебная деятельность студентов в теории и истории высшего педагогического образования (1960–1980-е годы): автореф. дис. …д-ра пед. наук. – М.; Луганск, 1999. – 32 с.

15. Юность: орган Владимирского городского комитета ВЛКСМ.

УДК 329.052

Дерябина Екатерина Семеновна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

Пермский филиал ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”», г. Пермь, Россия
614060, Пермь, Студенческая, 38, e-mail: esderyabina@mail.ru

ИСТОРИОГРффИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ekaterina S. Deryabina
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of civil and business law

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«National Research University “Higher School of Economics”» – Perm branch
614060, Perm, Russia, 38, Sibirskaja, e-mail: esderyabina@mail.ru

HISTORIOGRAPHY OF POLITICAL OPPOSITION IN THE CONDITIONS OF PUBLIC TRANSIENTS

Аннотация. Рассматриваются основные этапы изучения политической оппозиции в современной России, выделяются их особенности; обращается внимание на узкое использование большинством исследователей системной методологии в процессе типологии политической оппозиции.

Ключевые слова: оппозиция, системная методология.

Abstract. Examines the major stages of studying of political opposition in contemporary Russia, distinguished their features; attention is drawn to the narrow use of a systems methodology in the process of the typology of political opposition.

Keywords: the opposition, system methodology.

Базисные изменения советской общественной системы, произошедшие в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, объективно повлияли

© Дерябина Е.С., 2017

на формирование иной политической системы и ее институтов. Один из таких институтов – это, безусловно, политическая оппозиция. Актуальным для понимания особенностей политической оппозиции в современной России является обращения к истории ее становления в указанный переходный период.

После событий 1985–1993 годов прошло довольно много времени – изменилась политическая ситуация в стране, расширился круг фондовых источников по политическим партиям и движениям, накопился историографический материал по различным аспектам функционирования политической оппозиции после 1993 года.

Несмотря на перечисленные факторы, названная проблема продолжает быть актуальной, причем не столько с описательной стороны, сколько с методологической. Во-первых, большинство современных исследователей отечественной политической оппозиции в процессе ее типологического анализа стали оперировать некоторыми терминами системной методологии: «системная», «несистемная», «внесистемная» и др. Во-вторых, данные термины стали использоваться и современными российскими политиками. В-третьих, применение указанных терминов зачастую осуществляется без глубинного их осмысления, в результате чего вполне системные оппозиционные силы начинают относиться исследователями и политиками к несистемным, а то и внесистемным. При этом большинство авторов научных статей по проблемам функционирования отечественной политической оппозиции настолько беспринципно использует категории системной методологии, что даже не утруждает себя ссылаться на источники, в которых этот категориальный аппарат был разработан. В-четвертых, проявления переходного (межсистемного) периода в настоящее время в разных областях общественной жизни носят уже фрагментарный характер, являясь в большей степени отголосками, чем его сущностью. В связи с этим появляется более объективная возможность обратиться к анализу особенностей функционирования политической оппозиции в переходной (межсистемной) и стабильной (системной) исторической ситуации на основе категориального аппарата системной методологии.

Главная цель данной статьи – проследить историографию изучения политической оппозиции в 80–90-е годы XX века, а также проанализировать особенности использования категориального аппарата системной методологии в начале XXI века.

Методология изучения политической оппозиции в условиях стабильных и переходных общественных процессов заставляет первоначально обратиться

к историографии данного вопроса. В отечественных науках: исторической и политической проблема политической оппозиции рассматривалась достаточно эволюционно, с середины 80-х годов до 1999 года – преимущественно через призму анализа многопартийной системы в СССР и Российской Федерации. На данном этапе можно выделить три периода в историографии, затрагивающей различные аспекты политической оппозиции:

1. 1985–1991 годы.
2. 1991– 1993 годы.
3. Конец 1993 – 1999 год.

Критериями для такого деления историографического процесса стали:

– качественные изменения в накоплении знаний по предмету исследования;

– особенности взаимодействия различных историографических концепций на фоне бурных политических событий того времени.

Первый период условно можно разделить на три этапа: 1) 1985–1988 годы; 2) 1988 – середина 1990 года; 3) вторая половина 1990-го – 1991 год.

В 1985–1988 годах доминировала официальная историографическая концепция, затрагивающая лишь некоторые причины кризиса идеологии КПСС. На страницах официальных газет («Известия», «Советская Россия», «Правда»), научных и научно-публицистических журналов («Вопросы истории КПСС», «Полис», «Социологические исследования», «Коммунист» и др.) публиковались статьи и материалы круглых столов по проблеме реформирования КПСС.

В 1988 – середине 1990 года с возникновением оппозиционных партий, появляются публикации, освещающие их позиции. Поэтому значительная часть исследований этого периода принадлежит перу не профессиональных историков и политологов, а политических деятелей, в том числе лидеров партий и движений, находящихся в оппозиции КПСС. Данные работы можно рассматривать как историографические источники, так как они содержат оценки политической ситуации, позиций партий, институтов власти в переходный период. Поскольку сами исследователи были современниками и непосредственными участниками анализируемых событий, то к этим историографическим источникам можно относиться и как к источникам историческим. Особенностью данного этапа историографического процесса является рассмотрение проблем оппозиционных политических партий с разных методологических и политических позиций. Можно выделить три историографические концепции: консервативно-охранительную, центристскую и демократическую.

Формирование консервативно-охранительной концепции шло под влиянием деятельности всесоюзного общества «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы», а также платформы инициативного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС и Объединенного фронта трудящихся.

В работах Н. Андреевой, А. Сергеева, В. Тюлькина, М. Попова и других [1; 2; 37; 43] появление оппозиционных КПСС партий рассматривалось как результат предательства верхушки КПСС, при этом обращалось внимание на несоответствие новых политических и общественных формирований советской политической системе.

Центристская историографическая позиция, представленная работами М. Горбачева, А. Яковлева, Р. Косолапова, А. Бутенко и других, развивалась в парадигме «гуманного демократического социализма». Функционирование оппозиции КПСС авторы этих работ считали допустимым в рамках сотрудничества всех сил – от коммунистов до их противников. Поэтому оппозиция рассматривалась не как противопоставление взглядов официально проводимому социально-экономическому курсу со стороны различных политических субъектов, а лишь как возможность выражения иного мнения [11; 12; 13; 54].

Достаточно ярко было выражено демократическое направление в историографии по отмеченной проблеме. В работах Б. Ельцина, А. Собчака, Г. Попова, В. Аксючица, Ю. Афанасьева, М. Астафьева, И. Заславского, В. Новодворской, В. Шостаковского, В. Лысенко, О. Румянцева, Б. Орлова, Л. Убожко и других появление политической оппозиции связывалось с крахом коммунистической идеологии [27; 35; 49; 52; 53]. Наличие оппозиции, по мнению перечисленных авторов, является одним из признаков функционирования демократического политического режима, формированию которого препятствовала КПСС как тоталитарная структура.

Со второй половины 1990-го по 1991 год при сохранении и развитии указанных историографических концепций, в работах по проблемам отечественной партиологии стало больше научного содержания.

В сборниках «Многопартийность и общественные движения. Тенденции и прогноз», «Становление многопартийности в СССР», «Политологические проблемы современности» раскрывался механизм формирования общественных движений и политических партий в бывшем СССР, отмечалась противоречивость между мировоззренческими позициями движений и их стремлением к политической интеграции, указывалось на отсутствие

социально-политической почвы для развития центристских сил и возможное усиление правого и левого радикализма [31]. В указанный историографический период появляется работа А.П. Бутенко, в которой впервые делается попытка комплексного анализа Межрегиональной депутатской группы, оцениваемой исследователем как «первая официальная оппозиция» [7, с. 63].

В 1990 году исследователи обращаются к истокам «неформальной волны» как прообразу будущих оппозиционных политических партий и общественно-политических движений. В ряде статей 1990–1991 годов анализировался процесс перехода власти от КПСС к Советам. Обращалось внимание на сложность этого явления, косвенно затрагивалась проблема отношения КПСС к оппозиционным партиям, рассматривалась роль этих партий в разрушении политической монополии КПСС [48].

В целом последний этап первого периода в отечественной историографии отмечен началом изучения взаимоотношений КПСС и Советов в период перестройки. В статьях Г.Х. Попова, М.Г. Суслова с разных политических позиций рассматриваются теоретические проблемы перехода власти от КПСС к Советам и роль оппозиционных партий в этом процессе [36; 46].

С конца 1991 по 1993 год в историографии рассматриваемого вопроса начинается новый период, в ходе которого продолжали развиваться отмеченные концепции при доминировании демократической. В то же время происходит качественно иное научное осмысление указанной проблематики. Помимо анализа отдельных политических партий и движений, определения их классификационного статуса начинается изучение блоковых объединений. Почти все исследователи стали затрагивать тему генезиса партийной системы. Большое внимание в этот период уделяется проблеме классификации политических партий и движений. Так, авторы сборника под редакцией Г.В. Осипова акцентировали внимание на правомерности использования терминов «правый», «левый» в условиях переходных периодов [45]. Г. Иванов-Смоленский определил классификацию политических партий по идеологическому критерию [21].

З.М. Зотова предложила многоуровневую типологию политических партий и движений на основе следующих критериев: 1) характер доктрин и идеологическая направленность; 2) роль в политической системе общества; 3) цели и задачи, социальная и профессиональная ориентация; 4) географический принцип. Описывая политические партии и общественные движения по их роли в политической системе, З.М. Зотова ввела в отечественную политическую науку понятия «конструктивное оппонирование» и «критическая поддержка» [18].

Важный вклад в изучение многоликого политического спектра посткоммунистической России внесли Б.И. Коваль и В.Б. Павленко, проанализировавшие не только политические партии и движения, но и их политические блоки. Данные авторы выделили основные тенденции в развитии партий после августа 1991 года: либерально-демократическую, государственно-предпринимательскую, коммуно-этатистскую и державно-патриотическую. В рамках характеристики указанных направлений авторами использовались понятия «жесткая оппозиция» (РОС), «радикальная оппозиция» (ДР), «объединенная оппозиция» (ФНС) [34].

В.Н. Березовский характеризовал 1990–1991 годы как время «стихийной многопартийности», в течение которого складывалась «политическая оппозиция по отношению к КПСС как слева, так и справа» [6, с. 19].

На фоне разнообразных критериев классификации и типологии оппозиционного политического спектра России в 1991–1993 годах выделяется статья С. Поршакова, в которой представлены основные типологические подходы в процессе анализа политической оппозиции, соотношение институтов «оппозиция» и «партия», сравнительный материал по европейской и российской оппозиции. В качестве сущностного типологического критерия, лежащего в основе деления оппозиции на «системную» и «внесистемную» (структурную), С. Поршаков предложил «степень соответствия их целей и программных установок краеугольным принципам конституционного строя» [38, с. 36]. Следует отметить, что большинство современных отечественных ученых-политологов абсолютно с ним солидарно. Однако при таком подходе границы системности – внесистемности соотносятся только с границами политической системы, которая является лишь частью общественной системы. Тем не менее, стоит согласиться с автором статьи в оценке отечественной политической оппозиции как несостоявшегося самостоятельного и полноправного института.

М. Ковалевич, напротив, полагает, что «оппозиция существовала и существует при любых режимах», имея в виду любое недовольство властью как на институциональном уровне, так и на уровне политической мысли (Радищев, Герцен, Чернышевский). Что касается оппозиции периода 1991–1993 годов, то М. Ковалевич подразделяет ее на «парламентскую» и «внепарламентскую» [22].

С конца 1991 по осень 1993 года появляются первые публикации отечественных исследователей по отдельным политическим направлениям, продолжаются и попытки их классификации. М.А. Розоренова, исследуя

особенности Российского христианско-демократического движения, оценивала его как «консервативно-охранительное национал-патриотическое» [41]. Х.И. Дупайте и К. Кочеткова анализировали историю становления отечественной социал-демократии, отмечал ее слабость и переход на позиции «социал-либерализма» [15; 25]. В. Соловей, затронув проблему «русского национализма», классифицировал в этом спектре политические партии и движения по степени присутствия в их программах националистических идей [44].

С 1992 года началась дискуссия о политическом центризме вообще и его конкретно-исторических проявлениях. Полемизируя с А.И. Доронченковым и Г.И. Надолишневым, считавшими, что центризм как научное и сугубо политическое понятие не может быть сведен к конкретно-историческому явлению, В.Д. Виноградов, напротив, указывал на возможность существования политического центризма в условиях исторической нестабильности [8].

Обобщая разные точки зрения отечественных историков и политологов по этой проблеме, А.В. Рябов считал, что центризм в России в переходный период носил верхушечный, неинституализированный, аппаратно-бюрократический характер. Поэтому, по его мнению, можно было лишь говорить о «центризме ожиданий» как политико-психологической установке и неприятии радикалистских методов осуществления реформ [42].

После октябрьских событий 1993 года отечественные политологи и историки стали чаще обращаться к теме политической оппозиции. В работах М.Р. Холмской, С.Е. Заславского, Я.Г. Ермакова, Т.В. Шавкуновой в основном использовались понятия «непримиримой», «лояльной» и «конструктивной» оппозиции [16; 20; 51].

А.М. Салмин, давая характеристику политическому спектру после октября 1993 года, предложил использовать понятия «президентский блок», «антипрезидентский блок», «внутренняя оппозиция», «полуоппозиция», объяснив такой подход тем, что фактором, определяющим политическое пространство, выступает отношение к реальным центрам власти, а не идеологическое самоопределение группировок [см. 40, с. 384]. Эту позицию разделяли И.М. Бунин, Р.И. Капелюшников, М.Ю. Чернов [33].

Особенности политического кризиса 1993 года и анализ выборов в Федеральное собрание РФ отражены в работах В. Березовского, А. Салмина, В. Смолькова, В. Андреенкова, Е. Андрющенко, М. Анохина, Н. Бухарина, В. Васильцова, З. Зотовой, Н. Кротова, Ю. Федорова и других [3; 4; 9; 19; 50]. Все авторы выделяли одну из главных причин осеннего кризиса 1993 года – противодействие со стороны Советов новым властным структурам, проводившим социально-экономические и политические реформы.

Исходя из представленного анализа работ российских историков, политологов и политических деятелей по проблемам реформирования многопартийной системы в СССР, а затем в России с середины 80-х до конца 90-х годов XX века, можно констатировать, что при всей значимости данных публикаций обнаруживается недостаточное рассмотрение методологических аспектов в изучении политической оппозиции переходного периода.

В связи с этим хотелось бы остановиться на выделении некоторых особенностей историографии российской политической оппозиции после 1999 года. Такая необходимость обусловлена двумя факторами: во-первых, с развитием политической науки анализ политической оппозиции как неотъемлемого института политической системы российского общества становится преимущественно предметом этой науки. В связи с этим появляется много диссертационных работ и научных статей по различным аспектам многопартийной системы и политической оппозиции в России (что практически отсутствовало до 1993 года). Во-вторых, изменившаяся политическая ситуация в России после 1999 года также наложила отпечаток на характеристику и оценку института политической оппозиции.

В развитии историографии указанной проблемы после 1999 года условно можно выделить несколько периодов.

Первый период (конец 1999-го – 2004 год) связан со сменой политической элиты в верховных властных эшелонах и избранием нового президента РФ в 2000 году. В указанный период исследователи больше анализируют оппозиционно настроенные политические партии в рамках развивающихся партийной или политической систем. В диссертационной работе Г.В. Голосова обращается внимание на формирование до 1993 года лишь «организационных… предпосылок к возникновению партийной системы, но не системы как таковой» [10, с. 22]. Тем самым автор косвенно обращает внимание на невозможность существования системы (в данном случае – партийной) в условиях переходных процессов.

Проблема типологии политической оппозиции затрагивается в диссертационном исследовании Г.Р. Змановского, полагающего, что «модель политической оппозиции» зависит от «типа партийной системы», а также от того, перед кем «несет ответственность правительство». Исходя из указанных критериев, Г.Р. Змановский выделяет две модели политической оппозиции: британскую («вестминстерскую») и континентальную. По мнению автора данного диссертационного исследования, отсутствие в современной России «нормальной» партийной системы в рамках континентальной модели (многопартийной системы) является «главным препятствием на пути становления… нормальной политической оппозиции» [17, с. 82].

Второй период (с конца 2004 года до настоящего времени) распадается на несколько этапов: 1) конец 2004-го – 2008 год; 2) 2008–2012 годы; 3) с 2012 года до настоящего времени.

На первых двух этапах исследователи продолжали рассматривать институт политической оппозиции в рамках развивающейся партийно-политической системы. Поэтому помимо анализа собственно института политической оппозиции мы встречаем много работ, в которых рассматриваются оппозиционно-ориентированные политические партии и общественно-политические движения. Так, например, И.Д. Коротаева, обращаясь к анализу роли КПСС в трансформации общественно-политической системы СССР в 1985–1991 годы, видит главную причину кризиса партии в «сосредоточении властных функций в структурах КПСС и авторитарности управления» [24, с. 39].

Кризис либеральных партий после 2000 года привел к необходимости рассмотрения изменившейся роли либерального движения в общественно-политической жизни современной России. Вполне справедливо О.Д. Наумов отмечает, что после принятия Конституции РФ, в 1993 году начинается новый этап в эволюции отечественной партийно-либеральной структуры: «либеральные партии становятся частью властной системы страны» (например, движение «Выбор России» Е. Гайдара) [32]. К сожалению, автор не затрагивает проблему дальнейшей эволюции либерального движения в России после 2000 года.

Безусловно, главной особенностью всех выделенных этапов после 2004 года станет обращение исследователей к проблеме типологии политической оппозиции. Все чаще авторы научных публикаций начинают использовать понятия системной и несистемной оппозиции. Как правило, обращается внимание на «жесткое противоборство» несистемной оппозиции с властью, наличие в ее политическом поведении элементов экстремизма. Поскольку главным критерием несистемности, по мнению большинства авторов, является «отрицание политического курса действующего политического режима», постольку к несистемным силам относятся «как левые, так и правые организации радикального толка» и даже либеральная коалиция «Другая Россия» (М. Касьянов, Г. Каспаров, И. Хакамада) [29, с. 150–151, 153].

Подобной точки зрения придерживаются Д.И. Давыденко, считающий, что главной причиной объединения разных политических сил является «противостояние Кремлю» [14], и В.С. Кондратьев, относящий все партии либерального толка к несистемным [23].

В.А. Проничев выделяет после 2002–2004 годов три типа оппозиции: системную (имеет представительство в органах государственной власти); внесистемную (не входит в состав государственных органов власти) и антисистемную (левые и правые радикальные движения) [39]. В.И. Кузьмин и В.А. Носова пошли еще дальше, отнеся к несистемной оппозиции на современном этапе «все протестные движения, направленные против власти» [26, с. 83].

После 2012 года авторы стали больше обращать внимание на терминологию в системе оппозиционных политических партий. Так, например, Д.Ю. Татаркова определяет несистемную оппозицию как совокупность «организаций и сообществ, не зарегистрированных в качестве партий и не представленных в законодательном органе власти…» [47, с. 132]. К.О. Афанасьева полагает, что несистемная оппозиция – это «общее название для лиц и группировок, активно недовольных действующей властью, но не могущих существенно повлиять на нее или сменить ее в рамках, установленных государственной системой процедур» [5, с. 14]. С.Д. Манзуров обращается к проблеме внесистемной оппозиции, определяя ее как политический институт, противоборствующий «с действующей властью» [28, с. 50].

Не без внимания остался и сам термин «оппозиция». О.М. Михайленок выделяет два аспекта в данном термине: с одной стороны, это «форма противопоставления каких-то политических идей, концепций, возникающих из них политических действий политическим взглядам и действиям, исходящим из господствующей властной сферы», а с другой – «часть общества, противопоставляющая себя господствующей власти» [30, с. 25].

Особенности публикаций по проблемам политической оппозиции в России после 2004 года можно охарактеризовать следующим образом:

1. Почти все авторы анализируют политическую оппозицию через призму ее системности или несистемности. При этом в качестве родового признака выделяется степень соответствия программных установок оппозиции развитию политической системы либо степень критики верховной власти (политического режима). В результате все политические силы, критикующие существующий политический режим, относятся исследователями к несистемным.

2. Ряд авторов выделяет внесистемную оппозицию как политический институт, не приемлющий действующую власть. Таким образом, общая характеристика внесистемной оппозиции напоминает системную. В связи с этим хотелось бы отметить, что большинство авторов занимаются скорее подменой понятий, нежели их сущностной характеристикой.

3. Применительно к анализу системной оппозиции используются термины «лояльность», «конструктивность». Тем самым подчеркивается возможность нахождения компромисса между оппозицией и властью.

В целом попытки проанализировать оппозиционный политический спектр на основе системной терминологии являются в данном дискурсе моментом положительным, но отнюдь не исчерпывающим, так как остается слишком много вопросов, ответы на которые необходимо получить в процессе более углубленного применения системной методологии.

Список литературы

1. *Андреева Н.* Не могу поступаться принципами // Советская Россия. – 1988. – 13 марта.

2. *Андреева Н.* Социализм или смерть // Аргументы и факты. – 1990. – 1 сент.

3. *Андреенкова Н.В.* Прогнозирование результатов всероссийских выборов 12 декабря // Россия перед выбором. – М.: Политиздат, 1994. – С. 21–23.

4. *Анохин Н.Г.* Некоторые уроки «Выборов – 93»: слагаемые успеха и поражения // Россия перед выбором. – М.: Политиздат, 1994. – С. 38–40.

5. *Афанасьева К.О.* Дискурс-анализ требований российской несистемной оппозиции в кризисных условиях // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества: сб. науч. тр. – 2016. – С. 14–15.

6. *Березовский В.Н.* Российская многопартийность в конце XX века: процесс возникновения (1987–1991 гг.): автореф. дис. … канд. истор. наук. – М., 1993. – 23 с.

7. *Бутенко А.П.* Советская многопартийность: проблемы формирования. – М.: Диалог, 1991. – 230 с.

8. *Виноградов В.Д.* Актуальность проблемы политического центризма // Кентавр. – 1992. – Ноябрь–декабрь. – С. 10–15.

9. *Вьюницкий В.* Прошлое и будущее российского парламентаризма // Обозреватель – observer. – 1994. – № 14. – С. 3–4.

10. *Голосов Г.В.* Становление и развитие партийной системы (сравнительный анализ): дисс. …д-ра полит. наук. М., 1999. – 259 с.

11. *Горбачев М.* Идти вперед, не бояться трудностей. Выступление на XXVII конференции Московской городской организации КПСС 21 января 1989 г. // Правда. – 1989. – 24 янв.

12. *Горбачев М.* К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства: Доклад и заключительное слово на внеочередной 12-й сессии Верховного Совета СССР 11-го созыва, 29 ноября – 1 декабря 1988 г., Москва. – М.: Политиздат, 1988. – 45 с.

13. *Горбачев М.* На новом этапе перестройки. Выступление на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов // Советская Россия. – 1988. – 25 сент.

14. *Давыденко Д.И.* Разработка проблем несистемной оппозиции в научных исследованиях российских политологов // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2012. – Т. 12. – № 1. – С. 104–106.

15. *Дупайте Х.И.* Взаимодействие СДПР с органами государственной власти и управления // Политические партии: история, теория, практика: сб. тр. – М.: Диалог, 1993. – Вып. 1. – С. 104–114.

16. *Заславский С.Е.* Власть и партии (партийно-политический состав Федерального собрания) // Кентавр. – 1994. – № 3. – С. 14–20.

17. *Змановский Г.Р.* Политическая оппозиция в современной России: теоретический анализ: дис. …канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2003. – 158 с.

18. *Зотова З.М.* Партии и общественные организации в политической жизни и управлении обществом. – М.: Рос. центр обучения избират. технологиям, 1993. – 122 с.

19. *Зотова З.М.* Партии России: испытание выборами. – М.: Рос. центр обучения избират. технологиям, 1994. – 130 с.

20. *Ермаков Я.Г., Шавкунова Т.В., Якуничкин В.В.* Коммунистическое движение в России в период запрета: от КПСС к КПРФ // Кентавр. – 1993. – № 3. – С. 65–80.

21. *Иванов-Смоленский Г.* После бала КПСС // Посев. – 1992. – № 5. – С. 48–54.

22. *Ковалевич М.* Оппозиция. Что это такое? // Библиотека. – 1993. – № 4. – С. 7–10.

23. *Кондратьев В.С.* «Несистемная оппозиция» в России: основные подходы к рассмотрению политического феномена // Современные политические процессы. – 2012. – № 1 (11). – С. 17–22.

24. *Коротаева И.Д.* КПСС и трансформация общественно-политической системы СССР (1985–1991 гг): дисс. …канд. ист. наук. – М., 2004. – 197 с.

25. *Кочеткова К.* Отечественная социал-демократия: штрихи к портрету // Деловая жизнь. – 1991. – № 20. – С. 3–4.

26. *Кузьмин В.И., Носова В.А.* Отношение российского общества к несистемной оппозиции (за 2014–2015 гг.) // Государство, общество и политика: экономические, правовые и социальные аспекты: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф., 29 июля 2017 г. – СПб.: Открытое знание, 2017. – С. 83–84.

27. *Лысенко В.* Демократическая платформа уходит из КПСС // Аргументы и факты. – 1990. – № 35. – С. 2–3.

28. *Манзуров С.Д.* Понятие «внесистемная оппозиция» в современном политическом дискурсе // Наука и образование сегодня. – 2016. – № 7 (8). – С. 48–50.

29. *Медведев Н.П., Борисенко А.В.* Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2007. – Т. 4. – № 8. – С. 150–155.

30. *Михайленок О.М.* Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия // Власть. – 2015. – № 7. – С. 24–29.

31. Многопартийность и общественные движения. Тенденции и прогноз. – М.: Политиздат, 1991. – 128 с.

32. *Наумов О.Г.* Либеральные партии и движения в общественно-политической жизни Российской Федерации в 1990-е гг.: дисс. …д-ра ист. наук. – М., 2006. – 352 с.

33. Партии в социальной структуре посткоммунистической России / И.М. Бунин, Р.И. Капелюшников, А.М. Салмин, М.Ю. Чернов // Политическая наука в России: история, современность, модели будущего. – М.: Политиздат, 1994. – 175 с.

34. Партии и политические блоки в России. – М.: ИТАР-ТАСС, 1993. – Вып. 1. – 219 с.

35. *Попов Г.* Демократам надо уйти в оппозицию, если они не хотят, чтобы Россия снова встала на путь революции // Независимая газета. – 1990. – Октябрь.

36. *Попов Г.Х.* Перспективы и реалии // Огонек. – 1990. – № 50. – С. 2–4; № 51. – С. 3–5.

37. *Попов М.* Может ли интеллигент представлять в Советах рабочих? // Родина. – 1990. – № 2. – С. 4–5.

38. *Поршаков С.* Политическая оппозиция в странах Запада: (Некоторые закономерности и особенности функционирования) // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 3. – С. 36–40.

39. *Проничев В.А.* Оппозиция как субъект политического процесса в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 3. – С. 96–99.

40. Реформирование России: мифы и реальность (1989–1994 гг.) / авт.-сост. Г.В. Осипов и др.; Ин-т соц.-полит. исслед. – М.: Academia, 1994. – 510 с.

41. *Розоренова М.А.* Российское христианско-демократическое движение: поиски себя // Кентавр. – 1992. – Ноябрь–декабрь. С.–100–108.

42. *Рябов А.В.* Причины поражения «Гражданского Союза» на декабрьских выборах 1993 года и перспективы центризма в современной России // Кентавр. – 1994. – № 4. – С. 151–157.

43. *Сергеев А.* Мы – с Лениным. А вы? // Родина. – 1990. – № 2. – С. 3–4.

44. *Соловей В.* Современный русский национализм: идейно-политическая классификация // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 119–129.

45. Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз. – М.: Политиздат, 1991. – 224 с.

46. *Суслов М.Г.* Партии и Советы, или Почему под лозунгом «Вся власть Советам» будет ликвидирована Советская власть // Товарищ: Орган Березниковского ГК КПСС. – 1991. – № 9–11.

47. *Татаркова Д.Ю.* Несистемная оппозиция: специфика презентации в печатных СМИ // Полис. – 2013. – № 4. – С. 132–136.

48. *Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э., Леонов Е.Е.* Как обновляется КПСС (опыт социологического анализа) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 8. – С. 12–17.

49. *Убожко Л.* Утопичность теории научного коммунизма. – М.: Самиздат, 1988. – 9 с.

50. *Федоров Ю*. Конституция: эпицентр политической борьбы // Обозреватель – observer. – 1994. – № 19. – С. 2–3.

51. *Холмская М.Р.* Российская многопартийность: новый этап развития (январь–май 1994) // Кентавр. – 1994. – № 5. – С. 13–27.

52. *Шостаковский В.* В чем наши разногласия? // Огонек. – 1990. – № 39. – С. 2–3.

53. *Шостаковский В.* Говорить о существенном продвижении вперед не приходится // Союз. – 1990. – № 29. – С. 2–3.

54. *Яковлев А.Н.* Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи. М.: Политиздат, 1990. –543 с.

УДК 316.334.56

Шишигин Андрей Владиславович
кандидат социологических наук, доцент
кафедры философии и общественных наук

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРМИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия.
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: krauze@pspu.ru

Andrey V. Shishigin
Candidate of the Socio-scientific sciences, associate professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: krauze@pspu.ru

THE NATIONAL IDENTITY OF MODERN INHABITANTS OF PERM: UPDATING AND CHANGES

Аннотация. Рассматривается динамика изменений национальной идентичности жителей Перми и самоидентификаций пермяков.

Ключевые слова: национальная идентичность, территориальная идентичность, гражданско-политическая идентичность, самоидентификация, город.

Abstract. The paper considers the dynamics of the changes national identity of inhabitants Perm and self-identifications of citizens.

Keywords: national identity, territorial identity, civil-political identity, self-identification, town.

Национальная идентичность, как и любая другая идентичность, представляет собой сложный социальный конструкт. Теоретические основы социального конструирования идентичностей изложены в работах А. Щюца [10],

© Шишигин А.В., 2017

П. Бергера и Т. Лукмана [2], П. Бурдье [4]. В рамках конструктивистской парадигмы, ставшей своеобразным мейнстримом в этносоциологии, процессы национального строительства и конструирования национальной идентичности рассматривались многими исследователями. Здесь прежде всего следует отметить работы Б. Андерсона [1], Э. Хобсбаума [8; 9], Э. Геллнера [5], Р. Брубейкера и Ф. Купера [3]. Вместе с тем многие вопросы, связанные с конструированием национальной идентичности, изучены недостаточно глубоко. В частности, нет полной ясности в вопросе сосуществования разных идентичностей в сознании отдельных авторов.

Многомерность и структурированность социального пространства приводит к формированию у индивидов множества социальных идентичностей (территориальных, национальных, политических и др.), которые порой могут мирно сосуществовать друг с другом, а порой могут остро конкурировать. Особый интерес представляют вопросы, связанные с устойчивостью и актуализацией национальной идентичности в рамках структур повседневности. Процесс конструирования национальной идентичности ребенка может начинаться еще в раннем детстве, в результате чего данная идентичность может восприниматься уже взрослым индивидом как нечто имманентно присущее. Особенностью национальных идентичностей является то, что они, будучи социальными конструктами, многими людьми воспринимаются в примордиалистком ключе. Национальная общность и сам процесс нациестроительства мифологизируются. С другой стороны, в условиях глобализации у определенной части общества развивается конструктивистский взгляд на природу любых социальных идентичностей, включая национальные.

Ответы на многие вопросы, связанные с конструированием и поддержанием национальной идентичности, можно получить только в ходе конкретных эмпирических исследований, позволяющих проверить разные гипотезы и фактологически обосновать теоретические построения. Результаты опроса взрослого населения Перми, проведенного в декабре 2012 г. (N = 960; q = 3,5 %) группой исследователей из ПГГПУ в рамках проекта «Пермь как стиль», позволили получить представление о восприятии пермяками ряда территориальных идентичностей. В ходе исследования респондентам было предложено оценить пять отдельно взятых территориальных идентичностей, отметив цифрами от 1 (наиболее значимая) до 5 (наименее значимая) важность каждой из них для себя лично. Предложенный респондентам набор включал идентичность региональную (житель Пермского края), городскую (житель Перми), национальную, территориально-географическую (житель Урала) и гражданско-политическую (гражданин России). Включение в число территориальных идентичностей национальной идентичности требует пояснения. Мы уже отмечали, что данная идентичность имеет право находиться

здесь в силу многочисленных связей между этнической/национальной историей и территорией. Топоним «Пермь» имеет и этническую окраску («коми-пермяки»). Кроме того, Пермский край соседствует с Татарстаном, Башкортостаном и Удмуртией – субъектами Федерации, сформированными по национальному признаку [6, с. 49].

По первостепенной значимости в рамках повседневности лидером оказалась локальная, городская, идентичность, которую в качестве таковой отметила почти половина респондентов. Далее по убыванию первостепенной значимости располагались идентичности гражданско-политическая, региональная, национальная и территориально-географическая. Результаты ответов пермяков представлены в табл. 1.

Спустя два года в рамках проекта «Последствия пермского культурного проекта» пермяка был задан тот же самый вопрос (N=1002; q = 3,5 %). Результаты (табл. 2) несколько отличаются от тех, которые были в 2012 г.

Из табл. 1 и 2 видно, что респондентов, указавших национальную идентичность в качестве первостепенной по значимости, относительно немного.

Таблица 1.

Оценки значимости территориальных идентичностей для жителей Перми (100 % по строке). Декабрь 2012 г. [6, с. 50]

Идентичность	Степень значимости, %				
	1	2	3	4	5
Региональная	13,2	38,8	23,1	15,6	9,2
Городская	46,3	28,7	14,1	7,1	3,8
Национальная	7	11,7	19,3	23,5	38,5
Территориально-географическая	6,1	12,5	33,5	34,1	13,8
Гражданско-политическая	29,1	10,5	12,7	16,6	31,2

Таблица 2.

Оценки значимости территориальных идентичностей для жителей Перми (100 % по строке). Декабрь 2014 г.

Идентичность	Степень значимости, %				
	1	2	3	4	5
Региональная	8,6	26,4	26,2	19,7	19,1
Городская	42,5	29,7	17,3	8,1	2,5
Национальная	11,1	12,6	25,4	22,5	28,4
Территориально-географическая	5,9	12,1	20,1	36,8	25,1
Гражданско-политическая	39,1	22,2	13,9	6,7	18,1

В коллективной монографии «Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности» нами уже объяснялось, почему национальная идентичность в своей первостепенной значимости оказалась на одном из последних мест [7, с. 51]. Причины этого мы усматривали в следующем:

1) преобладании (88 %) русского населения, абсолютное большинство которого не чувствует себя ущемленным и дискриминируемым по национальному признаку;

2) достаточно низком уровне межэтнической напряженности в городе;

3) пребывании большинства респондентов в моноэтническом культурном пространстве, в результате чего национальная идентичность отходит на второй план;

4) нежелании ряда респондентов открыто заявлять о первостепенной значимости национальной идентичности из-за боязни быть заподозренными в радикальном национализме, расизме, ксенофобии и т. п. [Там же].

Последний вывод сделан на основании ответов почти 40 % респондентов, отметивших, что часто испытывают чувство единства с представителями своей национальности. По этому показателю национальная идентичность опережала все остальные (городская идентичность отстала не намного, в рамках статистической погрешности). Результаты ответов на вопросы о том, как часто респонденты испытывают чувство единства и близости с представителями разных территориальных общностей, представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3.

Результаты ответов на вопрос: как часто вы испытываете чувство единства и близости с представителями различных территориальных общностей? (100 % по строке). Декабрь 2012 г. [7, с. 59]

Территориальная общность	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняюсь ответить
Жители Пермского края	27,2	50,8	10	12
Жители города Перми	37,9	44,8	7,2	10,1
Представители своей национальности	39,8	39,7	7,8	12,8
Жители Урала	26,1	48,9	10,6	14,4
Граждане России	33,2	45,6	8,7	12,5

Таблица 4.

Результаты ответов на вопрос: как часто вы испытываете чувство единства и близости с представителями различных территориальных общностей? (100 % по строке). Декабрь 2014 г.

Территориальная общность	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняюсь ответить
Жители Пермского края	31,8	42,4	8	17,7
Жители города Перми	50,8	29,7	6,5	13
Представители своей национальности	37,4	38,2	6,9	17,5
Жители Урала	27,7	45	9,4	17,9
Граждане России	40,7	39	6,6	13,8

Результаты исследования, проведенного в 2014 г., показали, что за сравнительно небольшой промежуток времени (два года) позитивную динамику изменений первостепенной значимости продемонстрировали только две идентичности: гражданско-политическая и национальная. В качестве причин, вызвавших существенную позитивную динамику изменений первостепенной значимости гражданско-политической идентичности, можно назвать следующие. Во-первых, это вполне успешная для россиян Олимпиада 2014 г. в Сочи. Важно отметить, что Олимпиада в Сочи порадовала не только спортивными результатами, отраженными в медальном зачете, но и высоким организационным уровнем. В преддверии самого главного спортивного события четырехлетия в западных СМИ высказывалось много сомнений относительно способности России провести зимнюю Олимпиаду на высоком уровне. Итогом сочинской Олимпиады стал рост гордости не только за спортсменов и тренеров, но и за страну в целом. Во-вторых, присоединение Крыма и первое за 30 лет острое противостояние с Западом, результатом которого стали обоюдные экономические санкции. Можно сказать, что в 2014 г. шел процесс мобилизации данной гражданско-политической идентичности как со стороны государства, так и со стороны части граждан, ностальгирующих по былому величию СССР.

С национальной идентичностью дело обстоит сложнее. Позитивная динамика изменений в данном случае выражена хотя и скромно, но все же достаточно для того, чтобы не быть списанной на издержки статистических погрешностей. И если рост числа респондентов, отметивших первостепенную значимость национальной идентичности для себя лично, составил порядка 3 %,

то количество тех, кто считал ее наименее значимой, сократилось почти на 10 %. Данная динамика, на наш взгляд, также по большей части является реакцией на внешнеполитические события и их освещение в СМИ. В данном случае речь идет о событиях на Украине (положение русских и русскоязычных на Украине, «русская весна» и т. п.). Кроме того, не следует забывать, что для политиков Запада и западных СМИ россияне – это прежде всего русские. В политической риторике западных политиков, которых часто цитировали и отечественные СМИ, этноним «русские» встречается чаще, чем «россияне». Таким образом, в СМИ взаимоотношения «Россия – Запад» принимали образ конфликта Запада не только с политическим руководством России, но и с «русскими» вообще. В наших опросах почти 87 % респондентов относили себя к русским, что в целом очень точно отражает реальный процент русского населения среди жителей Перми (88 %).

Если в 2012 г. на первостепенную значимость для себя национальной идентичности указывали 5,8 % мужчин и 8 % женщин, то в 2014 г. это соотношение было 10,5 и 11,6 % соответственно. Следовательно, можно говорить, что за период между проведением опросов актуализация национальной идентичности у мужчин проявилась сильнее, чем у женщин. Причины этого, по-видимому, следует искать в том, что в нашем обществе именно на мужчин возлагается ответственность за защиту и безопасность. Ухудшающиеся отношения с Украиной и Западом, создававшие ощущение если не приближающейся полноценной войны, то возможных вооруженных столкновений, объективно должны были благоприятствовать актуализации национальной идентичности, прежде всего в мужской части общества.

Актуализация значимости национальной идентичности по-разному проявлялась в разных возрастных группах (табл. 5 и 6).

Таблица 5.

Значимость национальной идентичности в 2012 г. среди разных возрастных групп жителей Перми (100 % по столбцу)

Степень значимости национальной идентичности	Возраст			
	18–30	31–45	46–60	Старше 60
1	11,5	4,5	7,1	3,9
2	10,7	9,5	12,0	15,0
3	19,0	16,0	20,3	22,5
4	22,9	25,5	22,4	23,5
5	35,9	44,4	38,2	35,0

Таблица 6.

Значимость национальной идентичности в 2014 г. среди разных возрастных групп жителей Перми (100 % по столбцу)

Степень значимости национальной идентичности	Возраст			
	18–30	31–45	46–60	Старше 60
1	9,6	11,2	11,0	13,2
2	14,6	13,9	11,4	9,8
3	23,0	23,8	25,6	29,9
4	23,8	21,1	25,6	19,1
5	29,0	30,0	26,4	27,9

Наиболее заметные позитивные изменения произошли среди людей в возрасте от 31 года до 45 лет и среди тех, кому больше 60 лет. Среди молодежи (18–30 лет) динамика изменений носила двойственный характер. С одной стороны, незначительно (в рамках статистической погрешности) уменьшилось число тех, для кого национальная идентичность имеет первостепенное значение, а с другой – на 7 % сократилось число тех, для кого данная идентичность является наименее значимой.

В следующей возрастной группе (31–45 лет) почти на 7 % увеличилось число тех, для кого национальная идентичность имеет первостепенное значение и, одновременно, почти на 15 % сократилось число тех, для кого она наименее значима. Точно такая же, но менее ярко выраженная динамика наблюдается в группе респондентов от 46 до 60 лет. Пенсионеры старше 60 лет продемонстрировали самый существенный (почти на 10 %) рост первостепенной значимости национальной идентичности.

Парадоксально, но если в группе респондентов от 31 года до 45 лет за два года число тех, кто часто испытывает чувство духовной близости с представителями своей национальности, возросло с 34 до 41 %, то среди пожилых людей (старше 60 лет) их количество, наоборот, уменьшилось – с 46 до 34 %.

За период между проведением опросов актуализация национальной идентичности сильнее всего проявлялась среди респондентов с высшим образованием. Если в 2012 г. лишь 6,5 % лиц с высшим образованием отметили национальную идентичность как наиболее значимую, то в 2014 г. таковых было уже 12,2 %.

Если говорить о таком факторе, как материальный достаток, то стоит заметить, что наибольшую позитивную динамику изменения в первостепенной

значимости национальной идентичности продемонстрировали люди с низким достатком. Так, среди респондентов, в вопросе о материальном достатке выбравших позицию «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения», число тех, кто отметил национальную идентичность как наиболее значимую, увеличилось с 5 до 23,7 %. В группах с большим достатком рост был гораздо более скромным. Среди наименее состоятельных пермяков, испытывающих затруднения даже с покупкой продуктов питания, произошло даже заметное снижение значимости национальной идентичности. Однако следует учесть, что в выборке доля респондентов со столь низким уровнем достатка была невелика и надежность выводов в данном случае заметно ниже. Если же брать наиболее состоятельных пермяков, которые без особых затруднений могут позволить себе покупку квартиры или машины, то среди них доля респондентов, отметивших первостепенную значимость национальной идентичности, выросла с 7,4 до 16,7 %.

Вместе с тем при более внимательном рассмотрении результатов ответов оказывается, что в группе наиболее состоятельных пермяков имели место не столько усиление позиции национальной идентичности, сколько радикализация взглядов. Одновременно с ростом числа тех, кто отметил данную идентичность как наиболее значимую, почти на 6 % увеличилось число тех, для кого она практически не имеет значения.

Таким образом, можно говорить о весьма высоком потенциале актуализации национальной идентичности жителей Перми даже при условии стабильной ситуации межэтнической напряженности в городе. Вместе с тем нельзя утверждать, что одних внешних факторов достаточно для существенного усиления позиции национальной идентичности. Известные внешнеполитические события способствовали резкому усилению прежде всего гражданско-политической идентичности пермяков. Позитивная динамика национальной идентичности была выражена гораздо слабее. Весьма интересным представляется тот факт, что процесс актуализации национальной идентичности в наибольшей степени затронул людей среднего возраста (от 31 до 45 лет) и в меньшей степени – молодежь. Сейчас без проведения дополнительных исследований затруднительно сказать, было ли это вызвано большей аполитичностью молодежи или же имело место влияние каких-то иных факторов.

Результаты исследования, проведенного в декабре 2014 г., опровергают стереотипное представление о падении интереса индивидов к национальной идентичности по мере повышения их уровня образования. Наше исследование

показало, что, наоборот, наиболее заметные позитивные изменения наблюдались среди респондентов с высшим образованием. Исследование 2014 г. подтвердило выдвинутое ранее предположение о «спящем» характере национальной идентичности у значительной части пермяков. Относительно низкий процент пермяков, указавших национальную идентичность как первостепенно значимую, не должен вводить в заблуждение относительно значимости последней, равно как роли и места национальной идентичности в структуре территориальной идентичности жителей столицы Пермского края.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. статья С. Баньковской. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

3. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 131–192.

4. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / пер. с фр. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим.социологии, 2005. – 288 с.

5. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 794 с.

6. *Лысенко О.В., Шишигин А.В.* Кто такой «пермяк»? Как формируется идентичность пермяка в пространстве, времени и в культуре // Стилистические особенности пермской городской идентичности / ред. О.В. Игнатьева, О.В. Лысенко. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 45–95.

7. *Лысенко О.В., Шишигин А.В.* Пермская городская идентичность в зеркале социологических опросов // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – С. 40–80.

8. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

9. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.

10. *Щюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. – М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 349.6

Карзенкова Александра Владимировна
кандидат биологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: cpe2005@mail.ru

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Alexandra V. Karzenkova
Candidate of Biology, Associate Professor of the Department
of Legal Disciplines and Methods of Teaching Law

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: cpe2005@mail.ru

PROPERTY RIGHT TO NATURAL RESOURCES

Аннотация. Рассматриваются современные проблемы оборотоспособности природных ресурсов. Природные ресурсы – это не только часть окружающей среды, но и имущество особого рода. Вовлечение природных ресурсов в гражданский оборот должно содействовать устойчивому развитию в экологической сфере.

Ключевые слова: экологическая безопасность, природный объект, природный ресурс, устойчивое развитие.

Abstract. Considers the current problems of the turnover of natural resources. Natural resources are not only part of the environment, but also the property of a special kind. The involvement of natural resources in civil circulation in order to promote sustainable development in the environmental field.

© Карзенкова А.В., 2017

Keywords: ecological safety, natural object, natural resource, sustainable development.

Защита права собственности на природные ресурсы является важнейшим элементом системы экологической безопасности России. Однако существуют объективные затруднения в толковании и применении норм экологического и гражданского права, которые препятствуют законному осуществлению права собственности и способствуют развитию экологической преступности.

Право собственности – фундаментальное понятие юридической науки и практики. Еще римские юристы понимали собственность как наиболее полное господство над вещью, но лишь с течением веков европейская правовая мысль стала представлять право собственности как известную триаду правомочий: владение (физическое обладание), пользование (возможность эксплуатировать, извлекать полезный эффект из вещи), распоряжение (возможность определять юридическую судьбу вещи, продать, сдать в аренду и т. п.). Такой же взгляд на собственность разделяется российской правовой теорией и отражается в российском законодательстве [1]. В соответствии с Конституцией РФ земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Конституция РФ признает многообразие форм собственности и равную их защиту (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) и устанавливает, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Конституционным нормам принадлежит центральное место при регулировании отношений собственности [1]. Важно отметить, что при этом Конституция РФ не обязывает, чтобы природные ресурсы, в частности леса, находились в разных формах собственности [14].

Именно конституционное понятие права собственности определяет границы, основные способы, условия регулирования права собственности отраслевым законодательством. Конституция РФ, продекларировав свободу владеть, пользоваться, распоряжаться природными ресурсами, установила и ограничение: это не должно наносить ущерб окружающей среде и нарушать права и законные интересы других лиц [19].

Согласно ст. 209–211 ГК РФ собственник имеет право владения, пользования и распоряжения своим имуществом, несет на себе бремя содержания и риск гибели имущества. Но уже в самом гражданском

законодательстве (ст. 209, 129) устанавливаются своего рода «экологические приоритеты». Так, согласно ст. 1 гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей [2].

Пределы ограничения прав и свобод человека имеют строго очерченный законом перечень. Недопустимо произвольное расширение оснований (целей) ограничения прав и свобод граждан [16]. В целях исключения произвола (злоупотребления) со стороны государства в сфере применения ограничений прав человека Европейская комиссия по правам человека установила правило «строгого толкования», согласно которому «никакие другие критерии, помимо тех, что упомянуты... не могут быть основанием для каких-либо ограничений» и что «эти критерии, в свою очередь, должны быть истолкованы таким образом, чтобы смысл слов не был расширен по сравнению с общепринятым значением» [15].

Земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому иным способом в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах (ст. 129 ГК РФ). Таким образом, применение к природным ресурсам (земля, недра, леса, вода, животный мир) института права собственности имеет свои особенности.

Проблема принадлежности прав на природные ресурсы имеет длительную историю. Долгие годы в России природные ресурсы находились в государственной собственности. Догматические взгляды на собственность в теории национализации сами собой отпали с принятием принципов рыночной экономики. «Великий спор» начала 90-х годов бушевал в связи с якобы существовавшим конфликтом между суверенными правовыми интересами государства в отношении своих природных ресурсов и их использованием в частных интересах.

Между тем проблема приобретения природных ресурсов в собственность весьма сложна и противоречива. Чтобы лучше ее понять, необходимо уяснить специфику природного ресурса как объекта права собственности.

В науке существует несколько подходов к определению понятия «природные ресурсы». С правовой точки зрения возникает проблема

индивидуализации объекта прав собственности, поэтому необходимо изучить все возможные позиции в вопросе о том, что передается в пользование, властью над чем обладает правообладатель, с какой степенью полноты он может распоряжаться объектом своих прав.

Определение природных ресурсов в законодательстве всегда связано с дифференциацией их на природные объекты и ресурсы, используемые человеком в различных целях. При этом понятие «объекты» первично, а понятие «ресурсы» вторично. Природные объекты – это часть окружающей среды, понимаемой в законе как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных, а также антропогенных объектов [8]. Все природные объекты имеют естественное происхождение, существуют независимо от сознания человека, находятся в естественной среде и не имеют потребительской стоимости.

Таким образом, в науке и законодательстве природный объект понимается как часть окружающей среды, выполняющая определенные средообразующие функции и подлежащая особой охране со стороны государства. Права собственности на природные объекты могут возникать только у государства, примером могут являться водные объекты, леса, недра, объекты животного мира, земли отдельного назначения.

Природные объекты, используемые человеком в различных целях, становятся природными ресурсами. Под природными ресурсами понимаются компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. В соответствии с экологическим законодательством на природные ресурсы возникает право пользования, которое позволяет лишь извлекать их полезные свойства. Мы обращаемся к термину «природопользование» и обозначаем участников этих отношений как природопользователей. Очень интересно сопоставить титулы «обладатель вещного, или обязательственного права (правообладатель)» и «природопользователь».

Природопользователь чаще всего не является собственником ресурсов, у него возникает определенное законом или правоустанавливающим документом право на использование ресурса в соответствии с целевым назначением. Но природопользователю, если он не является правообладателем, ресурс должен быть предоставлен собственником или управомоченным лицом.

Например, в Лесном кодексе РФ определено, что лесные участки могут быть предоставлены на праве постоянного (бессрочного) пользования, праве ограниченного пользования (сервитут), праве аренды, а также в безвозмездное пользование. При этом лес понимается в кодексе как экологическая система и природный ресурс [4]. Лесной участок – это часть леса, предоставляемая в пользование. Право собственности возникает не на лес, леса, а на лесной участок, входящий в состав лесов определенного назначения.

Природные ресурсы не только вовлекаются человеком в хозяйственное использование, но и могут быть объектом права собственности, следовательно, оборотоспособны. Поэтому они могут становиться не только объектами экологических правоотношений, но и объектами гражданских прав, в том числе – вещных и обязательственных. Природные ресурсы как объекты гражданских прав должны обладать определенными индивидуализирующими признаками, которые позволили бы передавать права на эти объекты. Рассмотрим особенности оборотоспособности природных ресурсов.

Экологическое законодательство РФ, разработанное и принятое в основном до 2001 года, не вводит в сферу правового регулирования имущественные отношения, хотя опосредованно их содержит. Так, закон «О недрах» регулирует отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр территории Российской Федерации, ее континентального шельфа, а также в связи с использованием отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, торфа, сапропелей и иных специфических минеральных ресурсов, включая подземные воды, рассолы и рапу соляных озер и заливов морей [10].

Развитие природоресурсного законодательства нацелено на введение имущественных отношений в сферу правового регулирования. Таким образом, создается правовая база для формирования рынка природных ресурсов. Появляются основания для возникновения права не только государственной, но и муниципальной и частной собственности на землю и природные ресурсы.

В новых Земельном, Водном и Лесном кодексах РФ, в федеральных законах, принятых после 2001 года, имущественные отношения включаются в сферу правового регулирования. Обратимся к особенностям оборота некоторых природных объектов и ресурсов, прежде всего выделив наиболее фундаментальные из них.

В соответствии с гражданским законодательством земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, являются недвижимым имуществом, или недвижимостью. Практически все природные ресурсы можно

с этой позиции считать недвижимостью, обладающей особым качеством. Оборот данных объектов осуществляется в соответствии с гражданским, экологическим и земельным законодательством [3]. В Земельном кодексе РФ указано, что нормы земельного права, содержащиеся в других федеральных законах, законах субъектов Российской Федерации, должны соответствовать Земельному кодексу. Имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Действующий закон о недрах, не включая имущественные отношения в сферу правового регулирования, тем не менее, содержит их. В ст. 1.2 определено, что недра находятся в государственной собственности, участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме.

При этом в первоначальной редакции, т. е. в 1992 году, данной статьи закон не содержал, она появилась в редакции 1995 года. Так, ст. 1.2 определяет оборотоспособность участков недр и прав на них; ст. 9 говорит о том, что пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности; ст. 50 содержит понятие «имущественные споры в области недропользования». В соответствии с действующим гражданским законодательством мы можем отнести участки недр к недвижимости особого рода, оборот которой определяется экологическим законом. Вещи, которые не признаются законом недвижимостью, можно считать движимым имуществом. Возникает естественный вопрос, можно ли относить природные ресурсы к движимому имуществу. Так, объектами экологических отношений являются объекты животного мира, водные биологические ресурсы. Несомненно, это движимые объекты, они могут рассматриваться как имущество.

И наконец, объектом, на который не может возникать право собственности, является атмосферный воздух. В силу своих физических и экологических свойств атмосферный воздух является глобальной экологической системой, объектом международной охраны. Конституцией РФ и Воздушным кодексом РФ закреплен суверенитет государства в пользовании воздушным пространством. Динамичность, турбулентность, жизненная необходимость в атмосфере не позволяют индивидуализировать ее части и привязать их к праву землепользования. Хотя современная юридическая наука уже рассматривает попытки подобного рода, но они все-

таки несостоятельны. Тем не менее существует ряд проблем в праве пользования воздушным пространством, возникающих при утверждении проектов санитарно-защитных зон предприятий. Постановлением [13] главного государственного санитарного врача РФ установлен порядок определения размеров санитарно-защитных зон, который увязывается именно с воздействием объекта на атмосферу, с классом опасности объекта. Вопрос же о том, нужно ли заключать договор аренды земельного участка для эксплуатации санитарно-защитных зон, остается открытым.

Мы видим, что право собственности на природные объекты существенно отличается от имущественных прав на иные объекты. Оно связано и с публичным естественным правом на них, и с природными особенностями объектов, и с интересами государства и личности.

Значение земли как основы жизни и деятельности человека предопределяет правовую природу этого объекта материального мира. С одной стороны, земля – природный объект, важнейшая составная часть природы, используемая в качестве средства производства, а с другой – один из объектов гражданских прав, имущество, которое участвует в гражданском обороте в качестве объекта права собственности или других прав.

Учитывая природное значение земли, законодатель определил необходимые приоритеты, поскольку без этого в нормотворческой и правоприменительной деятельности неизбежны юридические коллизии. Охрана земли имеет приоритетное значение перед ее использованием в качестве объекта недвижимости. Это означает, что собственники земельных участков владеют, пользуются и распоряжаются ими свободно, на основе норм гражданского законодательства, но лишь до пределов, определенных земельным и природоохранным законодательством, за которыми действия (бездействие) собственника могут нанести ущерб окружающей природной среде [17, коммент. к ст. 1].

Отношения по поводу использования и охраны земель регулируются как частным, так и публичным правом. До настоящего времени идет спор, какой отрасли права отдать преимущество – гражданскому, земельному или административному законодательству. Земельные отношения носят имущественный характер. В какой мере земельные участки могут стать объектами гражданских прав, устанавливается земельным законодательством. В свою очередь, пользование, владение и распоряжение земельными участками изначально возникли именно на основе административных актов [20].

По общему правилу, право собственности может возникнуть только на индивидуализированный обособленный объект. В соответствии со ст. 6 Земельного кодекса РФ объектами земельных отношений являются:

– земля как природный объект и природный ресурс;

– земельные участки;

– части земельных участков.

В соответствии с Конституцией РФ земля используется и охраняется в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля рассматривается как природный объект – составная часть природы – и одновременно как природный ресурс с точки зрения ее охраны и использования (извлечения полезных свойств) в целях удовлетворения различных потребностей человека.

В экономическом словаре «земля» определяется как ресурс, используемый для производства сельскохозяйственной продукции, для строительства домов, городов, железных дорог; один из основных компонентов, факторов производства (другие компоненты – труд, капитал, природные ресурсы) [21].

Понятие «земля» можно рассматривать в различных смыслах. Земля – это планета, космическое тело; земля – это наша родина; с экологической точки зрения земля – это природный объект, с географической – геосистема. С юридической точки зрения земля – это верхняя часть земной поверхности, включающая в свой состав почву. Почва – верхний слой земли, используемый в сельском хозяйстве и обладающий важнейшим свойством – плодородием. При отсутствии почвы землей является дно водоемов или водотоков.

В таком значении земля – это объект земельных отношений. Все земли Российской Федерации составляют земельный фонд РФ. Земельный фонд – общая площадь земель, принадлежащих группе землепользователей, предприятию, кооперативу, или земель, входящих в административно-территориальную единицу [21]. Земельные фонды подразделяются на государственные (федеральные и субъектов РФ), муниципальные, а также на земли по целевому назначению. Например, в Земельном кодексе РФ, в ст. 80, выделяется режим фонда перераспределения земель, в соответствии с которым могут быть выделены фонды земель казачьих общин [11], земель, предназначенных беженцам [12], и иные.

Все земли по целевому назначению делятся на категории. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории (в ст. 7 ЗК РФ выделяется семь категорий земель) и разрешенного

использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов. Любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается правообладателем самостоятельно, без дополнительных разрешений и процедур согласования. Использование земель не по целевому назначению не допускается, тем не менее это – одно из распространенных земельных правонарушений.

Таким образом, земля – это природный ресурс, обладающий для человека определенными свойствами и качеством. Земли используются как средство производства, например, в сельском хозяйстве, и как пространственный базис для размещения объектов жизнедеятельности.

Земли в РФ находятся в государственной, муниципальной и частной собственности.

Водный кодекс РФ ввел презумпцию права федеральной собственности на водные объекты [18]. Водные объекты, находящиеся в федеральной собственности, не подлежат передаче в собственность муниципальным образованиям, гражданам и юридическим лицам. Пруд, обводненный карьер, расположенные в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности субъекту Федерации, муниципальному образованию, физическому или юридическому лицу, находятся соответственно в собственности субъекта Федерации, муниципального образования, физического или юридического лица, если иное не установлено федеральными законами.

И если в первом случае закон четко устанавливает форму федеральной собственности, то правопринадлежность прудов и обводненных карьеров определена весьма условно, с правовой точки зрения не проработана. Определение права собственности на эти объекты требует проведения процедуры разграничения государственной собственности на землю. Поэтому права на пруды и карьеры в основном определены законом, но не зарегистрированы.

Пруд и обводненный карьер могут отчуждаться в соответствии с п. 4 ст. 8 Водного кодекса РФ и с гражданским и земельным законодательством. Не допускается отчуждение таких водных объектов без отчуждения земельных участков, в границах которых они расположены. Данные участки разделу не подлежат, если в результате такого раздела требуется раздел пруда, обводненного карьера. Пруд или обводненный карьер следует судьбе земельного участка и не может быть разделен на части.

Мы можем сказать, что приобретение права собственности на пруды и обводненные карьеры связано с определением правопринадлежности данных объектов и формированием сведений (документов), подтверждающих возможность государственной регистрации этих объектов.

В Водном кодексе отдельно, в соответствии с законодательством о недрах, выделяется форма собственности на подземные воды.

Статья 1.2 закона «О недрах» определяет, что недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Специально вопросы права собственности на подземные воды в законе не рассматриваются, но данные объекты признаются составной частью недр.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О безопасности ГТС» собственником гидротехнического сооружения является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, физическое или юридическое лицо, независимо от его организационно-правовой формы, имеющие права владения, пользования и распоряжения гидротехническим сооружением.

Лесное законодательство Российской Федерации состоит из Лесного кодекса и принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Вопросы владения, пользования и распоряжения лесными участками регулируются Конституцией РФ, Лесным кодексом РФ, гражданским и земельным законодательством. Объектом лесной собственности могут быть лесные насаждения и лесные участки.

Лесным является земельный участок, местоположение, границы и площадь которого определяются соответственно по лесным кварталам и (или) лесотаксационным выделам, их границам и площади. Лесной участок должен быть образован как объект права, т. е. необходимы проектирование лесных участков и их государственный кадастровый учет. Поэтому, рассматривая основания возникновения права собственности на леса, следует исходить из концепции единой судьбы земельного участка и леса, расположенного на земельном участке (лесной участок). Лесные насаждения (растительность – ст. 260 ГК РФ) нужно рассматривать в составе имущества, прочно связанного

с земельным участком и расположенного в границах земельного участка. Право собственности на такой объект возникает у собственника земельного участка, т. е. предполагается государственная собственность РФ, субъектов РФ, собственность муниципального образования и частная собственность физического и юридического лица.

В целях государственной регистрации лесной участок понимается как недвижимое имущество, подлежащее государственному кадастровому учету. Поскольку ранее лесные участки данному учету не подлежали, образуемые земельные участки должны соответствовать требованиям лесного законодательства.

В ст. 8 ЛК РФ определены основные формы права собственности на лесные участки:

1) лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности;

2) формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий определяются в соответствии с земельным законодательством.

В ст. 7 ЗК РФ определен состав земель РФ. Лесные участки в составе земель лесного фонда ограничиваются в обороте, оборотоспособность лесных участков, входящих в состав земель иных категорий, определяется в соответствии со ст. 27 ЗК РФ.

Особое внимание в последнее время уделяется судьбе собственности на городские леса, которые расположены на землях населенных пунктов. Одна из проблем, которая сегодня особенно актуальна, – это незаконная рубка городских лесов и возбуждение дела по ст. 260 УК РФ.

Городскими лесами признаются леса, расположенные на землях населенных пунктов [3]. Формы собственности на лесные участки в составе земель населенных пунктов определяются в соответствии с земельным законодательством. Подразумевается право собственности РФ, субъекта РФ, муниципальных образований, граждан и юридических лиц. Лесные участки, входящие в состав городских лесов, относятся к категории защитных лесов [4]. Городские леса – самостоятельная категория защитных лесов. Они отделены от зеленых зон и лесопарков (последние могут находиться за границами поселений). В соответствии со ст. 97 ЗК РФ лесные участки, входящие в состав городских лесов, могут быть отнесены к землям природоохранного назначения, порядок и цели их использования определяются в соответствии с земельным и экологическим законодательством. Городские леса должны относиться к зонам рекреационного назначения (п. 9 ст. 85 ЗК, ч. 11 ст. 35 ГСК)

и использоваться для отдыха граждан и туризма. Освоение городских лесов должно производиться в соответствии с ЛК РФ. Органы государственной власти Российской Федерации в области лесных отношений разрабатывают правила использования лесов для осуществления рекреационной деятельности.

Основания возникновения прав на недра установлены законом РФ «О недрах», ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». Законодательство Пермского края также регулирует отношения недропользования.

Необходимо определить пределы суверенитета РФ на недра. В законодательстве о недрах установлена презумпция государственной собственности на них. Юрисдикция государства распространяется на недра в границах РФ, включая ее континентальный шельф. Право собственности государства возникает на подземное пространство, содержащиеся в нем полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы. Тем не менее законодательство о недрах регулирует оборот еще целого ряда объектов, непосредственно связанных с недропользованием. Это геологическая информация, отходы горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, торфа, сапропеля, иных специфических минеральных ресурсов, включая подземные воды, рассолы и рапу соляных озер и заливов морей.

Итак, право собственности на недра, ресурсы недр, включая подземные воды, принадлежит государству. Право собственности на извлеченную из недр продукцию, геологическую информацию может находиться во всех формах собственности в соответствии с условиями лицензии, соглашения, договора. Законом и международными правилами может быть установлен специальный порядок регулирования данных отношений, целью которого является обеспечение национальной безопасности.

Федеральный закон «О животном мире» содержит понятия «животный мир» и «объект животного мира» [9]. Имущественные отношения в области охраны и использования животного мира регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Животный мир в пределах территории Российской Федерации является государственной собственностью. Действие закона распространяется на диких животных, причем как на популяции, так и на отдельные организмы. Условием является нахождение животного в естественной среде обитания. В то же время юрисдикция закона не распространяется на сельскохозяйственных и других одомашненных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе

(условно назовем эту группу «домашние животные»). Права на этих животных возникают в соответствии с Гражданским кодексом РФ и другими федеральными законами. Общие положения гражданского законодательства определяют принадлежность данной группы животных к имуществу. К животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности. Распространяется ли действие данной статьи на все объекты животного мира или только на домашних животных? Являются ли дикие животные имуществом?

Анализируя законодательство и решения судов, мы можем установить, что предметом сделки могут являться только домашние животные и, соответственно, не могут являться дикие. Дикие животные, объединенные родовыми признаками, находятся в государственной собственности. Домашние животные являются объектами гражданских прав, поскольку могут обладать индивидуально-определенными признаками, на основании которых их можно выделить из ряда однородных вещей. Данные объекты могут передаваться в частную, муниципальную и иные формы собственности.

Право собственности на отдельные объекты животного мира имеет некоторые особенности. Так, законом 2004 года отдельно выделяется режим пользования водными биологическими ресурсами (водные биоресурсы). К ним относятся рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы. Водные биоресурсы находятся в федеральной собственности, за исключением биоресурсов, обитающих в прудах, обводненных карьерах, которые могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов РФ, муниципальной и частной собственности.

В 2009 году был принят очень важный и долгожданный федеральный закон, которым осуществляется правовое регулирование в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов [7]. Законом устанавливается, что физические и юридические лица, обладающие правом на добычу охотничьих ресурсов, приобретают право на продукцию охоты в соответствии с гражданским законодательством.

Законодательство об особо охраняемых природных территориях (ООПТ) и объектах основано на Конституции РФ и находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ [5]. Имущественные отношения в области использования

и охраны ООПТ регулируются гражданским законодательством. Законом РФ и субъектов РФ могут быть установлены различные виды и категории ООПТ и статус находящихся на них природоохранных учреждений.

Особо охраняемые природные территории – это участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны. Особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния.

Особо охраняемые природные территории могут находиться в государственной или муниципальной собственности. В пределах ООПТ могут возникать права третьих лиц на землю и иные природные ресурсы. В случаях, предусмотренных федеральными законами, допускается включение в земли особо охраняемых природных территорий земельных участков, принадлежащих гражданам и юридическим лицам на праве собственности.

Особо охраняемые природные территории могут иметь федеральное, региональное или местное значение. ООПТ федерального значения являются федеральной собственностью и находятся в ведении федеральных органов государственной власти, за исключением земельных участков, которые находятся в границах курортов федерального значения и в соответствии с федеральным законом подлежат передаче в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальную собственность либо отнесены к собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности. ООПТ регионального значения являются собственностью субъектов Российской Федерации и находятся в ведении органов государственной власти субъектов Российской Федерации. ООПТ местного значения являются собственностью муниципальных образований и находятся в ведении органов местного самоуправления.

Правовые основы обращения с отходами производства и потребления устанавливаются в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья.

Законом признается, что отходы являются объектом права собственности, что способствует их вовлечению в хозяйственный оборот и делает

их предметом гражданско-правовых сделок [6]. Объектом права собственности могут быть самые разные движимые и недвижимые вещи. Разновидностью движимых вещей являются отходы. Право собственности на отходы принадлежит собственнику сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, а также товаров (продукции), в результате использования которых эти отходы образовались. Таким образом, основания возникновения права собственности на отходы регламентируются в соответствии с гражданским законодательством. В частности, в соответствии со ст. 136 ГК РФ поступления, полученные в результате использования имущества (плоды, продукция, доходы), принадлежат лицу, использующему это имущество на законном основании, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором об использовании этого имущества.

Право собственности на отходы может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении отходов. Собственник отходов I – IV класса опасности вправе отчуждать эти отходы в собственность другому лицу, передавать ему, оставаясь собственником, право владения, пользования или распоряжения этими отходами, если у такого лица имеется лицензия на осуществление деятельности по использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов не меньшего класса опасности.

Таким образом, закон ограничивает оборотоспособность вещей (отходов), определяя специальный порядок совершения сделок.

Частным случаем данного ограничения является требование ст. 5 закона об уничтожении химического оружия, согласно которой отходы, образующиеся в процессе уничтожения химического оружия, являются ограниченно оборотоспособными объектами и могут передаваться Правительством РФ организациям независимо от организационно-правовых форм в целях вовлечения указанных отходов в хозяйственный оборот в установленном порядке. Преимущественным правом на использование отходов в указанных целях обладают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых находятся объекты по хранению химического оружия и объекты по уничтожению химического оружия.

Более сложным с правовой точки зрения случаем ограничения отходов в обороте является ситуация с оборотом лома цветных и черных металлов. С одной стороны, предусмотрено наличие специального перечня видов лома цветных и черных металлов, которые могут свободно отчуждаться гражданами; юридические лица и индивидуальные предприниматели могут осуществлять

обращение с ломом и отходами цветных металлов и их отчуждение в случае, если имеются документы, подтверждающие их право собственности на указанные лом и отходы. С другой стороны, наличие вышеназванного перечня ограничивает не оборот черных и цветных металлов как таковой, а лишь прием указанных металлов у населения специализированными пунктами приема. Отчуждение такого лома гражданами друг другу никак законом не ограничивается.

Принципиально важным является и основание приобретения в собственность таким гражданином лома цветных металлов либо иных отходов производства и потребления. В силу п. 4 комментируемой статьи право собственности у лица возникает лишь на те отходы, которые находятся на земельном участке (водоеме), принадлежащем ему на праве собственности (праве землевладения, землепользования или аренды). Из этого следует, что сбор вещей (отходов) на городской свалке не влечет приобретения права собственности на них (собственником будет муниципальное образование).

Такой вывод обусловлен, в частности, тем, что жильцы не являются участниками правоотношений по обращению с отходами – функции по обращению с отходами при размещении отходов населения, выполняя муниципальный заказ, осуществляют муниципальные унитарные предприятия, юридические лица других организационно-правовых форм в рамках осуществления своей основной деятельности. Поэтому отходы, образовавшиеся в результате жизнедеятельности населения, являются собственностью муниципального образования, что создает последующую обязанность по их сбору, вывозу, утилизации и переработке.

В заключение мы можем сказать, что природные ресурсы, природные объекты могут являться объектами гражданских прав, имуществом особого рода. Конституционные основы защиты естественных (традиционных) прав населения на пользование жизненно необходимыми объектами могут создавать особые запреты и ограничения в приобретении права собственности. Ресурсы, обеспечивающие национальную и международную безопасность, могут находиться только в федеральной или государственной собственности, могут быть изъяты из оборота. Такой механизм позволяет государству обеспечивать право граждан на благоприятную окружающую среду.

Тем не менее существуют проблемы реализации естественных прав граждан на пользование окружающей средой, и сама возможность частной собственности на водные объекты, лесные участки существенно затрудняет реализацию права гражданина на жизнеобеспеченность.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенными Законами РФ о поправках у Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – URL: http://www.consultant.ru/

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. – № 51-ФЗ. – Ч. 1. – URL: http://www.consultant.ru/

3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 окт. 2001 г. – № 136-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

4. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 дек. 2006 г. – № 200-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

5. Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. – № 33-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

6. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24 июня 1998 г. – № 89-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

7. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. – № 209-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

8. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 янв. 2002 г. – № 7-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

9. О животном мире: Федеральный закон от 24 апр. 1995 г. – № 52-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/

10. О недрах: закон РФ от 21 февр. 1992 г. – № 2395-1. – URL: http://www.consultant.ru/

11. Об утверждении Положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования: постановление Правительства РФ от 8 июня 1996 г. – № 667. – URL: http://www.consultant.ru/

12. О порядке формирования целевого земельного фонда для расселения беженцев и вынужденных переселенцев и режиме его использования: постановление Правительства РФ от 14 марта 1995 г. – № 249. – URL: http://www.consultant.ru/

13. Об утверждении СанПиН 2.2.1/2.1.1.2361-08: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 10 апр. 2008 г. – № 25. – URL: http://www.consultant.ru/

14. По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 9 янв. 1998 г. – № 1/–П. – URL: http://www.consultant.ru/

15. *Агеев В.Н.* Международные стандарты в области ограничения прав и свобод личности // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 10–13.

16. *Андреев Ю.Н.* Ограничения в гражданском праве России. – М.: Юрид. центр Пресс, 2011. – 400 с.

17. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.В. Чубукова, М.Ю. Тихомирова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2007. – 320 с.

18. *Сиваков Д.О.* Водное право: учеб.-практ. пособие. – М.: Юстицинформ, 2007. – 263 с.

19. С*олдатенков В.В*. Право собственности на землю в Российской Федерации // Гос. власть и местное самоуправление. – 1998. – № 1. – С. 18.

20. *Стародумова С.Ю.* К вопросу о приобретении права собственности на землю в Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2009. – № 4. – С. 50–52.

21. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 495 с.

УДК 34

Довгяло Валерий Казимирович
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
правовых дисциплин и методики преподавания права

Колышкина Вера Андреевна
студентка факультета правового и социально-педагогического образования

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: dvk_68@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Valery K. Dovgyalo
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines and Methods of Teaching Law

Vera A. Kolyshkina
Student of the Faculty of legal and social-pedagogical education

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: dvk_68@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CITIZENS TO GENERAL EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: WAYS OF SOLUTION (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

Аннотация. Рассматриваются проблемы реализации гражданами права на общее образования на примере Пермского края; проводится анализ судебной практики, отчетов Министерства образования и науки и уполномоченного по правам человека в Пермском крае.

***Ключевые слова*:** право на общее образование, стандарты образования, реализация права на общее образование.

© Довгяло В.К., Колышкина В.А., 2017

Abstract. Considers the problems of realization of citizens ' right to a General education on the example of Perm region; the analysis of judicial practice, reports of the Ministry of education and science and the Commissioner for human rights in Perm Krai.

Keywords: general education, educational standards, the problems of implementing general education.

Образование играет первостепенную роль в жизни человека и общества. Оно является транслятором знаний, умений, культурных и духовных ценностей, исторического и нравственного опыта, мировоззрения, мышления и самосознания [9]. Право на образование в системе фундаментальных прав человека занимает особое место, поскольку является естественным правом и нормативно закреплено как в нормативных документах международного сообщества, так и в актах Российского государства.

Образование, обладая культурной ценностью как основа духовного совершенствования личности, является средством экономического благосостояния человека и развития общества, что определяет конституционное закрепление права на образование в качестве одного из основных прав человека и гражданина и влечет за собой необходимость обеспечения гарантий его реализации.

Несмотря на нормативное закрепление права граждан на образование, возможности его реализации в разных странах существенно отличаются. Вызвано это различными особенностями государств: историческими, культурными, политическими, религиозными и иными.

Право на образование, являясь одним из важнейших прав человека, в силу своего социального характера нуждается в социально-правовом обеспечении, которое может быть предоставлено только государством. Поэтому закрепленная в Конституции РФ международно-правовая норма, устанавливающая, что «каждый имеет право на образование» [1, ч. 1 ст. 43], должна быть подкреплена соответствующими государственными гарантиями. По нашему мнению, государственные гарантии обеспечивают возможность гражданину совершить переход от декларируемой в законе возможности к действительности. То есть гарантия состоит в том, чтобы обеспечить гражданам фактическое пользование конституционными правами и свободами.

На сегодняшний день реализация права на общее образование имеет ряд проблем требующих решения. Например, интенсивное обновление законодательства в сфере образования не позволяет избежать споров о реализации норм такого законодательства; низкий уровень финансирования

образования – обеспечить реализацию стандартов образования и т. д. В ст. 5 закона «Об образовании в РФ» не устанавливаются государственные гарантии выделения финансовых средств на нужды образования, хотя в старом законе существовал норматив 10 % национального дохода. Таким образом, государство сняло с себя ранее зафиксированные обязательства. Как следствие, деструктивными проявлениями в образовании стали его платность и снижение качества.

Международные стандарты, задавая общее направление развитию современного образования, содействуют формированию общего образовательного пространства. Однако лишь законодательство государства наполняет право на образование конкретным содержанием.

Право на образование в большинстве стран закреплено на конституционном уровне правового регулирования, что служит дополнительной политико-правовой гарантией его реализации. Международные стандарты задают общее направление развитию современного образовательного права, содействуют формированию общего образовательного пространства. Нормы, определяющие универсальные международные стандарты права на образование, содержатся в актах, принятых Организацией Объединенных Наций и ее специализированными учреждениями (ЮНЕСКО, МОТ и др.).

Среди первых основополагающих документов, закрепивших право граждан на образование, является принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года «Всеобщая декларация прав человека». Декларация охарактеризовала право на образование как одно из фундаментальных прав человека [4]. Далее, право на образование получило развитие в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года, где говорится о «праве каждого человека на образование», включая «обязательное и бесплатное для всех начальное образование».

Еще одним документом, отражающим необходимость и значимость права на образование, стала «Европейская конвенция по правам человека» (далее – ЕКПЧ) [5, с. 1514]. Определение содержания прав, закрепленных в ЕКПЧ, является, согласно ст. 32 ЕКПЧ, прерогативой Европейского суда по правам человека, осуществляемой им в ходе рассмотрения конкретных дел.

О правах ребенка как первичного субъекта образования, нуждающегося в особой защите государства, стали говорить только в XX веке с принятием Женевской декларации («Декларации о правах ребенка» 1924 года). Она четко определила стратегическое направление: «государства обязаны проявлять особую заботу о детях» ввиду их умственной и физической незрелости [6].

Принятие Устава ООН (1945) и «Всеобщей декларации прав человека» (1948) позволило в 1959 году провозгласить «Декларацию прав детей». Впервые на международном уровне подчеркивается особый статус ребенка-инвалида и его образовательных потребностей.

Законодательство Российской Федерации стремится привести свои нормы в соответствие с международными стандартами прав человека, во многом расширяя отдельные нормы. В преамбуле Конституции Российской Федерации отмечается, что многонациональный народ России осознает себя частью мирового сообщества. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание и защита которых является обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Ст. 43 Конституции РФ закрепила право каждого на образование, которое является гарантированно общедоступным и бесплатным. В то же время установлена обязанность каждого гражданина получить основное общее образование [1].

Развитием положений Конституции РФ является федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Законом определены принципы в области образования: приоритетность образования, недопустимость дискриминации в сфере образования, единство образовательного пространства, обеспечение права на образование в течение всей жизни гражданина и т.д. [2]. Законом также установлены полномочия органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере образования, система образования и ее структура, раскрыты основные категории сферы образования.

Помимо Конституции РФ и ФЗ «Об образовании в РФ», нормативно-правовое обеспечение реализации права на образование осуществляется федеральными государственными образовательными стандартами, указами президента, постановлениями правительства, приказами Министерства образования и науки РФ, распоряжениями, приказами Рособрнадзора, а также нормативными актами субъекта РФ (например, закон Пермского края от 12.03.2014 № 308-ПК «Об образовании в Пермском крае»).

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей право граждан на общее образование, позволяет выделить своего рода стандарты образования:

1. Доступность как первостепенное условие реализации права на образование. На всей территории государства должны быть доступны как непосредственно образовательные организации, так и образовательные программы в целом. Кроме того, понятие «доступность» включает в себя:

– отсутствие дискриминации, т. е. доступность образования для всех, независимо от национальности, пола, социального положения, физического и умственного развития и т. д.;

– физическая доступность, т. е. физическая досягаемость, разумное географическое удаление учебного заведения либо возможность получения образования посредствам современных технологий (например, дистанционное обучение);

– экономическая доступность, т. е. бесплатность получения начального, среднего, общего образования.

2. Бесплатность. Общее образование на территории Российской Федерации должно предоставляться каждому на бесплатной основе. Финансирование обеспечения обучающихся учебными пособиями и иными учебными материалами, техническое оборудование кабинетов, доставка обучающихся из отдаленных местностей осуществляется из государственных и муниципальных бюджетов. Запрещается принудительный сбор денежных средств с родителей (законных представителей) обучающихся.

3. Приемлемость. Форма и содержание образования, включая программы и методы обучения, должны быть приемлемыми (например, адекватными, учитывающими культурные особенности и качественными) для учащихся, а в соответствующих случаях – для родителей; этот критерий обусловлен целями образования и минимумом требований для образования, который может быть установлен государством.

4. Качество. Общее образование, предоставляемое образовательными организациями, должно соответствовать установленным Конституцией РФ, федеральными законами, ФГОС требованиям. Материал учебных предметов должен вычитываться в полном объеме. Работать в образовательных организациях должны только квалифицированные, профессиональные кадры.

5. Наличие. На территории государства должно иметься достаточное количество действующих учебных заведений и программ. Условия, необходимые для их функционирования, зависят от целого ряда факторов, включая уровень развития, при котором они действуют (профессиональный преподавательский состав, санитарно-гигиенические условия и проч.), при этом некоторым из них также потребуются такие элементы инфраструктуры, как библиотека, компьютерные средства и информационная технология. Должны быть специализированные учреждения или специализированные классы для детей с ограниченными возможностями здоровья. При этом государства должны стремиться к интеграции (совместному обучению обычных детей и детей-инвалидов) и, по возможности, отказаться от принципа сегрегации (раздельного обучения детей по признаку здоровья).

6. Адаптируемость. Образование должно быть гибким, способным соответствовать потребностям изменяющегося общества и отдельных его институтов. Адаптируемость также понимается как программа обучения по адаптируемым методам, в соответствии с которыми дети с особыми образовательными потребностями могут получать образование.

Следует отметить, что международные стандарты прав на образование претерпевают изменения, улучшая положение граждан. Российские стандарты образования соответствуют международным договорам, предоставляя гражданам право на получение образования. Основную роль в реализации права человека на образование принимает на себя государство.

В условиях стремительных, глобальных изменений в российском социуме образование, по оценкам специалистов, пребывает в кризисе. Несмотря на то что законодательство как на международном, так и на национальном уровне особым образом закрепляет право на образование, ежегодные доклады правозащитных организаций и уполномоченных по правам человека и правам ребенка свидетельствуют о нарушениях реализации прав участников образовательных отношений.

Обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного среднего общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях посредством формирования и осуществления расходов относится к предмету ведения субъектов. В целях реализации основных общеобразовательных программ из бюджетов субъектов выделяются субвенции местным бюджетам в размере, необходимом для оплаты труда работников муниципальных общеобразовательных учреждений, формирования учебно-методической базы общеобразовательных учреждений, обеспечения хозяйственных нужд в соответствии с нормативами, установленными законами субъекта Российской Федерации.

В Пермском крае финансирование общего образования осуществляется в соответствии с принципами нормативного подушевого финансирования и, как показывает анализ бюджета региона, их объем постепенно растет [10]. В то же время возможности бюджетов муниципальных образований различны и не позволяют обеспечить полноценную реализацию прав граждан.

Среднее общее образование способствует формированию базового объема знаний, социализации личности, без которых невозможно получение профессиональных знаний, и, инвестируя в образование, государство увеличивает свой же капитал. Осуществляя расходы на образование,

государство возвращает затраченные бюджетные средства через определенное количество лет в виде подготовленных кадров, в которых оно нуждается вне зависимости от стадии своего развития. Таким образом, формирование расходов на образование первостепенным образом зависит от государственной политики в сфере образования в Российской Федерации и субъектах федерации.

Государство, не вкладывая в образование необходимые финансовые средства, порождает проблему дефицита педагогических кадров и не всегда высокой квалификации учителей, особенно в сельской местности. Молодые специалисты крайне неохотно идут работать в образовательные организации из-за низкого уровня как заработной платы, так и престижа профессии, что сказывается на снижении качества получаемого образования.

Нельзя сказать, что педагогические работники не поддерживаются. Например, в ст. 23 закона Пермского края «Об образовании в Пермском крае» установлены меры социальной поддержки педагогических работников в виде единовременных пособий выпускникам и других выплат. За счет средств краевого бюджета педагоги, прибывшие на постоянное место жительства в сельские населенные пункты края в связи с трудоустройством в образовательное учреждение начального, основного и среднего общего образования будут иметь право на единовременную компенсационную выплату на приобретение или строительство жилого помещения в размере до 1 млн. рублей [7]. Однако жесткие требования к получению выплат, ограниченный бюджет, разная трактовка норм закона чиновниками районных отделов образования приводят к ограничению мер социальной поддержки педагогических работников.

Анализ деятельности образовательных организаций общего образования, судебной практики и статистики, отчетов государственной инспекции по контролю и надзору в сфере образования Пермского края позволил выявить нарушения в ходе реализации прав граждан на общее образование, которые можно объединить в проблемные зоны.

Во-первых, нарушение принципа бесплатности предоставления общего образования в государственных и муниципальных образовательных организациях [11]. В данном случае можно отметить несколько аспектов:

1. Квотирование мест в дошкольных учреждениях либо предоставление их на платной основе.

2. Принуждение родителей обучающихся к оплате различных услуг.

Незаконное взимание денежных средств с родителей учащихся – одна из наиболее распространенных и важнейших проблем. «Поборы» с родителей

стали достаточно частым явлением в образовательных организациях: взимание обязательного ежемесячного целевого взноса с родителей за обучение, сбор средств с родителей на приобретение средств обучения и учебников, оплата охранных услуг и т. д. [12].

Например, постановлением мирового судьи Большесосновского судебного района был привлечен к административной ответственности директор МБОУ «Частинская СОШ» по ч. 1 ст. 5.57 КоАП РФ за нарушение прав обучающихся на получение бесплатных учебных пособий [3]. Рабочие тетради, входящие в комплект учебников приобретались за счет родителей. Директору школы назначено наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей. Анализ судебных решений, представлений прокуроров показывает, что количество таких нарушений не уменьшается (в частности, в Усольском районе, г. Перми и др.) [13].

Во-вторых, нарушения, связанные с доступностью образования, т. е. физической возможностью посещать образовательную организацию и присутствовать на уроках.

В 2016 году Правительством Пермского края была реализована программа доступности дошкольного образования с трехлетнего возраста. Было построено пять дошкольных учреждений на 735 мест, создано 3790 новых учебных мест в школах Пермского края, из них 1200 мест – в новых. Однако проблемы очередности в детские сады, отсутствия детских яслей и объективной информации о перспективах получения места в детском саду, непрозрачности процедуры приема детей в детские сады остались [7].

На сайте администрации Перми www.gorodperm.ru размещена и постоянно обновляется информация о порядке устройства ребенка в детский сад, порядке дополнительного набора детей, категориях граждан, имеющих льготы при зачислении детей в дошкольные учреждения, детских садах Перми. В то же время информация о вводе в действие новых детских садов недоступна гражданам.

Кроме того, о нарушении принципа доступности в отдельных образовательных организациях Пермского края говорят отчеты Государственной инспекции по надзору и контролю в сфере образования Пермского края, в частности, доклад о качестве (по итогам контрольно-надзорной деятельности в 2015 – 2016 годах), отчеты о результатах плановых выездных проверок управлений образования районов и образовательных организаций (в частности, в Кишертском муниципальном районе и т. д.).

В-третьих, нарушения в организации образовательного процесса при реализации ФГОС. В нарушение требований ФГОС дошкольного образования не соблюдается вариативность, доступность, насыщенность предметно-развивающей среды. Недостаточно игрового оборудования и игр, пособий и материалов для организации самостоятельной продуктивной изобразительной деятельности в соответствии с реализуемой программой. Существуют нарушения психолого-педагогических и кадровых условий реализации программы [12]. Это связано с приемом на работу воспитателей, не имеющих уровня образования, соответствующего квалификационным требованиям. Ситуация с недостаточным уровнем квалификации педагогических кадров является типичной, но учреждениями не используется возможность приема на работу педагогических работников по рекомендации аттестационной комиссии.

Достаточно частыми являются нарушения в области переаттестации учеников, отчисление их из образовательной организации, реализация ФГОС не в полном объеме. Так, в ходе рассмотрения дела № 5-589/2016 постановлением мирового судьи Свердловского судебного района г. Перми был привлечен к ответственности директор НОУ «Гимназия им. М.И. Пинаевой» за нарушение правил перевода обучающихся из одной организации в другую, непредставление соответствующей документации. Наказание в виде административного штрафа составило 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей [13].

*В-четвертых***,** качество образования, а именно: квалифицированный, профессиональный педагогический коллектив, предоставление учебного материала в полном объеме, доступ к электронным системам. О ряде показателей качественности образования в Пермском крае можно судить по рис. 1. Анализ результатов образовательной деятельности в Пермском крае в 2015 – 2016 годах показал достаточно высокий уровень подготовки выпускников школ по всем предметам учебного плана [8].

В-пятых, адаптируемость образования к современным условиям. Предоставляемое образование не соответствует условиям современного интегративного общества, реализация образовательных программ без применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (например, при обучении на дому). Часто муниципальные органы власти не создают необходимых условий для получения качественного образования лицам с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений их развития и социальной адаптации, оказания им ранней

коррекционной помощи (в частности, не создают психолого-медико-педагогические комиссии, хотя это в их компетенции).

Рис. 1. Типичные нарушения образовательной деятельности, выявленные государственной инспекцией по надзору и контролю в сфере образования Пермского края

Реализация права на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов традиционно является одним из значимых аспектов государственной политики в сфере образования. В отдельных районах Пермского края (в частности, в Кишертском муниципальном районе) не созданы необходимые условия для получения качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений их развития и социальной адаптации, оказания им ранней коррекционной помощи. В районах не создаются территориальные психолого-медико-педагогические комиссии; органами местного самоуправления не реализуется право на создание центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи с функциями психолого-медико-педагогической комиссии при наличии потребности в таковых. Локальные нормативные акты об инклюзивном, в частности интегрированном, обучении детей с ОВЗ не предусматривают выдачи документа государственного образца, что противоречит ст. 60 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (Шумковская ООШ) и т. д» [8].

Исходя из вышеизложенного, с учетом практики Пермского края по реализации прав граждан на общее образование (реализация проектов «Мобильный учитель», «Онлайн-педагог», строительство новых детских садов, школ, домов учителей и прочее) можно предложить следующие пути решения изученных проблем:

Во-первых, усиление заинтересованности молодых специалистов в работе в образовательных организациях посредством предоставления определенных льгот при поступлении на работу (снижение требований к опыту работы, заключение контракта между студентами и потенциальными работодателями – образовательными организациями, предоставление определенных субсидий для молодых специалистов, работающих в малокомплектных школах).

Во-вторых, изменение системы обучения студентов педагогических вузов, которая отвечала бы тенденциям современного общества, уровню информатизации, тем самым позволяя подготовить профессиональные, квалифицированные кадры.

В-третьих, усиление государственного и общественного контроля. В качестве особо значимых сфер образовательной деятельности, которые необходимо контролировать, следует выделить: соответствие деятельности образовательных организаций лицензионным требованиям, обеспечение безопасности участников образовательных отношений, соблюдение санитарных норм и правил, финансовая деятельность, обеспечение стандартов качества знаний, квалификация педагогов и воспитателей и т. п. Общественный контроль должен дополняться традиционными ведомственными проверками.

В-четвертых, ужесточение мер административной ответственности в случаях нарушения права на образование, в частности, за ряд нарушений в области охраны здоровья обучающихся, обеспечения нормальных условий пребывания в образовательной организации, соответствующих ФГОС, СанПиН и иным требованиям российского законодательства.

Подводя итог, следует отметить, что проблемные ситуации в сфере реализации права на общее образование в большинстве случаев вызваны недостаточными знаниями субъектов образования в области прав человека; недостатком у педагогов умений и навыков, позволяющих решать задачи образования и воспитания, не нарушая прав человека; сложившейся системой организации воспитательного и образовательного процесса; государственной политикой в сфере образования.

Первостепенной задачей является правовое просвещение и образование субъектов образовательной деятельности относительно реализации их прав

и обязанностей в области образования. Должны приниматься и реализовываться долгосрочные проекты, которые решат вопросы правовой неграмотности субъектов образовательных отношений, например, через трансляцию прав и обязанностей в области образования в локальных актах образовательных организаций, отведение отдельных часов в педагогических вузах на темы, связанные с правами обучающегося, либо введение в образовательные программы отдельной дисциплины «Права человека».

Кроме того, сама по себе государственная политика в сфере образования должна быть адаптирована к современным требованиям и тенденциям образовательной среды. Государственные стандарты должны содержать требования не только к учебным дисциплинам, но и к инструментам и методикам преподавания, предлагая образовательным организациям наиболее эффективные пути предоставления качественного и современного образования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенными Законами РФ о поправках у Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // Российская газета. – 2012. – 31 дек. – № 303.

3. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 17.04.2017, с изм. от 23.05.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2017) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – 5 апр. – № 67.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : [Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.] // Информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям. – URL: http://www.echr-base.ru/pact_oon.jsp (дата обращения: 06.09. 2017).

7. Администрация г. Перми: официальный сайт: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gorodperm.ru (дата обращения: 11.09. 2017).

8. Государственная инспекция по надзору и контролю в сфере образования Пермского края: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosobrnadzor.permkrai.ru (дата обращения: 04.09. 2017).

9. *Ефимова П.С.* Реформа образования: традиции и инновации // Научная дискуссия современной молодёжи: педагогика и психология: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Наука и просвещение, 2016. – С. 80–82.

10. О бюджете Пермского края на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов (с изменениями на 08.12.2013): Закон Пермского края от 19 декабря 2012 г. № 139-ПК // Кодекс: законодатепльство, комментарии, консультации, судебная практика. – URL: http://docs.cntd.ru/document/911539386 (дата обращения: 01.09. 2017).

11. *Остапец О.Г., Карномазова А.А.* Проблемы реализации права на образование в контексте российского законодательства: современный этап // Перспективы развития науки и образования: IX междунар. науч.-практ. конф. – М.: Туголуков А.В., 2016. – С. 56–62.

12. Права человека в школах Пермского края: Итоговый отчет о проведении мониторинга / И.А. Германов, Е.Б. Плотникова, А.Б. Суслов, М.В. Черемных; под ред. А.Б. Суслова. – Пермь, 2014. – 84 с.

13. РосПравосудие – судебная практика: [Электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/region-permskij-kraj-s (дата обращения: 08.09. 2017).

УДК 35.084.3

Бисенгулова Альфия Рашитовна
магистрант Института исторического и правового образования

Носова Диана Хасановна
преподаватель кафедры права и обществознания

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы», г. Уфа, Россия
450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 55а,
e-mail: alfiya.bisengulova@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Alfiya R. Bisengulova
Student-graduate of the Institute of historical and legal education

Diana H. Nosova
Teacher of the Chair of Law and Social Studies

Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education 'Bashkir State Pedagogical University M. Akmulla'
450000, Ufa, Russia, 55a, October revolution Str.,
e-mail:alfiya.bisengulova@mail.ru

PROFESSIONAL DEFORMATION OF ATS STAFF AND METHODS ITS WARNINGS

Аннотация. Профессиональная деформация – это процесс и результат негативных изменений личности сотрудника, его профессиональных навыков под воздействием внешних факторов. В современных условиях сотруднику органов внутренних дел необходимы не только высокая профессиональная подготовленность, но и устойчивые профессиональные морально-психологические качества.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, профессиональная деформация, личность, служебная деятельность, полиция, синдром «эмоционального выгорания», закон.

© Бисенгулова А.Р., Носова Д.Х., 2017

Abstract. Professional deformation is the process and result of negative changes in the personality of the employee, his professional skills under the influence of external factors. In modern conditions, the employee of the internal affairs bodies need not only high professional preparedness, but also stable professional moral and psychological qualities.

Keywords: employee ATS, professional deformity, personality, service activities, police, syndrome of «emotional burnout», the law.

Для успешной деятельности каждая профессия требует от работника наличия определенных трудовых качеств. В современных условиях сотруднику органов внутренних дел необходимы не только высокая профессиональная подготовленность, но и устойчивые профессиональные морально-психологические качества. Ненормированный рабочий день, постоянный контакт с асоциальными элементами, необходимость полной отдачи психических и физических сил снижают функциональные резервы организма вплоть до их полного истощения. Поэтому тема деформации личности сотрудника органов внутренних дел является достаточно актуальной на сегодняшний день.

Профессиональная деформация – это процесс и результат негативных изменений личности сотрудника, его профессиональных навыков под воздействием внешних факторов, которые приводят к неадекватному поведению и утрате профессиональной компетенции [3].

В настоящее время выделяют два уровня проявления профессиональной деформации: личностно-психологический и социальный [2]. На личностно-психологическом уровне она непосредственно связана с негативными изменениями в структуре и динамике личности. Что же касается социального уровня, то там присутствует определенная связь с отрицательными последствиями для общества. Оба уровня диалектически взаимосвязаны.

В зависимости от ведущей причины и направления профилактической работы выделяют три подхода к определению профессиональной нравственной деформации:

– социоцентрический – акцентирует внимание на ведущей роли внешних причин (динамика преступности, экономическая ситуация, политические решения и т.п.), сосредоточен на объективно-аналитическом и организационно-воспитательном направлениях профилактической работы;

– психологический – признает решающую роль внутренних причин (знания, ценностномотивационные установки и др.) и нацелен на индивидуальную или групповую воспитательную работу;

– комплексный – диалектически синтезирует внешние и внутренние причины; в организации профилактической работы ориентирован на оптимальное сочетание соответствующих средств [Там же].

На сегодняшний день в профилактике профессиональной нравственной деформации в ОВД преобладает социоцентрический подход.

Служебная деятельность сотрудника полиции предъявляет к его личности постоянно растущие требования, в том числе к нравственной устойчивости и надежности. Его деятельность выполняется в экстремальных условиях, характеризующихся ненормированным объемом решаемых задач, эмоционально напряженным характером содержания, организации. Однако не каждый сотрудник может адаптироваться к постоянно растущим требованиям и эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. Поэтому возрастает вероятность возникновения и развития неблагоприятных психических и эмоциональных состояний. Самым устойчивым и прогрессирующим со временем и незаметным для личности является эмоциональное выгорание. Проблема эмоционального выгорания, по нашему убеждению, является одной из главных для сотрудников полиции, работающих в экстремальных условиях психологически напряженной служебной деятельности в современной социальной ситуации реформирования Министерства внутренних дел и его подразделений.

Синдром «эмоционального выгорания» – это сложный психофизиологический феномен, характеризующийся эмоциональным, умственным и физическим истощением, возникающее в условиях длительной эмоциональной перегрузки [5].

По мнению психолога А.В. Буданова, профессиональная деформация начинается с того, что сотрудник ОВД «утрачивает истинное представление о нравственном смысле своей профессии» [1]. На наш взгляд, самым важным элементом является то, что профессиональная деформация оказывает негативное влияние на мотивацию поведения сотрудников ОВД и зачастую означает изменение отношения к объекту деятельности. Опасность профессиональной деформации не только в том, что она может, в конечном счете, привести сотрудника полиции к уголовной ответственности. Опасность еще и в том, что даже малая степень профессиональной деформации серьезно влияет на эффективность профессиональной деятельности и на человеческие качества, постепенно размывая сложившиеся устойчивые личностные позиции.

Итак, рассмотрим основные факторы эмоционального выгорания:

I. Индивидуальные (внутренние) факторы – обусловлены индивидуальными, социально-демографическими и личностными характеристиками человека. Так, В.В. Бойко отмечает наличие зависимости эмоционального выгорания от характеризующей человека эмоциональной ригидности [см. 4]. Естественно, эмоциональное выгорание как средство психологической защиты возникает быстрее у тех, кто менее реактивен и восприимчив, более эмоционально сдержан.

II. Организационные (внешние) факторы – обусловлены особенностями профессиональной деятельности: условиями работы, содержанием труда, социально-психологическими показателями. Среди организационных факторов можно выделить следующие причины «выгорания»: чрезмерный уровень напряжения и объем работы, особенно при нереальных сроках ее выполнения; физическое изнеможение, недостаточный отдых и отсутствие нормального сна; психологически трудный контингент преступников.

В конечном счете, профессиональная деформация приводит к росту нарушений сотрудниками служебной дисциплины и законности, требований профессиональной этики правоохранительных органов в целом.

Исходя из вышесказанного самой главной и актуальной задачей, стоящей перед нами, является предупреждение профессиональной деформации сотрудников.

Профилактика профессиональной деформации должна включать в себя комплекс мероприятий организационно-управленческого (проведение различных семинаров, мастер-классов), воспитательного и психологического (семинары для сотрудников для психологической разгрузки) характера, направленных на совершенствование методов управления персоналом, совершенствование системы воспитания и обучения сотрудников, организацию тщательного отбора кандидатов, изучение и анализ их деловых и нравственных качеств с учетом специфики деятельности, создание благоприятных условий жизни [3].

Непосредственными задачами, стоящими перед подразделениями органов внутренних дел, являются:

– повышение интеллектуального и духовного уровня сотрудников, в частности, встречи органов внутренних дел с представителями церквей и мечетей;

– создание и поддержание здорового морально-психологического климата в служебных коллективах, профилактика конфликтов;

– оборудование комнат психологической разгрузки (в каждом ОП они есть, но данные комнаты не посещают сотрудники из-за нехватки времени);

– плановая психодиагностика сотрудников, входящих в группу повышенного психолого-педагогического внимания.

Значительную роль играет предупреждение профессиональной деформации на стадии обучения в вузе. Тщательное планирование своей деятельности, правильное чередование труда и отдыха – основные предпосылки предупреждения профессиональной деформации. Умение активно отдыхать, наличие разнообразных непрофессиональных интересов и увлечений, содержательное общение значительно препятствуют переутомлению и перенапряжению нервно-психической сферы работника правоохранительных органов, уменьшают отрицательное действие стресс-факторов. Данные факторы должны учитываться еще при обучении в университете, и, возможно, юные кадеты и студенты смогут в будущем преодолеть профессиональную деформацию, противостоять ей.

Таким образом, морально-психологическая подготовка сотрудников должна быть направлена на формирование устойчивости к негативным факторам оперативно-служебной деятельности, конфликтным ситуациям. Весьма актуально овладение сотрудниками приемами и методами психологической саморегуляции, которые позволят преодолеть деструктивное воздействие неблагоприятных жизненных обстоятельств и сформировать психологическую устойчивость к стрессогенному влиянию профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Буданов А.В.* Работа с сотрудниками ОВД по профилактике профессиональной деформации. – М.: Домодедово, 1992. – 271 с.

2. *Долин В.А*. Профилактика профессиональной нравственной деформации сотрудника органов внутренних дел: экзистенциально-психологический подход. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnoy-nravstvennoy-deformatsii-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-ekzistentsialno-psihologicheskiy-podhod (дата обращения: 26.09. 2017).

3. *Красинская Е.С.* Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и ее предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 48–52.

4. *Сидоров П.И., Соловьев А.Г., Новикова И.А.* Синдром профессионального выгорания: учеб. пособие / под ред. П.И. Сидорова. Архангельск: Север. гос. мед. ун-т. 2007. – 176 с.

5. *Уразаева Г.И.* Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 14–20.

УДК 347.634/.637

Брюхина Евгения Рафиковна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права

Трясцына Ольга Сергеевна
студентка факультета правового и социально-педагогического образования

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: ber-20@mail.ru

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: «ЗА» И «ПРОТИВ». ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Evgeniia R. Bryukhina
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines and Methods of Teaching Law

Olga S. Tryastsyna
Student of the Faculty of legal and social-pedagogical education

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: ber-20@mail.ru

SURROGATE MOTHERHOOD: «FOR» AND«AGAINST». PROBLEMATIC ISSUES OF NORMATIVE REGULATION

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с проблемами правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации; Анализируются понятие суррогатного материнства, правовая природа договора, опыт зарубежных стран; на основе анализа, действующего законодательства и судебной практики выявлены существующие в российском праве пробелы и недостатки законодательного регулирования данных правоотношений; предложены авторские пути решения данных проблем.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, биологические родители, суррогатная мать.

© Брюхина Е.Р., Трясцына О.С., 2017

Abstract. The questions connected with problems of legal regulation of surrogate motherhood in the Russian Federation are considered; the concept of surrogate motherhood, the legal nature of the treaty, the experience of foreign countries are analyzed; on the basis of analysis, current legislation and judicial practice, the gaps and deficiencies in the legislative regulation of these legal relations exist in Russian law; suggested author ways to solve these problems.

Keywords: surrogacy, surrogate motherhood agreement, the biological parents, surrogate mother.

На протяжении всей истории существования человечества семья является основным социальным институтом общества, в котором человек получает первые знания и опыт взаимодействия с ее членами. Именно семья является базисом, в котором формируются основные черты характера ребенка и его привычки. Каким будет ребенок в будущем, в большинстве случаев зависит от отношений, складывающихся в семье. Общество постоянно развивается и меняется, а вместе с ним изменяется и семья. На современном этапе развития данного института возникает множество проблем, с которыми современное общество столкнулось впервые. Одной из таких проблем является бесплодие. По официальным данным департамента медицинской помощи детям и службы родовспоможения Министерства здравоохранения Российской Федерации, около 6 млн супружеских пар бесплодны [11]. До недавнего времени проблема бесплодия была практически неразрешима, что лишало супружескую пару возможности иметь собственного ребенка. Но благодаря быстрым темпам развития медицины и внедрению вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) расширились и возможности преодоления проблемы бесплодия. На сегодняшний день одним из популярных методов медицинского вмешательства является суррогатное материнство, благодаря которому у супружеской пары появилась возможность воспитать собственного ребенка.

Впервые об успешном суррогатном материнстве миру было заявлено в 1980 году. Первой суррогатной матерью стала Элизабет Кейн из штата Иллинойс, которой на момент оплодотворения было 37 лет. Женщина, которая не могла иметь детей, заключила с Кейн договор, согласно которому произведено искусственное оплодотворение спермой супруга бесплодной женщины, а после родов супружеская пара выплатила Кейн денежное вознаграждение [7]. С тех пор суррогатное материнство интересует исследователей с экономической, правовой, этической, медицинской и иных точек зрения. В зарубежной науке исследованием суррогатного материнства

занимались такие исследователи, как Йенс Хартманов, Энджи Годвин Мак Юэни другие. В российской науке правовые аспекты суррогатного материнства исследовали: А.С. Аникин, Т.Е. Борисова, Ю.А. Дронова, Е.С. Митрякова, В.В. Самойлова, этические вопросы рассматривали: Л.Д. Воеводин, А.В. Майфат, Ю.И. Мошкович и др.

Данный метод медицинского вмешательства для общества достаточно нов, он представляет большой интерес не только для ученых, но и для обычных людей. Отношение к данному вопросу не однозначно: одни считают, что суррогатное материнство – это положительное явление в современном обществе, ведь оно дает шанс супружеским парам, которые уже долгое время не могут родить своего ребенка, стать полноценной семьей; другие относятсяк суррогатному материнству отрицательно и утверждают, что оно живого человека превращает в товар, который необходимо отдать «заказчикам», а само материнство – в способ заработать деньги [10]. Но какие бы мнения ни существовали в обществе, суррогатное материнство остается одним из популярных методов ВРТ.

В настоящее время в РФ вопросы суррогатного материнства регламентируются следующими нормативно-правовыми актами:

1. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017).

2. Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее –ФЗ № 323).

3. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – приказ Минздрава РФ).

Данные нормативно-правовые акты регулируют лишь отдельные аспекты данного метода медицинского вмешательства. Например, в федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вопросам суррогатного материнства посвящена лишь одна статья, которая определяет общие положения данного вопроса. В ч. 4 ст. 51 СК РФ говорится, что граждане РФ имеют право при личном волеизъявлении воспользоваться программой суррогатного материнства. Каких-либо конкретных норм, которые затрагивали бы все аспекты суррогатного материнства в нашей стране, нет.

До недавнего времени в российском законодательстве отсутствовало официальное определение суррогатного материнства. Впервые понятие «суррогатное материнство» появилось в 1996 году, когда был принят новый

СК РФ, однако норму дефиниции кодекс не содержит. В ноябре 2011 года вступает в действие ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», который впервые с момента принятия СК РФ дал определение суррогатному материнству. Согласно ст. 55 данного закона под суррогатным материнством следует понимать вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показателям [4].

Однако многие ученые полагают, что данное определение является незавершенным. Например, Е.В. Стеблева считает, что суррогатное материнство – это правоотношение, которое возникает между суррогатной матерью и генетическими родителями при переносе оплодотворенной яйцеклетки в организм суррогатной матери в процедуре ЭКО с целью вынашивания и рождения ребенка с последующей его передачей [см. 9]. Е.С. Митрякова рассматривает суррогатное материнство, как правовую связь между суррогатной матерью и заказчиками, которая возникает по поводу имплантации в организм суррогатной матери генетически чужого ей эмбриона для его вынашивания, рождения и его последующей передачи заказчикам [8]. Каждое из представленных определений по-своему отражает суть данного явления, но выбрать наиболее подходящее проблематично, ведь в данном случае речь идет не только о правовом, но и о медицинском регулировании данного вопроса.

В ходе проводимого исследования респондентам был задан вопрос: «Что вы понимаете под суррогатным материнством?» Одни считают, что суррогатное материнство – это вынашивание ребенка для одиноких мужчины или женщины. Другие рассматривают его как вынашивание женщиной ребенка, зачатого посредством использования биологического материала мужчины, который состоит в браке с женщиной, не способной к зачатию и рождению ребенка. Несколько респондентов ответили, что при помощи суррогатного материнства у бесплодной семьи появилась возможность обрести счастье. Однако нашлись и те, кто считает, что суррогатное материнство – это бизнес, сделка, рождение ребенка ради денег или на заказ. На основании представленных ответов можно сделать вывод, что общество не в полной мере информировано о данном методе ВРТ; возможно, это связано с тем, что суррогатное материнство достаточно новый метод преодоления проблемы бесплодия, который только в последнее время стал набирать популярность.

Необходимо отметить, что законодатель, давая такое определение суррогатного материнства, указал, что ему в обязательном порядке сопутствует договор, но, открыв ч. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), мы не обнаружим ни содержания, ни формы, ни порядка заключения договора суррогатного материнства. Можно предположить, что договор не регламентирован нормами ГК РФ в связи с неясностью его предмета. Ведь в данном случае нет точного понимания, что будет являться предметом данного договора. Если исходить из анализа уже существующих гражданско-правовых договоров, то можно сделать вывод, что результат выполненной работы в большинстве случаев и отображается в предмете. Поэтому возникает вопрос, может ли ребенок входить в предмет договора суррогатного материнства, или под предметом следует понимать услугу по вынашиванию и рождению суррогатной матерью ребенка. В научной литературе высказывается мнение, что данные правоотношения можно урегулировать нормами гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг». Согласно ч. 2 ст. 779 ГК РФ правила настоящей главы применяются к договорам оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных, за исключением случаев, прямо предусмотренных настоящей статьей [3]. С данной точкой зрения можно согласиться, но далеко не по всем позициям.

На первый взгляд кажется, что правовая природа договора суррогатного материнства схожа с договором возмездного оказания услуг, но если внимательно посмотреть в суть первого, то можно обнаружить важные особенности. Необходимо отметить, что суть данного договора заключается не только в передаче ребенка, но и в переходе личных неимущественных прав, предусмотренных СК РФ, от суррогатной матери к генетическим родителям. Мы считаем, что договор суррогатного материнства ненужно соотносить с договором возмездного оказания услуг только из-за наличия возмездного характера. В данном случае договор суррогатного материнства представляет собой особый вид семейно-правовых соглашений (наряду с брачным договором), который долженрегулироваться нормами семейного законодательства.

Сегодня суррогатное материнство признается во многих странах мира, но отношение власти к данному методу медицинского вмешательства неоднозначно. Например, в Германии любая попытка искусственного оплодотворения расценивается как нарушение уголовного законодательства. Причем к ответственности будут привлечены как врач, так и суррогатная мать,

а вот лица, которые предоставили генетический материал, полностью освобождаются от ответственности. В таких странах, как Канада, Австралия (штат Виктория), Англия, Израиль, разрешено некоммерческое суррогатное материнство. В Англии «потенциальные родители» оплачивают исключительно текущие расходы, а в Канаде полностью запрещена любая реклама суррогатного материнства. Страны, в которых суррогатное материнство разрешено, – это Украина, Республика Казахстан, Российская Федерация, США (большинство штатов), Грузия, ЮАР. В Белоруссии, например, для того, чтобы иметь право на деятельность в сфере суррогатного материнства, клиника должна получить лицензию от государства [15].

В связи с тем что каждая из стран по-разному подходит к регулированию вопросов суррогатного материнства, их можно разделить на следующие группы: 1) страны, в которых суррогатное материнство запрещено и противоречит действующему законодательству; 2) страны, в которых разрешено только некоммерческое суррогатное материнство; 3) страны, в которых суррогатное материнство разрешено и закреплено в законодательстве.

Как видим, на сегодняшний день суррогатное материнство является легальным во многих странах мира, в том числе и в РФ, но, несмотря на то что в нашей стране суррогатное материнство официально разрешено, законодатель определился далеко не по всем позициям, многие аспекты так и не получили правового регулирования.

Одна из главных проблем, волнующих общество и государство, – защита прав детей, рожденных по программе суррогатного материнства. Хочется отметить, что законодательство РФ в первую очередь направлено на охрану прав и интересов суррогатной матери, при этом права ребенка практически не защищаются. Почему-то государство не рассматривает ситуации, когда ребенок, рожденный суррогатной матерью, может оказаться совершенно ненужным. Немало случаев, когда генетические родители отказались от рожденного суррогатной матерью ребенка. Причины отказов могут быть самые разные, но чаще всего это собственная беременность супружеской пары, рождение двойняшек или тройняшек вместо одного ребенка, «не тот» пол ребенка, который был оговорен договором, различные физические отклонения, нельзя исключать и фактов легкомыслия со стороны генетических родителей.

Согласно неофициальному источнику, в 2010 году в одном из медицинских центров Москвы суррогатная мать родила двойню. Генетические родители, проживающие заграницей, на роды не прилетели, фото

новорожденных попросили выслать по электронной почте. После родов выяснилось, что один из близнецов здоров, а второй страдает генетическим заболеванием кожи. После того как генетические родители увидели близнецов, они решили забрать только здорового ребенка. В итоге второй малыш остался сиротой, сиротой [12].

Впоследствии нарушаются права ребенка, данные ему Семейным кодексом РФ, а именно:

1) право ребенка жить и воспитываться в семье (статья 54);

2) право ребенка на общение с родителями и другими родственниками (статья 55);

3) право ребенка на защиту своих прав и законных интересов (статья 56);

4) право ребенка на имя, фамилия, отчество (статья 57);

5) имущественные права ребенка (статья 58) [2].

На наш взгляд, нормы, касающиеся детей, рожденных при помощи программ суррогатного материнства, следует ужесточить. Генетические родители должны ясно осознавать свои действия и последствия отказа от ребенка. Ведь ребенок – это не товар, который можно вернуть, если он тебе не понравился, это человек, имеющий те же права, что и мы. Предлагаем решить данную проблему путем введения государством различных санкций, вплоть до уголовной ответственности, чтобы генетические родители знали, какие последствия могут наступить при отказе от рожденного ребенка.

В случае, если ребенок остался с суррогатной матерью, должен ли он знать своих генетических родителей, должна ли суррогатная мать рассказать ему об этом или здесь можно провести аналогию с тайным усыновлением? В Российской Федерации тайна усыновления охраняется на законодательном уровне, так как ее раскрытие противоречит интересам не только родителей, но и самого ребенка. Разглашение тайны усыновления может стать причиной нравственных страданий ребенка и обострения взаимоотношений в семье. В настоящее время российское законодательство ставит юридических родителей в приоритет над биологическими, поэтому суррогатная мать, в случае отказа от ребенка его генетических родителей, будет признаваться матерью этого ребенка. Считаем, что если генетические родители отказались от своего ребенка, то в будущем они не должны иметь никаких прав в отношении него, а за разглашение тайны суррогатного материнства следует предусмотреть уголовную ответственность.

В настоящее время остро стоит проблема государственной регистрации детей, рожденных по программе суррогатного материнства. Проанализировав

судебную практику, мы встретились с множеством случаев, когда генетические родители подавали иски на действия органов ЗАГС, которые отказали им в государственной регистрации ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, в связи с тем что заявители не состояли в зарегистрированном браке. Свой отказ органы ЗАГС мотивируют нормами ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143 и п. 4 ст. 51 СК РФ. Лица, состоящие в браке и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями только с согласия суррогатной матери, при том что ребенок, рожденный суррогатной матерью, должен иметь обоих родителей, которые в обязательном порядке состоят в зарегистрированном браке [14]. Суды, руководствуясь положениями Конституции РФ, ФЗ № 323 и приказом Минздрава РФ № 107Н, удовлетворяют исковые требования и признают действия органов ЗАГС незаконными ввиду того, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в зарегистрированном браке, имеют равные права на использование программ суррогатного материнства. В российском законодательстве мы не найдем ни одной нормы, которая ограничивала бы права граждан в применении методов ВРТ [4]. Судами было отмечено, что органы ЗАГС неверно применяют данную частную норму как общую, делая из этого вывод о невозможности произвести государственную регистрацию ребенка для женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, несмотря на то что суррогатная мать предоставила письменное согласие. Чаще всего суды на основании ч. 1 ст. 6 ГК РФ, ст. 5, 6 СК РФ, ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса РФ, признают действия органов ЗАГС незаконными, нарушающими нормы Конституции РФ и принимают сторону истца, обязывая при этом произвести государственную регистрацию ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства. Чтобы раз и навсегда разрешить данную проблему, предлагаем пересмотреть законодательство нашей страны по вопросам суррогатного материнства и внести в него изменения, в которых говорилось бы о том, что лица, не состоящие в браке, имеют право воспользоваться услугами суррогатной матери со всеми вытекающими последствиями.

В настоящее время спорным является вопрос, могут ли одинокие граждане мужского пола воспользоваться услугами суррогатной матери для продолжения своего рода. В 2010 году Московский городской суд вынес первое решение, в котором обязал органы ЗАГС произвести государственную регистрацию ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства,

с биологическим материалом мужчины, который проживает один и не состоит в зарегистрированном браке. В результате в РФ было выдано первое свидетельство о рождении ребенка от суррогатной матери для одинокого мужчины [13]. В ч. 3 ст. 19 Конституции РФ говорится, что мужчина и женщина имеют равные права, свободы и возможности для их реализации [1]. Исходя из данного положения Конституции, одинокий мужчина имеет право на создание семьи, в которою будут входить отец и ребенок. Поэтому, чтобы в дальнейшем спорных ситуаций не возникало, нормы ФЗ «Об актах гражданского состояния» необходимо дополнить данным пунктом.

Не менее серьезным пробелом, на наш взгляд, является отсутствие в законодательстве требований к генетическим родителям и ответственности за отказ забирать ребенка у суррогатной матери. На сегодняшний день известно множество случаев, когда генетические родители по каким-либо причинам отказывались забирать ребенка себе. Подобный случай произошел 30 мая 2016 года в Амурской области. Генетические родители и суррогатная мать заключили устное соглашение, согласно которому они предоставляют свой биоматериал, а она рожает и передает им ребенка, но, как выяснилось позже, генетические родители передумали и отказались забирать ребенка еще до его рождения, а суррогатная мать оставить ребенка себе не захотела. В итоге малыш остался сиротой, а его воспитанием будут заниматься сотрудники детского дома [5]. Сиротство малыша – результат не только легкомыслия его генетических родителей, но и отсутствия в нашей стране закона, который бы регулировал все вопросы суррогатного материнства в РФ. Может возникнуть и такая ситуация, когда родителями хотят стать люди пенсионного возраста или с явно выраженными психическими расстройствами, то есть в случае наступления определенных юридических событий существует большая вероятность того, что ребенок останется без попечения родителей и может быть передан на воспитание родственникам или в специализированное учреждение. Введение государством санкций и требований позволит сократить число отказов от детей их генетическими родителями.

В настоящее время в Госдуму внесен законопроект о запрете суррогатного материнства в РФ. Инициатором его стал российский политический деятель, член Совета Федерации от Владимирской области Антон Беляков. Автор законопроекта отмечает, что суррогатное материнство превратилось в быстро развивающийся и практически не регулируемый государством бизнес. По его мнению, пока в России не будут разработаны комплексные меры по решению вышеперечисленных проблем, суррогатное материнство следует запретить [6].

В заключение отметим, что современное общество не полностью созрело для принятия суррогатного материнства, оно еще только стремится к этому, исследует его с разных сторон и позиций, анализирует судебную практику и опыт зарубежных стран. Современная медицина развивается довольно быстрыми темпами, и поэтому люди вынуждены в какой-то степени принимать все «чудеса» медицины как данность, не вникая при этом в суть вопроса. Исходя из результата исследования можноутверждать, что если женщина решила стать суррогатной матерью, то, скорее всего, критиковать в настоящее время ее никто не станет. Тем не менее общество все-таки осознает риск возникновения такой услуги, как «выращивание людей для трансплантации органов» при помощи программ суррогатного материнства.

На наш взгляд, чтобы преодолеть все риски и угрозы в данном вопросе, общество и государство должны пройти долгий путь, возможно, связанный с жесткими законодательными ограничениями и введением санкций для суррогатных матерей и генетических родителей с целью защиты прав и законных интересов рожденных детей. Ведь суррогатное материнство развивает в обществе потребительское отношение к детям: если ребенок рожден суррогатной матерью, от него проще отказаться и никаких санкций от государства не последует. Но ведь тот факт, что ребенокрожден суррогатной матерью, не отнимает у него ни одного из прав, данных нам Конституцией РФ и семейным законодательством. Обществу еще только предстоит решить, нужен или нет ему такой способ продолжения рода. Преодолеть все негативные тенденции невозможно без вмешательства государства. Ведь только государство способно своей законотворческой деятельностью предусмотреть все риски и последствия для такого ребенка. В настоящее время в РФ отсутствует федеральный закон, который регулировал бы данные правоотношения, но, исходя из анализа судебной практики, нашему государству такой закон необходим.

Что касается нашей позиции относительно суррогатного материнства, то она скорее нейтральная. С одной стороны это действительно помощь бездетным семьям в обретении счастья и возможности познать радость отцовства и материнства, но с другой – риск того, что ребенок в данных правоотношениях выступит «товаром», от которого вполне можно отказаться.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017).

4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017).

5. В Благовещенске родители отказались брать ребенка от суррогатной матери // 2x2.su. Полезный портал. – URL: https://2x2.su/society/news/v-blagoveschenske-roditeli-otkazalis-brat-rebenka--117803.html (дата обращения: 17.10.2017).

6. В Госдуму внесли законопроект о запрете суррогатного материнства // РБК. – URL:http://www.rbc.ru/society/27/03/2017/58d8fb119a7947d5a6a99bcb (дата обращения: 15.10.2017).

7. История суррогатного материнства [Электронный ресурс] // Центр ЭКО. – URL: http://www.best-ivf.ru/patients/istoriya-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 17.10.2017).

8. *Митрякова Е.С.* Правовое регулирование суррогатного материнства в России: автореф. дис. …канд. юр. наук. – Тюмень, 2006. – 23 с.

9. *Мубаракшина А.М.* О суррогатном материнстве в отечественной науке и законодательстве // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 167–170.

10. *Почагина О.* Суррогатное материнство в Китае // Проблемы Дальнего Востока – № 3. – 2009. – С. 142–154.

11. Состояние здоровья женщин // Здравоохранение в России – 2015. – стат.сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 55–56. –URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/zdrav15.pdf (дата обращения: 19.10.2017).

12. Суррогатная мать родила больного малыша, а миллионеры - заказчики бросили его в роддоме // Комсомольская правда. – URL: https://www.chel.kp.ru/daily/24586/755224 (дата обращения: 15.10.2017).

13. Суррогатное материнство // Академик. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152276 (дата обращения: 17.10.2017).

14. Туапсинский суд (Краснодарского края), решение от 24 ноября 2016 г. по административному делу № 2А-1633-2016, судья Еременко С.Н. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/PUrL9uU1EsC/ (дата обращения: 19.10.2017).

15. *Шпигунова Ю.А* Актуальные проблемы установления правового статуса ребенка, рожденного по программе «суррогатное материнство» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 53.

УДК 34

Шабалин Олег Михайлович
кандидат психологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: kafedra_43@pspu.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА НА ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Oleg M. Shabalin
Candidate of Psychological Science, Associate Professor of the Department
of Legal Disciplines and Methods of Teaching Law

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: kafedra_43@pspu.ru

ON THE NEED FOR INVESTIGATION OF THE INFLUENCE OF THE INTERNET ON THE DELICKVENT BEHAVIOR OF MINORS

Аннотация. Исследуется влияние интернета на делинквентное поведение несовершеннолетних, как потенциально опасного социально-психологического фактора делинквентности несовершеннолетних; приводятся мнения ученых, разрабатывающих подобные проблемы, делаются выводы о приоритете негативного влияния интернет пространства на несовершеннолетних и необходимости его дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Интернет, девиантное поведение, делинквентность, агрессивность, акцентуации характера.

Abstract. Investigates the Internet's influence on delinquent behavior of juveniles as potentially dangerous socio-psychological factors of juvenile delinquency, are the opinions of scientists who are developing such problems, make conclusions about the priority of the negative impact of the Internet on minors and the need for its further study.

© Шабалин О.М., 2017

Keywords: Internet, deviant behavior, delinquency, aggressiveness, character accentuation.

Одним из важнейших факторов формирования личности несовершеннолетних является социальное окружение. Именно система внешних воздействий значимого социального пространства формирует в подростке отношение к окружающему миру, а также разнообразные модели поведения.

Наиболее важными социальными группами являются семья, учебные коллективы и неформальные малые группы. Наряду с этими, значимыми для подростка, социальными группами в последнее время большое внимание уделяется еще одной группе социальных воздействий – влиянию средств массовой информации на формирование ценностей, психологических качеств, стереотипов поведения несовершеннолетних. Одно из ведущих мест в этой системе воздействий занимает Интернет.

Можно констатировать, что в последние три-четыре года дети России вступили в этап массового Интернета. По данным опроса, 93 % респондентов пользуются этим каналом коммуникации независимо от места проживания. Они оказывают влияние на оставшуюся в стороне от Интернета часть сверстников. В 1998 году их число не превышало 20 %, в 2005-м – 51,8 % [2].

Существует точка зрения, что средства массовой информации (СМИ) оказывают влияние на формирование делинквентного (правонарушающего) поведения несовершеннолетних. При анализе влияния СМИ на правонарушающее поведение исследователи чаще всего поднимают вопрос о пропаганде СМИ насилия. Из СМИ чаще всего анализу подвергается телевидение (ТВ), как наиболее простой и доступный информативный источник. Связь телевидения в формировании насилия представлена в работах С.Н. Ениколопова, Н.Е. Марковой, К.А. Тарасова, П.С. Самыгина, А.В. Федорова, Н.А. Балакиревой и ряда других авторов [6; 8; 11; 12; 13].

В настоящее время на первый план выходит Интернет как наиболее распространенная сфера социального воздействия. Влияние Интернета на личность подростка имеет свои плюсы и минусы. В век информационных технологий человек, использующий Интернет, значительно быстрее получает доступ к необходимой информации, имеет больше возможностей для анализа той или иной проблемы. А.Е. Войскунский отмечает, что возможностей использования Сети огромное количество [3].

Во-первых, подростки испытывают потребность в общении со сверстниками, во множестве контактов, новых знакомств, в возможности обмениваться информацией. Эту потребность они реализуют через чаты, форумы и электронную почту. Кого-то привлекает возможность общаться от разных лиц (бесплатные электронные адреса можно зарегистрировать на любые вымышленные фамилию и имя), многие подростки компенсируют в Интернете недостаток общения в повседневной жизни, используют Сеть как способ самоутверждения.

Во-вторых, Интернет позволяет подросткам получать информацию, которую они хотят иметь, а не то, что им навязывают средства массовой информации, к которым постепенно они теряют доверие. Степень доверия к информации, представленной в Сети, несколько выше, так как там они могут найти намного больше информации по одному и тому же вопросу. Постепенно человек учится работать с информацией, и нельзя недооценивать это умение в современном информационном обществе. Интернет, как и любая технология, должен помогать человеку в преодолении конкретных проблем и решении конкретных задач. Работа с информацией становится главным содержанием профессиональной деятельности в информационном обществе, необходимым компонентом информационной культуры].

Исследование «Фонда развития Интернет», проведенное Г.В. Солдатовой, О.С. Гостимской, Е.Ю. Кропалевой (2014), позволило определить круг потребностей, которые подростки удовлетворяют с помощью Интернета. Среди них: потребность в автономии и самостоятельности (в процессе социализации эта потребность предполагает, в первую очередь, стремление к независимости от родителей); потребность в самореализации и признании; потребность в признании и познании; удовлетворение социальной потребности в общении, в принадлежности к группе по интересам, в любви; потребность в обладании; познавательную потребность; также владение новыми знаниями способствует достижению признания со стороны сверстников и самореализации. В результате использования Интернета возникает ощущение полного контроля и владения ситуацией, что удовлетворяет потребность в безопасности – одну из базовых в системе потребностей человека [14].

При всем положительном в использовании Интернета может сформироваться интернет-зависимость, которая прежде всего наносит вред личности.

Интернет-зависимость – это форма девиантного поведения, связанная с навязчивым желанием подключиться к Интернету и болезненная

неспособность вовремя отключиться от Интернета. Интернет-зависимость является широко обсуждаемым вопросом, но ее статус как психического расстройства формально не установлен и она не включена в классификаторы заболеваний DSM-IV и МКБ-10.

Интернет-зависимость как форма девиантного поведения является формой аддикции, то есть ухода от реальности, значительно сужает и искажает восприятие окружающего мира и, как уже было сказано, наносит вред формированию личности молодого человека. К примеру, В.С. Маслова выявила, что отрицательными последствиями длительного использования информационных технологий являются сужение круга интересов, уход от реальности в виртуальный мир и развитие зависимости [9].

Автор также отмечает, что интернет-зависимость способствует формированию целого ряда психологических проблем: конфликтного поведения, хронических депрессий, предпочтения виртуального пространства реальной жизни, трудностей адаптации в социуме, потери способности контролировать время пребывания за компьютером, возникновения чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования Интернетом.

В настоящее время существует множество исследований о влиянии интернета на личность [3; 4; 5; 9; 15], но при этом практически отсутствуют исследования о влиянии Интернета на делинквентность несовершеннолетних. Актуальность таких исследований в настоящее время очень велика.

А.Ю. Егоров, Н.А. Кузнецова, Е.А. Петрова изучали особенности личности подростков с интернет-зависимостью и пришли к выводу, что среди них преобладают подростки с шизоидной акцентуацией характера [5]. Неожиданным может показаться достаточно большое число лиц с истероидной акцентуацией, которые, по идее, должны стремиться к постоянному нахождению «на виду», где они могли бы проявлять свои демонстративные черты. Подростки с шизоидной акцентуацией характеризуются эмоциональной холодностью, замкнутостью, погруженностью в себя, невозможностью проявлять эмпатию. Слабым звеном их личности является невозможность устанавливать эмоциональные контакты с окружающими.

Относительное преобладание шизоидных акцентуантов среди интернет-аддиктов, по всей видимости, связано с особенностями деятельности в сети – это определенный уход от реальности, что свойственно шизоидам. Авторы полагают, что это та часть истероидных подростков, чьи потребности фрустрированы в реальном мире, и что они стремятся к реализации своих истероидных черт в виртуальном мире (например, это может быть знакомство

и общение в чатах, которое со стороны истероидов имеет элементы псевдологии). Среди несовершеннолетних правонарушителей шизоидная и истероидная акцентуации характера также играют большую роль.

Связь несовершеннолетних с акцентуациями характера и делинквентности была выявлена еще А.Е. Личко [7], Ю.М. Антоняном и В.В. Юстицким [1], А.А. Реаном [10].

Эмоциональная холодность и несформированность механизма идентификации не позволяют подросткам поставить себя на место другого человека, сопереживать. Тем самым «другой» зачастую рассматривается данными подростками как средство решения собственных проблем. Несовершеннолетние правонарушители с истероидной акцентуацией характера при определенных условиях выбирают преступление и правонарушение как способ привлечения внимания.

А.Ю. Егоров, Н.А. Кузнецова, Е.А. Петрова также отмечают, что повышенная склонность к алкоголизации и наркотизации, обнаруженная у интернет-аддиктов, свидетельствует о наличии общих психологических черт у лиц, склонных к разным формам девиантного поведения. Эти и другие исследования позволяют сделать вывод о влиянии Интернета на формирование различных девиаций, том числе и делинквентное поведение.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М., Юстицкий В.В.* Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. – М.: ВНИИ МВД России, 1993. – 120 с.

2. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования / С.Б. Цымбаленко, А.В. Шариков, С.А. Майорова-Щеглова, П.Л. Макеев – М., 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/20132 (дата обращения: 28.09.2017).

3. *Войскунский А.Е.* Интернет – новая область исследований в психологической науке // Учен. зап. кафедры общей психологии МГУ. – Вып. 1. – М.: Смысл, 2002. – С. 82–101.

4. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Терра-Можайск, 2000. – 431 с.

5. *Егоров А.Ю., Кузнецова Н.А., Петрова Е.А.* Особенности личности подростков с интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 20–27.

6. *Ениколопов С.Н.* Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология, 2001. – № 1. – С. 60–72.

7. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 290 с.

8. *Маркова Н.Е.* Культуринтервенция (в сокращении). – М.: Квадрат-С, 2001. – 90 с.

9. *Маслова В.С.* Проблема интернет-зависимости среди молодежи // Культура и образование. – 2015. – № 2. – URL: http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3307 (дата обращения: 08.10.2017).

10. *Реан А.А.* Характерологические особенности подростков–делинквентов // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 139–144.

11. *Самыгин П.С.* Девиантное поведение молодежи. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 410 с.

12. *Тарасов К.А.* Воздействие насилия в фильмах: катарсис или мимесис? // Российская наука: «Природой здесь нам суждено…»: сб. науч.-популяр. ст. / под ред. акад. В.П. Скулачева. – М.: Октопус, 2003. – С. 199–255.

13. *Федоров А.В.* Медиаобразование: вчера и сегодня. – М.: Информация для всех, 2009. – 234 с.

14. Фонд Развития Интернет: [Электронный ресурс]. – URL: www.fid.ru (дата обращения: 02.10.2017).

15. *Янг К.* Диагноз интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24–29.

УДК 343

Маринкин Денис Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: mdn444@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЮРИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИ ЗАНЯТИЯ ПО ТЕМЕ «СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» ПО ДИСЦИПЛИНЕ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС» ИЛИ «КРИМИНАЛИСТИКА»

Denis N. Marinkin
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines and Methods of Teaching Law

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education 'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
614990, Perm, Russia, 24, Sibirskaya Str., e-mail: mdn444@yandex.ru

FEATURES OF REALIZATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF THE LAWYER AT PROVEDENI OF CLASS IN THE SUBJECT «INVESTIGATIVE ACTIONS» IN DISCIPLINE «CRIMINAL PROCEDURE» OR «CRIMINALISTICS»

Аннотация. Автором в статье раскрываются особенности реализации профессиональных компетенций юриста при проведении учебных занятий, освещаются ключевые цели и задачи, методики преподавателя при проведении занятий со студентами по дисциплине «Уголовный процесс» или «Криминалистика».

Ключевые слова: профессиональные компетенции, криминалистика, уголовный процесс, обучение юристов, профессиональная подготовка.

Abstract. The author reveals the peculiarities of implementing the professional competencies of a lawyer in the conduct of training sessions, highlights the key goals and objectives, the methodology of the teacher when conducting classes with students in the discipline «Criminal Process» or «Criminalistics».

© Маринкин Д.Н., 2017

Keywords: professional competences, criminalistics, criminal procedure, training of lawyers, vocational training.

С 1991 года в России проводится реформа правоохранительных органов и судебной системы. Вступивший в силу в 2002 году Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РФ) [2] в течение каждого года его действия подвергался изменению и реформированию. Его и в настоящее время именуют «новый УПК».

Уголовное судопроизводство, согласно УПК РФ, можно разделить на ряд стадий, а в целом на досудебное и судебное производства. Основная цель государственных правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование от имени государства и общества, в досудебном производстве – подготовить доказательства и материалы уголовного дела для принятия основного решения судом в судебных стадиях о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, чтобы назначить ему наказание. Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых, в частности, суд устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, указанные в ст. 73 УПК РФ (предмет доказывания). А это и есть основа итогового решения суда о вине лица в совершении преступления.

Законодатель отмечает и то, что собирание доказательств не может осуществляться иначе как посредством производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

В УПК РФ нет понятия вышеуказанных следственных действий и нет указания на их перечень. Однако в законе содержится ряд статей об основаниях их осуществления и производства и требованиях к порядку их протоколирования, участниках и других особенностях, в зависимости от ситуации расследуемого события преступлений.

Перечень следственных действий в настоящее время насчитывает порядка двадцати мероприятий, каждое из которых требует отдельного анализа и подробного исследования. Практика их осуществления (Следственного комитета, ОВД, ФСБ и других правоохранительных органов [1]) подтверждает необходимость изучения и особой тактики подготовки подобных мероприятий при обучении в процессе формирования и развития компетенций у студентов-юристов при изучении дисциплин «Уголовный процесс» и «Криминалистика».

Указанное подтверждает необходимость изучения темы «Следственные действия» в процессе изучения дисциплины «Уголовный процесс»

и «Криминалистика» с учетом представленных рекомендаций, что позволит сформировать и проверить профессиональные компетенции у обучающегося по ФГОС ВПО [3].

Целью является, таким образом, предоставление студентам информации о существующих следственных действиях в рамках уголовного процесса в Российской Федерации.

К числу задач относим необходимость:

1. Продемонстрировать примеры использования методов научного познания.

2. Сформировать у студентов знания о системе следственных действий в уголовном процессе России.

3. Подготовить студента к практической работе с законодательством и информационными ресурсами (СПС «Гарант», СПС «Консультант Плюс» и др. [7, с. 5–12]), имеющимися в распоряжении образовательного учреждения и практике правоохранительного органа – дальнейшего места практической деятельности студента.

4. Оценить работы студента в процессе изучения темы «Следственные действия» по дисциплинам «Уголовный процесс» и «Криминалистика».

5. Проверить остаточные знания по дисциплине «Уголовное право».

6. Продемонстрировать связи и соотнести полученные знания по дисциплине «Криминалистика» со знаниями по дисциплине «Уголовный процесс».

7. Выработать у студента умение составлять процессуальные документы (протоколы процессуальных следственных действий).

8. Сориентировать преподавателя на дополнительную подготовку студентов по выявленным проблемам в рамках самостоятельной подготовки студента и в часы индивидуальных и групповых консультаций.

9. Подготовить студентов к осуществлению научных исследований в рамках изучаемой дисциплины.

В процессе разработки занятий преподавателю рекомендуется при прочтении лекции студентам по данной теме пояснить сложившиеся в практике подходы к пониманию понятия следственного действия и их системы, обозначить основные источники для изучения вопросов темы самостоятельно и прояснить основные проблемы практики их производства с примерами по г. Перми и Пермскому краю (региону, городу места проведения занятий).

При подготовке проведения непосредственно практических занятий следует заблаговременно сориентировать студентов (желательно – за неделю

до начала изучения темы) на изучение специальной литературы и норм УПК РФ о следственных действиях (литература определяется в соответствии с утвержденными рабочими программами дисциплин вуза).

Следует отметить, что прослеживается также связь с материалом, изучаемым студентами в рамках дисциплины «Уголовное право» (в частности, вопросы квалификации уголовно наказуемых деяний, от которых зависит санкция за содеянное, и сама процедура уголовного преследования).

Вариантом самостоятельной подготовки и работы студентов может служить общее задание к первому занятию, например:

1. Составить проект постановления о проведении следственного действия по фактическим обстоятельствам, данным преподавателем («фабула» подбирается индивидуально каждому студенту исходя из желаемого места его работы и подследственности данного правоохранительного органа при расследовании преступлений: ст. 150, 151 УПК РФ).

2. Составить проект постановления о проведении осмотра в жилище против воли проживающих в нем лиц по фактическим обстоятельствам, данным преподавателем.

3. Сравнить оба постановления.

Кроме того, при подготовке проведения практического задания следует определить план проведения работы, исходя из количества часов, предусмотренных темпланом вуза на данную тему (рекомендуем проводить занятия одновременно в рамках дисциплин «Уголовный процесс» и «Криминалистика» либо согласовывать с преподавателями дисциплин проведение данного занятия и их участие; возможно проведение и как открытых занятий).

Проведение занятия следует предусмотреть в классе, оборудованном компьютерами с установленными СПС «Консультант Плюс» и т. п.

Для более эффективного осуществления работы предлагаем следующие необходимые материалы и средства:

– компьютеры с установленными СПС «Гарант», «Консультант Плюс», подключение к Интернету;

– материалы учебных уголовных дел и(или) копии из правоохранительных органов региона вуза;

– бланки протоколов следственных действий;

– проектор, экран, ноутбук.

На самом занятии необходимо предложить студентам ознакомиться с материалами учебных уголовных дел, примерами протоколов следственных

действий (копии материалов уголовных дел необходимо подготовить заранее: убрать персональные данные участников процесса, проверить наличие в материалах протоколов следственных действий [9, с. 34–36]).

Допускается разделить группу студентов на подгруппы (не более трех человек) для ознакомления с материалами [8, с. 130].

После ознакомления с материалами необходимо провести опрос студентов. Об опросе необходимо сказать студентам заранее при разделении их на группы и раздаче материалов.

Сформулировать специфику опроса можно, например, следующим образом:

– от группы в качестве докладчика в течение пяти минут выступает один человек, его определяет преподаватель (им может быть любой из группы);

– остальные члены группы обязательно должны дополнить докладчика;

– все студенты и преподаватель могут задавать уточняющие вопросы членам группы и докладчику.

Доклад возможно подготавливать по следующим вопросам:

1. Наименования следственных действий, имеющихся в материалах.

2. Процессуальные документы, сопровождающие назначение и производство данных следственных действий.

3. Виды доказательств, полученных органом расследования при производстве имеющихся в материалах следственных действий.

4. Классификация данного доказательства по возможным основаниям.

После окончания опроса студентам можно предложить вопрос для общего обсуждения, например, сформулировать основные требования к процессуальному оформлению наиболее частого следственного действия из материалов (как правило, это допрос или вид осмотра).

В процессе обсуждения данного следственного действия необходимо акцентировать внимание студентов на разделение его на части: подготовительный, рабочий и заключительный этапы [4].

Далее следует предложить студентам пояснить актуальность подготовки к производству следственного действия на примере тех следственных действий, которые отсутствовали в материалах их группы, с указанием причин их отсутствия в данных материалах уголовных дел [6]. Для этого рекомендуется предоставить студентам время в течение 5–15 минут.

Опрос студентов проводится по аналогичному принципу (любого из группы по желанию преподавателя с дополнениями остальных членов группы).

После рассмотрения данных вопросов следует обсудить со студентами основные требования к делопроизводству и оформлению материалов уголовного дела [5], отметить необходимость заполнения бланков с учетом действующих норм УПК РФ и общих требований тактики производства.

Рекомендуется также ориентировать студентов на смысловое содержание ст. 166 УПК РФ и ее доктринальное толкование видными учеными.

Для данного задания необходимо попросить студентов, обратившись к тексту УПК РФ в СПС «Гарант» или/и «Консультант Плюс», посмотреть, какие авторские коллективы и ученые в настоящее время исследуют данные проблемы (гл. 24–27 УПК РФ). При выполнении этого задания необходимо ориентировать студентов и на сайт РИНЦ – www.elibrary.ru.

Преподаватель при необходимости оказывает помощь студентам в поиске информации в СПС и ее фиксации (в последующих заданиях – тоже).

Также необходимо указать студентам на необходимость конспектирования: Ф.И.О. данных лиц, перечня основных требований к протоколу следственного действия.

После данной работы следует провести письменный опрос-эссе в течение 20–30 минут по вопросу «Основные проблемы производства следственных действий».

На данном этапе возможны подготовка и защита презентаций по имеющимся проблемам, связанным с производством следственных действий, обнаруженных студентами.

После таких заданий следует, сформулировав «фабулу» преступления, попросить студентов составить протокол следственного действия по всем требованиям УПК РФ. Эту работу студенты выполняют самостоятельно вне занятий. Проверка осуществляется при сдаче (срок – не более трех дней после занятия) с указанием в последующем индивидуально каждому студенту ошибок и дополнений в документ.

По итогам изучения данной темы возможно тестирование студентов. Тест разрабатывается преподавателем ежегодно в количестве не менее 20 тестовых заданий в соответствии с действующими нормами уголовно-процессуального законодательства.

Рекомендуется также совместно провести имитацию следственного действия (в рамках деловой игры).

Следует помнить, что обязательным элементом оценки работы студентов является обсуждение ошибок осуществления имитации следственного действия в группе, в начале которого, следует дать возможность студентам

самостоятельно определить осуществленные ошибки и проблемы (рекомендуется разделить группу на две–три подгруппы, отдельно проводящие имитацию), возникшие при подготовке к мероприятию, его осуществлении.

Таким образом, с учетом сказанных предложений, считаем возможным сформировать у специалиста требуемые действующим законодательством и правоприменительной практикой профессиональные умения, навыки и знания.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Договор о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств (Подписан в г. Минске 04.06.1999) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2 (32). – С. 27–33.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511 (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. – URL: http://base.garant.ru/71579274/#block_21#ixzz4tqInp5T4 (дата обращения: 26.09.2017).

4. *Белкин Р.С., Лифшиц Е.М.* Тактика следственных действий. – М.: Новый Юристъ, 1997. – 176 с.

5. *Карева А.В.* Делопроизводство и документооборот в профессии юриста: учебное пособие для студентов высшего профессионального образования. – Рязань: Концепция, 2016. – 80 с.

6. *Маринкин Д.Н.* Процесс формирования и развития компетенций у обучаемых юристов при изучении «Уголовного процесса» и «Криминалистики» на примере занятия по теме «следственные действия» // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 108–112.

7. *Ракитская Л.М.* Лекция-тренинг – эффективная форма обучения пользователей поиску документов в справочно-правовых системах (опыт центра правовой информации РГБ) // Научные и технические библиотеки. 2012. – № 12. – С. 5–12.

8. *Семенов А.А., Макарова Е.А.* Обучение студентов с использованием технологии работы в малых группах // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 12–1. – С. 130.

9. *Смердов А.А.* Использование методов индивидуального обучения в процессе изучения уголовного и уголовно-процессуального права // Вестник Российского нового университета. – 2010. – № 4. – С. 34–36.

Электронное научное издание

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3
Гуманитарные и общественные науки

ВЫПУСК 2, 2017

Электронный научный журнал

Ответственный редактор серии
Краузе Александра Анатольевна
Довгяло Валерий Казимирович
Ответственный секретарь серии
Порозов Владимир Александрович

Редактор М.Г. Коровушкина
Технический редактор Д.Г. Григорьев

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 0902 от 07.03.2014
Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001
Подписано в печать 14.12.2017. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 10,3

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф.71
тел. (342) 238-63-12
e-mail: rio@pspu.ru